

ГОРБИ GORBY

№ 9
МАЙ 2024

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ

ОСВОБОЖДЕНИЕ «ПОЛИТИЧЕСКИХ»

Александр ДАНИЭЛЬ. **Что двигало Горбачевым?** Беседовала Вера Челищева. **стр. 4**

Станислав КУВАЛДИН. **«Признала целесообразным...»** Как оформлялось освобождение политзаключенных. Об указах президиума Верховного Совета СССР. **стр. 10**

Эдуард ГЛЕЗИН. **«Репрессивная машина замедлила свой ход».** Из диссертации «Общественно-политические неформальные организации в РСФСР в 1987—1990 гг.». **стр. 14**

Зоя СВЕТОВА. **«Горбачевское помилование» — как это было.** Фрагменты семейной хроники. **стр. 16**

ИССЛЕДУЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Виктория АРТЕМЬЕВА. **У подножия государственной идеи.** Кто, когда и как изобрел сегодняшние традиционные ценности. **стр. 22**

Юлия СИНЕОКАЯ (признана в РФ «иноагентом»). **Жрецы Танатоса в Кремле.** Как дугинцы оккупируют российскую философию и российское образование. **стр. 28**

Вади́х ЭЛЬ-ХАЙЕК. **Террорист террористу — волк.** Обзор основных террористических организаций, действующих на Ближнем Востоке. **стр. 34**

О чем думают в России: социологическая рубрика. **Призрачная справедливость.** **стр. 40**

НЕОТЛОЖНЫЙ РАЗГОВОР

Слава ТАРОЩИНА. **По дороге во тьму.** Как вихрь сошедшихся обстоятельств изменил духовный климат страны за последние два года. **стр. 48**

Рифмы: рубрика Александра АРХАНГЕЛЬСКОГО. **Своим судом.** **стр. 52**

ЧТО НА ГОРИЗОНТЕ

Владимир ХАРИТОНОВ. **Лицензирование скреп.** Государство озаботилось лицензированием издательской деятельности. К чему это приведет в недалекой перспективе? **стр. 56**

Владимир МОЗГОВОЙ. **Мешает жить Париж.** Игры 33-й летней Олимпиады российской пропагандой заранее объявлены провальными. **стр. 60**

ДЕМИСТИФИКАЦИЯ

Павел ПОЛЯН. **Викинг.** Из героической жизни Фритьофа Нансена, защитника беззащитных. **стр. 66**

Сергей ВАСИЛЬЕВ. **Эпоха Великих Реформ.** Групповой портрет: западники, славянофилы и технократы. **стр. 74**

IN MEMORIAM

Ирина ЯСИНА. **Жил на «отлично».** К 90-летию Евгения Ясина. **стр. 80**

СМЫСЛОВАЯ НАГРУЗКА

Роман ШАМОЛИН. **Капитуляция сознания.** Кто в ответе за культуру и почему народ и государство к ней лучше не подпускать. **стр. 84**

Алексей ЛЕВИНСОН. **Феномен Навального.** Разговор на языке опросной социологии и на языке культурной антропологии. **стр. 88**

Виктор ЯРОШЕНКО. **Сергей Залыгин и его «Новый мир».** Заметки неглавного редактора (окончание, начало в №8). **стр. 92**

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ «ГОРБИ»

Нина ХРУЩЕВА. **Первые заграницы Никиты Хрущева.** Новичок в международных делах выходит на мировую арену. Глава из книги **«Никита Хрущев: вождь вне системы»**, подготовленной к печати. **стр. 98**

Клариса ПУЛЬСОН. **Шоки и шорохи.** Обзор вышедших книг. **стр. 106**

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ

Освобождение «ПОЛИТИЧЕСКИХ»

КАК ГОТОВИЛСЯ И КАК ПРОТЕКАЛ ПРОЦЕСС
ВОЗВРАЩЕНИЯ ПОЛИТЗЭКОВ ИЗ ТЮРЕМ,
ЛАГЕРЕЙ И ССЫЛОК В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

Что двигало Горбачевым?

Вера

Челищева

Процессу освобождения политзаключенных во второй половине 1986 года предшествовало письмо, адресованное Михаилу Горбачеву Андреем Сахаровым, который еще находился в горьковской ссылке. В своем непубличном письме Сахаров поднимал во-

прос о политзаключенных и настаивал на необходимости их освобождения. Генсеку он перечислял конкретные фамилии политзэков, в том числе своего друга — диссидента Анатолия Марченко, который вскоре начнет голодовку с тем же требованием и в итоге умрет в тюрьме. Но так или иначе весной 86-го почти прекратились аресты по политическим обвинениям. Тогда же Горбачев начал ставить вопрос об освобождении политзаключенных из тюрем и лаге-

рей. Сам процесс освобождения начнется в 1987 году. Горбачеву удастся воплотить это в жизнь, несмотря на недовольство некоторых членов Политбюро и руководителей КГБ.

Что реально им двигало? Зачем ему это надо было? И как происходил запущенный им процесс освобождения политических? Об этом мы говорим с исследователем истории инакомыслия в СССР **Александром ДАНИЭЛЕМ**, сыном диссидентов Ларисы Богораз и Юлия Даниэля, пасынком Анатолия Марченко. С начала 1970-х годов Александр Даниэль участвовал в выпуске самиздатского информационного бюллетеня советских правозащитников «Хроника текущих событий», входил в редакцию исторического сборника «Память». С началом перестройки стал членом правления общества «Мемориал» (признанного сегодня «иностранным агентом» и ликвидированного). Почти 20 лет руководил исследовательской программой научно-информационного и просветительского центра «Мемориал» по теме «История инакомыслия в СССР. 1950–1980-е годы». В настоящее время публикует статьи, посвященные истории репрессий, инакомыслию, судьбам советских политических заключенных и вместе с коллегами участвует в подготовке книг на эти темы.

Александр Даниэль

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ

ОСВОБОЖДЕНИЕ «ПОЛИТИЧЕСКИХ». ПРЯМАЯ РЕЧЬ

— Анатолия Марченко, Татьяну Осипову, Ивана Ковалева, Юрия Орлова, Виктора Некипелова — это все были члены Московской Хельсинкской группы. Юрия Шихановича, Анатолия Щаранского. Хотя в тот момент, когда Сахаров пишет в письме про Щаранского, тот уже был обменян и находился за границей. Но об этом Сахаров еще не знал.

Еще он называл Татьяну Великанову, Алексея Смирнова, Сергея Ходоровича, Мустафу Джемилева, Марта Никлуса и Мераба Коставу.

На тот момент Сахаров уже неоднократно обещал в переговорах с КГБ воздерживаться от политических выступлений, кроме, как говорил он, «крайних случаев». Но тему политических заключенных он, безусловно, воспринимал как крайний случай. Это его письмо Горбачеву было не первым письмом такого рода. И не только Сахаров писал об этом. Но такое впечатление, что этим письмом Андрей Дмитриевич наконец

достучался до власти. Мы с вами можем гадать, почему все-таки на этот раз сработало. Потому ли, что Горбачев был к этому склонен «по-человечески»? Я этого не исключаю. Потому ли, что имело место давление Запада, Штатов? Но это давление всегда имело место. Может, Горбачев в этот момент больше прислушивался к западному общественному и политическому мнению, чем предыдущие его предшественники? Очень вероятно, что это так. Но мне кажется, главное не в этом. По-моему, Горбачев чувствовал диссонанс между своей новой политикой, которую он уже в общих чертах наметил, и политическими репрессиями, которые до сих пор имели место в стране. Какой-то анахронизм, противоречие в этом были.

Александр ДАНИЭЛЬ: Что двигало в 1986 году Горбачевым? В любом случае, сегодня это будут только догадки. Смотрите, атмосфера тогда была такая: 8 февраля 1986 года во французской коммунистической газете «Юманите» появилось интервью с Горбачевым. В ходе интервью ему, естественно, задали вопрос, какой задавали до него многим советским руководителям, — насчет политза-

Анатолий Марченко

Татьяна Осипова

Иван Ковалев

Юрий Орлов

Виктор Некипелов

Юрий Шиханович

ключенных в СССР. И он ответил точно так же, как всегда отвечали все предыдущие генсеки: никаких политзаключенных у нас в стране нет. Реагируя на это, 19 февраля Сахаров, находясь в горьковской депортации, пишет Горбачеву письмо. Письмо не открытое, Сахаров подчеркивает, что он пока что воздержится от его опубликования. В письме он настаивает, что политзаключенные в стране есть. Он говорит о трех категориях: 1) об осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду; 2) об осужденных за «клеветнические измышления, порочащие советский строй»; 3) о «религиозниках», т.е. осужденных за религиозную активность по специально для этого предназначенным статьям УК. Сахаров пишет, что этих людей осудили незаконно и их необходимо освободить.

— А кого Сахаров называл?

Анатолий Щаранский

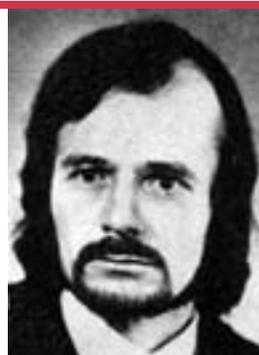
Татьяна Великанова

Алексей Смирнов

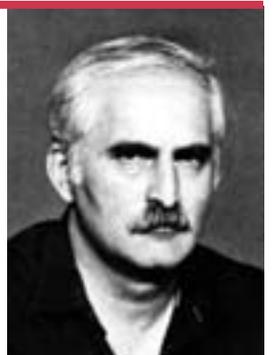
Сергей Ходорович

Мустафа Джемилев

Март Никлус

Мераб Костава

Уже в постперестройку, после 1991 года, когда нам стали доступны ведомственные архивные материалы, мы с коллегами по «Мемориалу» посмотрели на статистику арестов по политическим статьям. Что было в 1984 году, в 1985-м, в 1986-м и далее. Так вот, статистика показывает, что весной 86-го года политические аресты практически прекратились. Ну три-четыре человека в начале 86-го были арестованы по 70-й статье «антисоветская агитация и пропаганда». И все. Тогда как в предыдущие годы число арестов было намного больше.

Так как отчетность по арестам приходила поквартально, то цифры, о которых я говорю, позволяют судить, что где-то во втором квартале 86-го года рубильник арестов был резко повернут «на ноль». И я думаю, что февральское письмо Сахарова Горбачеву сыграло в этом свою роль.

Что двигало Горбачевым?

— А сам Горбачев что по этому поводу говорил?

— Могу рассказать смешную историю. Однажды, уже в середине 90-х годов, мне случилось встретить Михаила Сергеевича в одном московском доме на посиделках в большой веселой интеллигентской компании. Он уже был частным лицом. Я уже знал про статистику арестов, о которой я вам говорю. И мне стало страшно интересно его расспросить. В какой-то момент он вышел на кухню. Я не выдержал, пошел вслед за ним и говорю: «Михаил Сергеевич, мне очень интересно. Хочу задать вам один вопрос. Статистика за 1986 год показывает то-то и то-то. Я по-

нимаю, что это не случайность, понимаю, что это было ваше решение. Но как это решение было документально оформлено? Было заседание Политбюро или секретариата? Или был какой-то циркуляр, закрытое какое-нибудь письмо ЦК КПСС руководству КГБ, его региональным управлениям? Как было оформлено решение больше не сажать «за политику»? Он так посмотрел на меня, прищурился, ухмыльнулся и говорит: «Какое письмо? Какой секретариат? Какой циркуляр? Позвонил кому следует, и все».

То есть прекращение этих политических арестов началось по звонку. Михаил Сергеевич не просил меня: «Только ни-

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ

ОСВОБОЖДЕНИЕ «ПОЛИТИЧЕСКИХ». ПРЯМАЯ РЕЧЬ

кому не говорите, это секрет», так что, я думаю, об этом можно рассказать.

— **Вообще, трудно представить кого-то из ныне репрессированных, которые бы писали письмо Путину с требованием освободить политзаключенных. А вот к Горбачеву, получается, обратиться можно было.**

— Вообще-то Сахаров считал, что разговаривать надо со всеми. С любыми людьми. Он удивительный был человек. Он всегда обращался к своим оппонентам как к людям, до которых можно достучаться. Я не знаю, хватило бы его на то, чтобы разговаривать с нынешним руководителем российского государства. Впрочем, когда Сахаров писал письмо Горбачеву, шла война в Афганистане. И было еще неизвестно, когда она закончится. Но это не мешало Сахарову обращаться и к Горбачеву, и к Черненко, и к Андропову, которым он тоже писал. Может быть, его и на Путина бы хватило. Не берусь сказать.

— **Хочу спросить про ваших родителей. Ваш отец умер в 1988 году, мама гораздо позже — в 2004-м. Но оба застали начало процесса освобождения политзаключенных. Ваш отчим Анатолий Марченко умер в Чистопольской тюрьме в декабре 86-го. Перед этим он голодал 114 дней, как раз требуя выпустить всех политзаключенных, и не дожидаясь нескольких недель до начала процесса их освобождения. Что говорили ваши родители, когда началась перестройка? Как они это восприняли?**

— Мать моя примерно тогда же, в 1986 году, обращалась к Горбачеву по поводу своего мужа Анатолия Марченко и о политзаключенных вообще. Это тоже было письмо не публичное, она подчеркивала: «Я к вам обращалась в частном порядке». Видимо, Горбачев уже производил впечатление не очередного долдона из Политбюро. Наверное, что-то в нем уже тогда было, что позволяло людям на что-то надеяться. И, кстати, в 1986 году не только моя мать ему писала. Михаил Яковлевич Гефтер (*советский и российский историк, философ, публицист, участвовавший в диссидентском движении. — Ред.*), например, к нему обращался. А позже, уже осенью 86-го года, моя мама Лариса Иосифовна Богораз и Софья Васильевна Калистратова (*советский адвокат, член Московской Хельсинкской группы, известна своими выступлениями на политических процессах над диссидентами. — Ред.*) обратились уже с открытым письмом к интеллигенции с просьбой поддержать призыв к власти о политической амнистии. Это было не в первый раз. Но впервые люди

из числа статусной советской интеллигенции поддержали это обращение. Белла Ахмадулина, Юрий Норштейн, писатель Олег Волков, еще несколько человек. То есть было впечатление, что к этому советскому вождю можно обратиться и робко надеяться: а вдруг он откликнется.

— **На письма вашей мамы, когда она писала по поводу Анатолия Марченко, когда он еще был жив, откликнулись?**

— Это интересная история. Толя начал свою смертельную голодовку в августе 1986-го, после которой он, в сущности, и умер 8 декабря 1986-го. До этого, где-то в октябре-ноябре, с мамой вступили в переговоры, причем сразу было два переговорных процесса. Один исходил из КГБ, где ей предлагали: эмигрируйте и заберите с собой вашего мужа. Она отвечала: «Я не отказываюсь категорически. Но я не могу это сделать без разговора с мужем. Что ж я его насильно буду с собой вытаскивать, против его воли? Я должна встретиться с ним и поговорить». Они не хотели давать ей свидания и не дали в итоге. А второй процесс переговоров вроде бы был как ответ на ее письмо Горбачеву. Ее вызвали почему-то в райком партии. Октябрьский, как сейчас помню. Там какой-то функционер из ЦК сказал матери: «Михаил Сергеевич получил ваше письмо и меня уполномочили вам ответить. Вопрос, который в нем поднимается, рассматривается». То есть уже речь не шла ни о какой эмиграции. Это было в октябре или в начале ноября; как выяснилось, вопрос действительно рассматривался. И вопрос не только о Марченко, но и о политзаключенных вообще. Но Толя, к несчастью, не дожидаясь этого момента.

— **А какая-то проверка проводилась по факту его смерти? Хотя бы формальная?**

— Нет. Было, как всегда, медицинское заключение в его личном деле заключенного. Акт о смерти с подписями врачей. Ну врачей — громко сказано.

Но что интересно. Толя снял голодовку где-то за 10 дней до своей смерти. Есть у нас некоторая информация, указывающая на то, что снял он ее после встречи и беседы с неким человеком, специально приехавшим к нему в Чистополь из Москвы. Хронология такова: голодовку он снимает 28 или 29 ноября, а умирает 8 декабря. В промежутке он пишет матери письмо, содержание которого было примерно такое: «Скоро мы все увидимся. Готовь еду».

Похоже, беседа с ним действительно была. Зная Толину упертость, можно

с уверенностью сказать, что так просто он голодовку бы не снял. Ему что-то пообещали. Вероятнее всего, скорое освобождение его и всех остальных политзаключенных. Сказали, что этот вопрос вот-вот решится. И сказали так, что Толя поверил. Он ведь очень недоверчивый был по отношению ко всякому начальству. Но его убедили. И как мы знаем, вопрос с освобождением политзаключенных действительно рассматривался.

У меня ощущение, что велась не одна игра, а две. В КГБ, по-видимому, понимали, что скоро всех придется освобождать, и хотели напоследок хотя бы добиться эмиграции Богораз и Марченко. Там понимали, что пройдет еще несколько недель — и уже этого потребовать будет нельзя. И вторая игра — это верхняя, партийная, горбачевская.

Но первый был Сахаров, на письмо которого от 19 февраля 1986 года Горбачев, как мы теперь знаем, косвенно откликнулся. Об этом я сейчас расскажу.

Во-первых, повторюсь, весной 86-го пошли на спад аресты.

— **Как это происходило?**

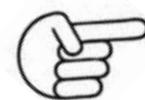
— Никакой статистики в газетах не публиковали, и уловить этот момент было очень трудно. Освобождение тех, кто уже сидит, — другое дело, это сразу видно.

Во-вторых, мы теперь знаем об июньской записке Чебрикова, тогдашнего председателя КГБ, направленной Горбачеву. Он как бы отвечает на сахаровское письмо, типа делает для Горбачева справку по этому письму. А это значит одно: Горбачев, получив письмо Сахарова, обратился с запросом в КГБ на тему политзаключенных.

Справка Чебрикова — довольно пустая и демагогическая. Освобождать политзаключенных он явно не хочет. Сахаровское письмо он называет тенденциозным и говорит, что все упоминаемые академиком люди были осуждены с «соблюдением социалистической законности».

— **Знакомые нотки.**

— Да. Чебриков голословно отмечает сахаровское утверждение о незаконности осуждений по политическим мотивам. Но даже по этой справке чувствуется: времена все-таки наступили чуть другие. Раньше Чебриков просто бы назвал это письмо «злой клеветой матерого антисоветчика». А здесь он более сдержанно пишет.

Из документального сборника «Объект наблюдения: КГБ против Сахарова», выпущенного «Мемориалом» в 2022 году:
«17 июня 1986 г.
№ 1163-Ч
ЦК КПСС

Товарищу Горбачеву М.С.
О письме Сахарова А.Д.

В связи с Вашим поручением Комитетом государственной безопасности СССР рассмотрено письмо Сахарова А.Д.

В своем письме Сахаров, по существу, повторяет известные измышления реакционных кругов Запада о якобы существующих в Советском Союзе «нарушениях прав человека», уголовном преследовании за убеждения, наличии в СССР так называемых «политзаключенных».

Он заявляет о будто бы имеющем место осуждении за антисоветскую агитацию и пропаганду (ст. 70 УК РСФСР) при отсутствии цели подрыва или ослабления Советской власти; за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (ст. 190-1 УК РСФСР), при недоказанности «заведомой ложности»; о неправильном осуждении за нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви (ст. 142 УК РСФСР). Эти утверждения Сахарова являются явно несостоятельными.

Предварительное следствие по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 70 УК РСФСР, отнесено к компетенции следователей органов КГБ, а ст.ст. 190-1 и 142 — к компетенции следователей органов прокуратуры.

В процессе предварительного и судебного следствия в полном объеме выясняются все обстоятельства совершения противоправных деяний и, в частности, форма вины (умысел). При расследовании уголовных дел об антисоветской агитации и пропаганде в соответствии с требованиями закона обязательно исследуется наличие и специальной цели (подрыв или ослабление Советской власти либо совершение отдельных особо опасных государственных преступлений).

Следует отметить, что количество лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за указанные преступления, незначительно и имеет тенденцию к снижению. В настоящее время в исправительно-трудовых учреждениях и ссылке отбывают наказание за антисо-

Что двигало Горбачевым?

ветскую агитацию и пропаганду 172 человека, за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, — 179 человек, за нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви — 4 человека.

Указанные в письме Сахарова двенадцать человек (Марченко, Осипова, Ковалев, Орлов, Некипелов, Шиханович и другие) осуждены за совершение конкретных преступных деяний, подпадающих под действие норм уголовного законодательства, и в строгом соответствии с ними. Их вина доказана полностью материалами предварительного и судебного следствия, в том числе многочисленными свидетельскими показаниями и вещественными доказательствами. Уголовные дела на них в кассационном и надзорном порядке рассматривались судебными и прокурорскими инстанциями, обвинения были признаны обоснованными.

Необходимо отметить, что эти лица противоправной деятельностью занимались в течение длительного времени. До привлечения к уголовной ответственности в отношении них проводилась большая предупредительно-профилактическая работа с привлечением трудовых коллективов, представителей общественности и правоохранительных органов. Ряд из них ранее привлекался к уголовной ответственности за другие преступления. Например, Марченко, которого Сахаров называет «мой друг», до осуждения по ст. 70 УК РСФСР был судим за хулиганство, попытку нелегального перехода государственной границы СССР, систематические нарушения паспортного режима; Щаранский отбывал наказание за измену Родине в форме шпионажа (в 1986 году выдворен из страны).

Отдельные лица из числа отбывающих наказание, в том числе упомянутые в письме Ковалев, Осипова, Шиханович, в результате систематической воспитательной работы осудили свои действия, заявили о раскаянии и отказе от проведения в дальнейшем противоправной деятельности.

В письме Сахаров указывает на якобы незаконную практику повторного осуждения в местах лишения свободы. При этом отчетливо просматривается его попытка тенденциозной подачи фактов обоснованного привлечения к уголовной ответственности по ста-

тье 188 УК РСФСР (злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения). По этой статье привлечено к уголовной ответственности из числа осужденных по статье 70 — 4 человека, а по статье 190-1 УК РСФСР — 2 человека.

Поднятые Сахаровым вопросы обусловлены, видимо, заблуждениями, которые усиливаются постоянным негативным влиянием его жены Боннэр.

С учетом изложенного полагали бы целесообразным письменный ответ Сахарову не давать. Можно было бы поручить ответственному работнику Прокуратуры СССР провести с ним обстоятельную беседу, в которой дать аргументированные ответы на затронутые в письме вопросы.

О поступлении письма в ЦК КПСС Сахаров информирован.

Приложение: на 5 листах, не секретно, № 315-оп. (только в адрес).

*Председатель Комитета
/Подпись/ В. Чебриков
/Верху первого листа резолюция:/
Ознакомить только
чл. ПБ. М. Горбачев
/Ниже подписи:/ Лигачев,
Э. Шеварднадзе, М. Соломенцев,
Рыжков, Зайков, В. Воротников
/Внизу листа помета:/ О согласии (стр. 3,
предпоследний абзац)
сообщено в КГБ СССР (тов. Мартынову
Г.В.) 16.09.1986 года
/Подпись/ Фадин».*

— Известно, как Горбачев отреагировал на эту справку Чебрикова?

— По-видимому, Горбачева она не устроила. Потому что уже 25 сентября 1986 года теме освобождения политзаключенных Горбачев посвящает заседание Политбюро. И что интересно — делает докладчиком по этому вопросу самого Чебрикова. И тот выступает на заседании Политбюро уже несколько в иной интонации, в другом духе, нежели он отвечал Горбачеву на его запрос по поводу письма Сахарова. Наоборот, Чебриков даже выдвигает план поэтапного освобождения политзаключенных. Очень половинчатый, очень

медленный и не по всем категориям, о которых Сахаров писал, но тем не менее план.

Это были обычные горбачевские штучки — продавливая свою идею, он поручал докладывать о ней ровно тому, кто этой идее оппонировал раньше. Он довольно часто проделывал такое со своими коллегами.

— Сколько политэзков планировалось выпустить согласно тому плану?

— Согласно этому плану предполагалось сначала освободить треть осужденных, потом половину. И КГБ, совместно с прокуратурой СССР, поручалось разработать его в деталях. Но время шло, политическая обстановка менялась — и совместная записка КГБ, прокуратуры и Верховного суда в ЦК, озаглавленная «Об освобождении от отбывания наказания и уголовной ответственности отдельных категорий лиц», датированная 26 декабря 1986 года (уже, между прочим, Сахаров на свободе), составлена уже несколько в ином духе. В ней речь уже идет не о трети политзаключенных и не о половине, а обо всех. Политбюро окончательно утверждает этот план — вы будете смеяться — 31 декабря! Дало поручения соответствующим ведомствам:

ченых не просто не одобрялось, а прямо осуждалось. И в течение первого месяца-двух очень немногие из политэзков написали эти заявления.

— Без этих заявлений вообще нельзя было?

— Понимаете, по тому плану, который был принят Политбюро, — вроде как нельзя. За первую половину января 1987 года на этих условиях удалось оформить освобождение не более 13 человек. В общем, процесс освобождения шел не очень. И тогда началась удивительная вещь. Гэбэшные опера, которые приезжали в политлагеря и уговаривали людей писать заявления, начали ослаблять свои условия. «Напишите хоть что-нибудь, — говорили они политэзкам. — Хоть какие-то слова, нужно, чтобы хоть какая-нибудь бумажка от вас была». А это политзаключенным уже было немножко легче. Кто-то писал «не возражаю против того, чтобы меня освободили». И этого было достаточно. Как-то раз, позднее, я встретил Валерия Сендерова, который сидел в 1987 году в пермском лагере. Он рассказывал: «Я не хотел ничего писать, а мне говорят: «Напиши что угодно». Я им

них все равно освобождали. Но это уже было не централизованное освобождение. Перестройка уже вовсю развернулась, в некоторых союзных республиках начиналось национальное брожение, шли уличные митинги, и Верховные суды этих республик принимали решение об освобождении под давлением «улицы», не спрашивая Москвы.

К концу 89-го года в политлагерях оставалось всего несколько человек. И это были сложные случаи. В основном оставались сидеть те, кто был осужден по статье 64 УК РСФСР «измена Родине в форме шпионажа». И не очень понятно было, это липа или нет. Иногда это была липа, а иногда — не совсем.

Эти люди сидели долго. По-моему, последние заключенные пермских политлагерей были освобождены в феврале 1992 года. Уже простым решением об амнистии, принятым Ельциным. Впрочем, этих заключенных тогда можно было по пальцам одной-двух рук пересчитать.

— Горбачев оказался единственным из всех генсеков после хрущевской оттепели, кто не побоялся начать процесс освобождения политических?

— Был один очень смешной и очень короткий период в СССР: конец 1964-го — начало 1965 года, когда за «антисоветскую пропаганду» вообще никого не сажали. Точнее, арестованные сидели под следствием, но их дела не передавались в суды. Это было сразу после снятия Хрущева и в первые месяцы брежневского правления. И я думаю, что это не было указанием сверху. Просто нижестоящие, не понимая, что происходит и к чему этот переворот в Москве приведет, на всякий случай выжидали. А весной 1965-го опять начали сажать. В сентябре 1965 года, например, был арестован мой отец. Тогда уже вовсю сажали.

— Получается, что целенаправленный процесс по освобождению затеял только Горбачев в 1986-м?

— Михаилу Сергеевичу хотелось, конечно, представить доказательства того, что все его разговоры о новом мышлении — не фуфло, простите.

— Как вам кажется, чем все закончится сейчас?

— Посадок сегодня уже больше, чем было в последние годы советской власти, перед Горбачевым. Их больше, чем при Андропове и чем при Брежневле. Чем все закончится, не знаю. Я не футуролог и не пророк.

Михаилу Сергеевичу хотелось, конечно, представить доказательства того, что все его разговоры о новом мышлении — не фуфло, простите

Президиуму Верховного Совета, который должен принимать решения о помиловании, КГБ и прокуратуре. Речь шла о тех самых двух категориях — осужденных по 70-й статье УК РСФСР «за антисоветскую агитацию и пропаганду» и осужденных по 190-й статье «за клевету на советский строй». Так процесс был запущен.

На самом деле шел он очень медленно, буксовал. Потому что и этот план был очень робкий и половинчатый. Самый главный его минус был в том, что от политзаключенных требовалось написать заявление с просьбой их освободить. Это смахивало на просьбу о помиловании. А этика политзаключенных не очень одобряла просьбы о помиловании. И еще там было требование, чтобы в заявлении было сказано: «обязуюсь не допускать впредь враждебной или иной противоправной деятельности». А это уже не просто заявление о помиловании, это уже могло быть понято как раскаяние и признание вины. Что в среде политзаключенных

написал: «Не возражаю против помилования меня Государственной Думой (заметьте: в 87-м году никакой Государственной Думы в помине не было!), даже если в этой Думе будет представлена фракция большевиков». Что вы думаете? Заявление приняли и Сендерова освободили.

— Гениально.

— Подобные хохмы не один Сендеров выделял. Но все-таки какое-то количество людей вообще отказывалось что бы то ни было писать. И они оставались в лагерях еще довольно долго. Так что все это растянулось на 87-й, на 88-й год, некоторых еще в 89-м освобождали... И я понимаю позицию этих очень упертых людей: «Я сам себя не сажал. Вы меня посадили, вот вы меня и освобождайте. Я ни о чем просить не буду и ни в чем участвовать вместе с вами не буду».

К началу мая 1987 года в лагерях оставалось еще 74 человека, которые вообще ничего не хотели писать. Кое-кого из

Архив

«Признала цедесо- образ- ным...»

КАК ОФОРМЛЯЛОСЬ
ОСВОБОЖДЕНИЕ
ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ.

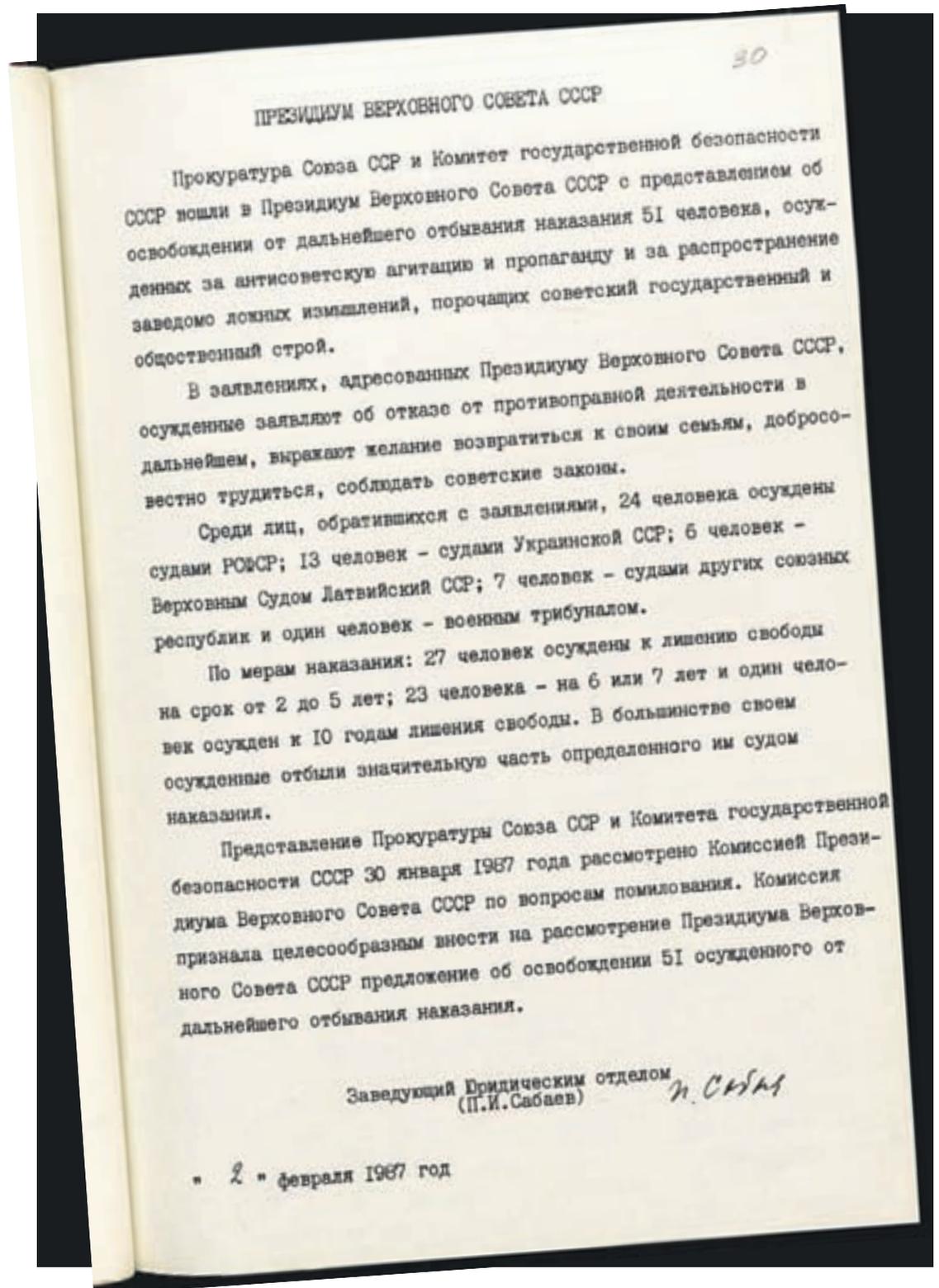
ОБ УКАЗАХ ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Первые шаги к освобождению советских политических заключенных из мест отбывания приговора юридически оказались оформлены кратко и сухо. 2 февраля 1987 года Президиум Верховного Совета СССР — коллективный орган, которому формально (между сессиями Верховного Совета) принадлежала высшая государственная власть в стране и, соответственно, обладавший полномочиями осуществлять помилования и объявлять амнистии, издал два практически идентичных указа за номерами: 6462-XI и 6463-XI. В первом перечислялось 17, а во втором 34 заключенных. Согласно указам, перечисленных в них лиц постановлялось «помиловать, освободив от дальнейшего наказания». Основанием для помилования указывалось представление Прокуратуры и КГБ СССР.

В качестве сопроводительного документа к указам фигурирует лишь небольшая записка, составленная юридическим отделом Президиума. В ней также излагается, что Прокуратура и КГБ обратились «с представлением об освобождении от дальнейшего отбывания наказания 51 человека, осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду и за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». В записке, впрочем, упоминается о заявлениях, в которых осужденные говорят «об отказе от противоправной деятельности в дальнейшем, выражают желание возвратиться к своим семьям, добросовестно трудиться, соблюдать советские законы»*.

Власти действительно старались получить от досрочно освобождаемых заключенных подобные заявления на адрес Президиума Верховного Совета СССР и, как можно видеть, первоначально готовы были освободить лишь тех, кто согласится написать подобный документ. Во всяком случае, в записке юридиче-

* ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 144. Д. 390. Л. 26–28, 30, 34–38.

ского отдела говорится об освобождении лиц, «обратившихся с заявлениями». Их, согласно этой записке, «признала целесообразным освободить рассмотревшая данный вопрос Комиссия Президиума Верховного Совета СССР по вопросам помилования». Указы издавались секретно. Их текст, а также тон сопроводительной записки создают впечатление, что массовому выпуску политических заключенных из лагерей хотели придать максимально технический характер, не привлекая к нему большого политического внимания. Возможно, государственная ма-

шина, которой дали указание разжать челюсти, на тот момент действительно не вполне осознавала значение совершаемого шага.

Станислав Кувалдин,
ведущий тг-канала «Документальное прошлое: ГА РФ», специально для «Горби»

Не подлежит опубликованию

1987 ПРЕДИИ ВЕРХОВОИ РАДИ СРСР
1987 ПРЕДИИ ВЕРХОВОИ РАДИ СРСР

1987 ПРЕДИИ ВЕРХОВОИ РАДИ СРСР
1987 ПРЕДИИ ВЕРХОВОИ РАДИ СРСР

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВОГО СОВЕТА СССР

Об освобождении от дальнейшего отбывания наказания
Ахонена Х.Х., Ахтерова П.А. и других осужденных

Рассмотрев представление Прокуратуры Союза ССР и Комитета государственной безопасности СССР об освобождении от дальнейшего отбывания наказания Ахонена Х.Х., Ахтерова П.А. и других осужденных, Президиум Верховного Совета СССР постановляет помиловать, освободив от дальнейшего отбывания наказания:

1. АХОНЕНА Хейки Хуговича, рожд. 1956 года, осужденного 16 декабря 1983 года Верховным Судом Эстонской ССР по части I статьи 68 Уголовного кодекса Эстонской ССР к 5 годам лишения свободы и 2 годам ссылки.
2. АХТЕРОВА Павла Алексеевича, рожд. 1930 года, осужденного 28 декабря 1981 года Донецким областным судом по части I статьи 62 Уголовного кодекса Украинской ССР к 7 годам лишения свободы и 5 годам ссылки.
3. БАРАЦА Василия Мартыновича, рожд. 1946 года, осужденного 28 марта 1983 года Ростовским областным судом по части I статьи 70 Уголовного кодекса РСФСР к 5 годам лишения свободы.
4. БУТОВА Петра Алексеевича, рожд. 1946 года, осужденного 27 августа 1982 года Одесским областным судом по части I статьи 62 Уголовного кодекса Украинской ССР к 5 годам лишения свободы и 2 годам ссылки.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
(А. Громько)

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
(Т. Ментешавили)

Москва, Кремль.
2 февраля 1987 г.
№ 6462-ХI.

А. Громько

Т. Ментешавили

27 года, осужденного
рвским областным судом
атье 190-3 Уголовного
ишения свободы и 2 годам

года, осужденного
им областным судом
ного кодекса РСФСР
а с присоединением части
нее вынесенному при-
лишения свободы.

ода, осужденного
им областным судом
о кодекса РСФСР к
дам ссылки.

а, осужденного
городским судом
са РСФСР к

, осужденного
городским судом
тьи 89 Уголовного
ободы и 3 годам

ужденного
ским судом
кса РСФСР
ссылки.

ного
твийской
декса
ды и

ого
овской
кса
5 годам

ской ССР

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ
ОСВОБОЖДЕНИЕ «ПОЛИТИЧЕСКИХ». ДОКУМЕНТЫ

Не подлежит опубликованию 34

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
Об освобождении от дальнейшего отбывания наказания Балодиса З.И., Баркана Я.А. и других осужденных

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА СОВЕТСКИХ СЪЕЗДОВ АДЪЮТАНТОВ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ДАЛЬНЕЙШЕГО ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ
ОСЖУДЕННЫХ

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Об освобождении от дальнейшего отбывания наказания Балодиса З.И., Баркана Я.А. и других осужденных

Рассмотрев представление Прокуратуры Союза ССР и Комитета государственной безопасности СССР об освобождении от дальнейшего отбывания наказания Балодиса З.И., Баркана Я.А. и других осужденных Президиум Верховного Совета СССР постановляет помиловать, освободив от дальнейшего отбывания наказания:

1. БАЛОДИСА Зайгиса Имантовича, рожд. 1964 года, осужденного 2 июля 1984 года военным трибуналом Минского гарнизона по части I статьи 67 Уголовного кодекса Белорусской ССР к 2 годам 6 месяцам лишения свободы, а с присоединением части наказания по ранее вынесенному приговору - к 3 годам лишения свободы.
2. БАРКАНА Яниса Аполиinarieвича, рожд. 1959 года, осужденного 13 июля 1983 года Верховным Судом Латвийской ССР по части I статьи 65 Уголовного кодекса Латвийской ССР к 4 годам лишения свободы.
3. БАСАРГИНА Виктора Дрьевича, рожд. 1951 года, осужденного 19 ноября 1981 года Верховным Судом Абхазской АССР по части I статьи 71 Уголовного кодекса Грузинской ССР к 6 годам лишения свободы и 5 годам ссылки.
4. БЕДАРЬКОВА Анатолия Михайловича, рожд. 1940 года, осужденного 26 мая 1981 года Черниговским областным судом по части I статьи 62 Уголовного кодекса Украинской ССР к 5 годам лишения свободы и 3 годам ссылки, а с присоединением срока наказания, не отбытого по ранее вынесенному приговору, - к 7 годам лишения свободы и 3 годам ссылки.

36

года, осужденного
ким городским судом
го кодекса РСФСР к
одам ссылки.

5 года, осужденного
м областным судом
I статьи 194 Уго-
ССР к 6 годам лишения

года, осужденного
м городским судом по
го кодекса РСФСР к

35 года, осужденного
сским областным судом
овного кодекса Украин-
ия свободы и 3 годам

1938 года, осужденного
сковским городским судом
оловного кодекса РСФСР к
и 3 годам ссылки.

осужденного 19 марта 1985
стонской ССР по части I
Уголовного кодекс-

38

на, рожд. 1959 года, осужденного
да Московским городским судом
Уголовного кодекса РСФСР
свободы и 5 годам ссылки.

рожд. 1927 года, осужденного
а Верховным Судом Латвийской ССР
5 Уголовного кодекса Латвий-
лишения свободы и 2 годам

д. 1953 года, осужденного
а Киевским городским судом
62 Уголовного кодекса Украин-
лишения свободы и 5 годам

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
(А. Громыко)

А. Громыко

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
(Т. Ментешвили)

Т. Ментешвили

Москва, Кремль,
2 февраля 1987 г.
№ 6463-ХІ.

«Репрессивная машина замедлила свой ход»

Эдуард
Глезин

Из диссертации
«Общественно-политические
неформальные организации
в РСФСР в 1987–1990 гг.»

С конца 1986 года практически прекратились аресты по статьям 70 (антисоветская агитация и пропаганда) и 190-1 (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй) Уголовного кодекса РСФСР и аналогичным статьям союзных республик.

Судя по официальной записке КГБ в ЦК КПСС «По вопросам о статьях 70 и 190-1 Уголовного кодекса РСФСР» 36 от 11.05.1987, репрессивная машина значительно замедлила свой ход. Из приведенной в записке статистики видно, что в СССР за антисоветскую агитацию и пропаганду (ст. 70) было осуждено: в 1983 г. 44 человека, в 1984-м — 25, в 1985-м — 16, в 1986-м — 11; за опорочивание советского строя (ст. 190-1): в 1983 г. 119 человек, в 1984-м — 67, в 1985-м — 57, в 1986-м — 47. Далее КГБ отчитывался в том, что на 1 января 1987 года в местах лишения свободы содержалось 163 человека, осужденных по ст. 70, и 122 человека — по ст. 190-1. «В связи с решением инстанций, — говорилось далее в записке, — в порядке частного помилования в марте-апреле с.г. освобождено 108 человек, осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду, и 64 человека, отбывающих наказание за совершение преступления, предусмотренного ст. 190-1 УК РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик».

После освобождения А.Д. Сахарова 23 декабря 1986 года из ссылки в Горьком (ныне Нижний Новгород) начался, по выражению самого Сахарова, «долгожданный

процесс массового освобождения узников совести», который он оценил как «смелый шаг властей, имеющий огромное значение».

Принципиальное политическое решение о начале этого процесса было принято на предновогоднем заседании Политбюро 31 декабря 1986 года по записке Председателя КГБ СССР В.М. Чебрикова. В этой записке одобрялись меры, принятые в прошлом в отношении узников совести, но указывалось на то, что их освобождение даст политический выигрыш и подчеркнет гуманность советской власти. Способом освобождения было избрано помилование, причем заключенные должны были сделать заявление о недопущении впредь враждебной деятельности. Процедуру освобождения политзаключенных регламентировали (февраль 1987 года. — Ред.) указы Президиума Верховного Совета СССР <...>.

Позднее член коллегии Прокуратуры СССР В.К. Андреев в интервью журналу «Огонек» сообщил, что в 1987 году была освобождена значительная часть политических заключенных, а в конце 1988 года Президиум Верховного Совета СССР помиловал последних людей, отбывавших наказание за политические деяния.

Это подтверждает и «Отчет КГБ СССР за 1988 год», в котором, в частности, говорилось: «В 1988 году помиловано 137 человек, осужденных ранее по ст. ст. 70, 190-1, 142 и 227 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик. В настоящее время отбывающих наказание по этим статьям нет».

Забегая вперед, необходимо отметить, что на I съезде народных депутатов СССР статья 7 Указа о внесении изменений и дополнений в закон СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» была изменена в том смысле, что теперь по ней были наказуемы лишь призывы к «насильственному свержению или изменению советского государственного или общественного строя». Соответственно, статья 70 УК РСФСР была дана в новой редакции, а статья 190 вообще отменена.

Материал любезно предоставлен редакции «Горби» кандидатом исторических наук Эдуардом Глезиным

Валентина КУЗЬМИНА, Валентина СОБОЛЕВА / фотохроника ТАСС

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ
ОСВОБОЖДЕНИЕ «ПОЛИТИЧЕСКИХ». ОЦЕНКИ

Возвращение Андрея Сахарова из ссылки.
Декабрь 1986 года

«Горбачевское помилование» — как это было

ФРАГМЕНТЫ
СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ

Зоя Крахмальникова и Феликс Светов.
Поселок Усть-Кан, август 1983 г.
Фото из семейного архива

Зоя

Светова

Представьте себе, что вы возвращаетесь из роддома с младенцем, дома вас встречает сестра мужа и радостно сообщает: «Из Усть-Коксы звонили твои родители. Их вызывали к участковому и сообщили, что они свободны. Их помиловали, скоро вернутся в Москву». Эта вполне «святочная» история произошла со мной 30 июня 1987 года. Мы с моим мужем Виктором Дзядко приехали домой с новорожденным сыном Тихоном* (которого в семье из-за этой истории с «горбачевским помилованием» прозвали «Тихоном-освободителем»), и вот прямо на пороге квартиры узнали такую сногшибательную новость.

Желтые книжечки «Надежды»

Моя мама, Зоя Крахмальникова, — литературный редактор, публицист и писатель была арестована 3 августа 1982 года, после ночного обыска на даче ее увезли на черной «Волге» в СИЗО «Лефортово». Одновременно в ту же ночь прошли обыски в нашей московской квартире и у многих маминых друзей. Еще два года назад, когда я рассказывала о «деле Крахмальниковой и Светова», мне было очень трудно объяснить ровесникам моих детей или моим внукам-подросткам, почему сорок лет назад сажали в тюрьмы писателей или составителей сборников христианского чтения. Они, родившиеся после перестройки, слушали меня и не верили, что вообще возможно, чтобы людей сажали за их мнение или за их публикации. Тем более за книжки православных текстов, которыми сейчас завалены книжные магазины и храмы.

Сорок лет назад все было иначе. Моя мама, в зрелом возрасте крестившаяся, страстная неофитка, очень быстро поняла, что для тех, кто хочет поверить в Христа, не хватает литературы, то есть ее вообще, собственно говоря, нет.

В храмах подобные книги не продавались, вообще не было не только православной литературы, но в храмах не продавались ни Евангелие, ни Библия. Наши друзья

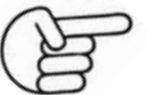
из-за границы целыми сумками привозили эти книги. А поскольку мама была хорошим литературным редактором, то она решила составлять книги христианского чтения, повторяя традицию дореволюционных сборников, которые издавались в России, например, Санкт-Петербургской Духовной академией.

А по сути, она занялась настоящим миссионерством, стала составлять сборники православных текстов, назвала их «Надежда». Мама буквально кинула клич

среди своих знакомых, прихожан разных храмов, чтобы они приносили ей ранее не публиковавшиеся «творения святых отцов церкви, духовные наставления православных пастырей, рассказы о судьбах русских святых, истории обращения к вере».

И люди приносили ей и редкие дореволюционные издания, и рукописные тексты, и дневники священников из тюрем и сылок, воспоминания об арестованных клириках, посаженных после 1917 года, и многое другое.

Мама сама печатала на машинке эти тексты, помню кипы копирки, которые лежали на письменных столах у нас в доме, а мама печатала на тонкой папиросной бумаге, чтобы машинка могла взять шесть-семь копий, иногда чуть ли не десять. Потом она отнесла составленные сборники знакомому переплетчику, и он переплетал их. Обложки были из разных ситцевых материалов. Вот эти сборники распространялись в самиздате и пользовались огромным интересом, потому что тогда был настоящий голод на православные тексты, на христианское чтение. В какой-то момент эти самиздатовские книжечки попали на Запад, честно говоря, я не знаю, но подозреваю, что, может быть, и сама мама переслала их своим друзьям, которые впоследствии решили их издать.

Википедия

* Имеется в виду Тихон Дзядко, признанный в настоящее время Минюстом РФ «иноагентом».

Таким образом, сборники «Надежда» стала выходить в «Посеве», немецком издательстве, которое относилось к эмигрантской организации НТС (Народно-трудовой союз), которую КГБ считал жутко антисоветской.

Именно из-за того, что сборники «Надежда» выходили в «Посеве», Зою Крахмальникову арестовали, предъявив ей обвинение по части 1 статьи 70 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда, проводимые в целях подрыва или ослабления советской власти либо для совершения отдельных особо опасных государственных преступлений в целях подрыва советского строя, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно и распространение, либо изготовление, либо хранение в тех же целях в письменной, печатной или в иной форме произведений такого же содержания»).

Она просидела год в Лефортовской тюрьме, и 1 апреля 1983 года судьей Романовым в Мосгорсуде был вынесен обвинительный приговор, в котором, в частности, говорилось: «В целях дискредитации советской власти, ее подрыва и ослабления Крахмальникова, как усматривается из содержания приобщенных к делу 1–6-го и 8-го номеров «Надежды», наряду с религиозными текстами, помещала в сборники «Надежда» клеветнические материалы, представляющие историю становления и развития социалистического государства как период массовых гонений, пыток и издевательств над священниками и верующими за их религиозные убеждения, а также материалы, порочащие внутреннюю политику КПСС и Советского правительства, марксистско-ленинскую идеологию, многонациональную культуру и искусство, условия жизни советских людей. Во 2-м, 4-м и 6-м номерах названного сборника опубликовала лично написанные статьи «Возвращение блудного сына» и «Кризис красоты» аналогичного содержания <...> Преступный умысел действий подсудимой находит свое подтверждение в том, что, имея высшее образование, звание кандидата филологических наук, обладая достаточным жизненным опытом, Крахмальникова, вступив на преступный путь, занималась враждебной деятельностью, оказывая помощь антисоветским

...как ЭТО БЫЛО

Википедия

Феликс Светов

и клерикальным зарубежным организациям, подрывным пропагандистским центрам в проведении идеологических диверсий против СССР, она сознавала, что ее действия направлены на подрыв и ослабление советской власти, дискредитацию государственного и общественного строя в нашей стране, дезинформацию мировой общественности относительно советской действительности».

Судья Мосгорсуда Романов (известный по другим диссидентским делам) приговорил ее к году колонии строгого режима и к пяти годам ссылки. Приговор по тем временам совершенно вегетарианский, для устроителей этого процесса было очевидно, что в действиях Крахмальниковой не так уж много «криминала», между тем целый год без писем и свиданий с родными мама отбыла в СИЗО «Лефортово».

А в ссылку ее отправили в поселок Усть-Кан на Горном Алтае.

Туда же, только в соседний поселок Усть-Кокса, через три года к ней «доставили» по этапу моего отца, писателя Феликса Светова. Его арестовали в январе 1985 года, потому что после ареста Крахмальниковой сборники «Надежда» продолжали выходить, и КГБ тогда решил, что крамольное издание продолжает Феликс Светов. На этот раз следствие по-

ручили Таганской прокуратуре, но курировали «расследование» дела, конечно, комитетчики. Они довольно быстро разобрались, что Светов не связан с изданием «Надежды», но выпускать его из СИЗО не стали, обвинив по статье 190 УК РСФСР («систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания»). Светов провел год в СИЗО «Матросская Тишина» в переполненных камерах и чуть не умер там от астмы, а 8 января 1986 года судья Вячеслав Лебедев (впоследствии, с 1991 по 2024 год, председатель Верховного суда России) осудил его на пять лет ссылки.

Судья Лебедев тогда написал, что конкретная преступная деятельность Светова Ф.Г. выразилась в изготовлении различных писем и текстов, в которых он, «дискредитируя Советскую внутреннюю политику, государственный и общественный строй, утверждал о якобы наличии в нашей стране «преследуемых и гонимых» <...> В 1979 г. Светов Ф.Г. с целью распространения написал сочинение «с точки зрения романтического патриотиз-

ма», в котором клеветнически характеризовал советское общество как «социальную пустыню... тянущуюся, гниющую, незаживающую».

Это сочинение он передал за границу, где оно в 1980 г. было опубликовано в № 117 органа НТС журнале «Грани».

Да, повторюсь, если два года назад мне было бы трудно объяснить молодым людям, как было возможно, что писателей сажали за их книги, тексты, письма в защиту политзаключенных, которые издавались за границей и особенно в издательствах, которые власть считала вредными (в сегодняшней России такие издательства называют «нежелательными»), то сейчас, после сотен арестованных и осужденных за «заведомо клеветнические измышления», нынче называемые «фейками», объяснять ничего не нужно. Если тогда сажали за изданные тексты в самиздате или в тамиздате, то теперь сажают за тексты в социальных сетях.

«Роковая бумажка» и генпрокурор

Я начала рассказывать историю освобождения моих родителей из ссылки со своего возвращения с младенцем Тихоном из роддома, но не сказала о том, что в те

**Если тогда сажали
за изданные тексты
в самиздате или в тамиздате,
то теперь сажают за тексты
в социальных сетях**

месяцы начиная с возвращения академика Андрея Сахарова в декабре 1986 года после звонка Михаила Горбачева появились устойчивые слухи о возможной амнистии политических заключенных. Мы тогда много переписывались с моими родителями, и в одном из писем они рассказали, что в начале февраля 1987 года их несколько раз вызывали на разные беседы в прокуратуру Усть-Канского района и Горно-Алтайска и там с ними разговаривали разные чины — от прокурора района до прокурора области и начальника КГБ области. Речь шла о том, что они могут получить свободу в обмен на заверение в том, что они не будут впредь нарушать закон, то есть заниматься противоправной деятельностью. Это та самая «роковая бумажка», о которой моим родителям по телефону рассказал украинский писатель и диссидент, один из основателей Украинской Хельсинкской группы Микола Руденко (осужден в 1977 году на семь лет

лагеря и пять лет ссылки. Был освобожден в декабре 1986 года, уехал в эмиграцию, вернулся в Киев в 1990 году). Руденко и его жене также предлагали подписать подобный документ.

Папа писал нам, что, когда они приехали в Горно-Алтайск, в прокуратуру, их с мамой развели по разным кабинетам и там их обрабатывали, требуя подписать ту самую «роковую бумажку» — так они прозвали документ об отказе от общественной деятельности (это называлось «не нарушать закон») в обмен на освобождение.

Они оба отказались, возмущенные таким давлением, и посчитали нужным сообщить об этих «играх вокруг помилования» Генеральному прокурору СССР Александру Рекункову.

Соцсети

...как это было

31 марта 1987 года Феликс Светов написал ему жалобу, где он, в частности, рассказал об этих разговорах в местной прокуратуре, задавая вопрос, является ли это давление на него и Зою Крахмальникову законным, есть ли оно часть процедуры помилования политических заключенных: «Мы отказались от такого заявления. Мы не виновны перед законом, мы не признали себя виновными ни на следствии, ни в суде, в наших делах нет ни одного факта, ни одного доказательства нашей вины, а так называемая оценка доказательств предвзята, тенденциозна, чаще всего безграмотна: так, скажем, мне инкриминировались признаваемые криминальными слова и фразы, вырывающиеся из контекста моих сочинений, а потому заведомо искаженные (в том числе из сочинений неопубликованных), мне приписывались фразы, принадлежащие моим литературным персонажам, мною опровергаемые, и т.п. В отношении нас закон нарушался бесконечно — с первых дней ареста до сего дня, что явствует из ответа Московской городской прокуратуры (здесь речь о том, что Светов требовал вернуть ему книги и рукописи, личные письма, изъятые при обыске, которые не являлись вещественными доказательствами по делу, а ему сообщили в Мосгорпрокуратуре, что все это было уничтожено в соответствии с законом). Как же мы можем, оставаясь честными людьми — честными перед своей христианской совестью, нравственным долгом и нашим законом, — оставаясь гражданами нашего Отечества, дать такого рода гарантию, косвенно признав свою несуществующую вину и покрыв тем самым тех, кто закон нарушил? Для нас признать себя виновными значило бы солгать, значило бы нарушить закон, которого мы никогда не нарушали. Я прошу Вас, гр-н генеральный прокурор, принять личное участие в рассмотрении этого дела. Я жду от Вас ответа по существу моего заявления, а не отписки из Вашей канцелярии. Я надеюсь, что Вы будете способствовать тому, чтобы и это беззаконие стало достоянием гласности.

Или речь идет о действительном восстановлении справедливости и законности, или процесс нравственного оздоровления нашего общества потонет в пустых словах и обещаниях».

Мама, Зоя Крахмальникова, в свою очередь пожаловалась генпрокурору Рекункову. За несколько месяцев до вызова в местную прокуратуру она написала в МВД просьбу о предоставлении отпуска и о возможности поездки в Москву. Отпуск из ссылки был ей положен по закону в качестве поощрения. Ей же сообщили, что отпуск уже был разрешен, но в последний момент вмешался КГБ и отпуск запретили. Мама связывала этот отказ с тем, что они со Световым отказались подписать «роковую бумажку».

«Судите сами, возможно ли в период борьбы за гласность продолжать подобные действия, принуждая людей к обману, — писала она, обращаясь к Генеральному прокурору СССР, — а ведомства — к варианту давать свободу в обмен на бумагу, в которой я должна была в завуалированной форме признать свою вину, признать, что я нарушала закон. Я отказалась дать заверение в том, что не буду впредь нарушать закон в обмен на свободу, так как осуждена незаконно. Я никогда не нарушала закон, закон неоднократно нарушался в отношении меня. И продолжает нарушаться. У меня нет другой возможности участвовать в перестройке, одной из целей которой является нравственное оздоровление общества, кроме этой: отказаться участвовать во лжи и беззаконии».

Написав эти заявления, они решили, что больше ничего сделать невозможно, и продолжали отбывать свой срок, мой отец работал «техничкой» в каком-то учреждении, то есть мыл там полы, собирал грибы, пытался писать какую-то новую книгу, отвечал на письма друзей.

Фильм «Покаяние» как надежда

Я помню, как мы в Москве пережили за то, что моим родителям не удаст-

ся выйти на свободу по помилованию. Мы жадно ловили новости о тех, кто уже вернулся из лагерей или ссылок. Мой муж Витя Дзядко называл эту ситуацию «фантомом амнистии или помилования». Я написала письмо писателю Алесю Адамовичу с просьбой содействовать освобождению моих родителей, папина сестра Ида ходила к Евгению Евтушенко, Булату Окуджаве и другим, умоляя их ускорить освобождение своих друзей из ссылки. Но ничего не происходило.

Весной 1987 года на большом экране показали фильм Абуладзе «Покаяние». Он тогда произвел на меня и на других огромное впечатление. Мы чувствовали, что сейчас что-то должно поменяться в стране. Самая известная фраза из этого фильма: «Зачем эта улица, если она не ведет к храму?» — казалось, давала надежду, что моих родителей обязательно освободят.

Но ничего не происходило. И мы решили успокоиться и ждать, следуя совету Воланда из «Мастера и Маргариты»: «Ничего не просите у сильных мира сего. Сами придут и сами все дадут».

Так и случилось. 23 июня 1987 года родителей снова вызвали, то ли в отделение милиции поселка Усть-Кокса, то ли в местную прокуратуру. Им сообщили, что они свободны, согласно Указу ПВС (президиума Верховного Совета) СССР о помиловании от 22 июня 1987 года. Без всяких «роковых бумажек». Справку об освобождении выдали 1 июля 1987 года.

И через месяц мой муж Витя, сын Филипп вместе с друзьями родителей, в частности с Булатом Окуджавой, встречали моих родителей в аэропорту.

Так закончилась наша семейная история с помилованием, которое получило название «горбачевского помилования».

Другая история

Мне всегда было интересно узнать, знал ли Михаил Сергеевич, как практически осуществлялось это помилование, знал ли он о том, что у политзаключенных требовали подписку о лояльности, кото-

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ ОСВОБОЖДЕНИЕ «ПОЛИТИЧЕСКИХ». ЛИЧНОЕ

рую многие считали, по сути, признанием вины и не соглашались подписывать.

Кому-то, как, например, писателю Олегу Радзинскому** (а посадили его в 1982 году по 70-й статье УК РСФСР на год колонии и пять лет ссылки), предлагали подписать эту же бумагу и советовали эмигрировать, пугая, что могут снова посадить.

Вот как Олег Радзинский описывает свой разговор с неким Валерием Павловичем, сотрудником КГБ из Москвы, который состоялся в одном из кабинетов областного управления внутренних дел Владимирской области. Было это 27 января 1987 года, то есть всего за месяц до того, когда подобные раз-

После прочтения указа о помиловании человек в штатском показал Олегу следующую бумагу: «На гладком — в отличие от несколько помятого Указа президиума Верховного Совета — листке было напечатано (помню почти дословно) следующее: «Я, Радзинский Олег Эдуардович, 11 июля 1958 г. рождения, обязуюсь исполнять советские законы и в дальнейшем не заниматься противоправной деятельностью».

Радзинский отказался подписать бумагу, и тогда мужчина в штатском описал ему последствия этого, по его мнению, опрометчивого решения: «Мы в принципе такой реакции от вас и ожидали. И в связи с этим считаем, что если вы не собираетесь выполнять советские законы, вам не

то здоровьем? <...> Принимайте решение, Олег Эдуардович. Вы же теперь взрослый человек. Семейный. Мы рекомендуем вам эмигрировать. Настоятельно».

И Радзинский сдался. «Хорошо, — сказал он. — Едем».

Его судьба на Западе сложилась очень удачно. Он стал банкиром на Уолл-стрит, потом переехал в Европу, стал писателем, выпустил несколько романов, в том числе и свои воспоминания «Случайные жизни».

P.S.

Я всегда была очень благодарна Михаилу Горбачеву за то, что он освободил всех российских политзаключенных. Вернее, за то, что он услышал слова академика Андрея Сахарова о смерти его друга Анатолия Марченко в лагере и выполнил его просьбу об освобождении политзаключенных.

Когда вице-президент ЮКОСа Василий Алексанян умирал в «Матросской Тишине», я обратилась к Михаилу Горбачеву с просьбой заступиться за него перед президентом Путиным, потому что считала, что Путин именно его может услышать, это было в январе 2008 года. Я знаю, что Михаил Сергеевич действительно способствовал освобождению Алексаняна из тюрьмы, его переводу в больницу, как, впрочем, и многие другие.

Сегодня, когда число российских политзаключенных обогнало число советских политических узников, невозможно не сравнивать отношение к ним Михаила Горбачева с отношением к ним нынешней власти.

Среди сегодняшних политзаключенных много тяжелобольных, много женщин. Все они сидят за высказывания, за мнения, за публикации, которые не соответствуют сегодняшней государственной «правде». Большинство из них не признают своей вины, как не признавали ее мои родители.

Я переписываюсь с некоторыми из сегодняшних политзаключенных, и бывает очень радостно слышать от некоторых, не только людей в возрасте, но и от тридцатилетних, о том, что они читали мемуары диссидентов, знают, что были такие люди в советское время, которые так же, как и они, стояли за правду.

Олег Радзинский

Кадр из видео

говору начались с моими родителями. Мужчина в штатском предложил Олегу Радзинскому ознакомиться с Указом президиума Верховного Совета. В этом указе, датированном 14 января 1987 года, сообщалось, что «президиум Верховного Совета СССР, проявив акт гуманности, помиловал Радзинского и сократил ему срок отбывания назначенного наказания до фактически отбытого. (Олег Радзинский был осужден в октябре 1983 года тем же судьей Мосгорсуда Романовым, что и моя мама. Отбывал ссылку сначала в Томской области, а потом в городе Киржач Владимирской области.)

место в Советском Союзе. Уезжайте туда, где вам больше нравится <...>

В Израиль, конечно. Вы же еврей, у вас там родственники.

— А если откажусь? Если я хочу остаться? — спросил Радзинский.

— Зачем, Олег Эдуардович? — поинтересовался мой собеседник. — Законы наши вы исполнять отказываетесь, стало быть, рано или поздно снова сядете. Раньше, по молодости, этот срок вам — как медаль на шею: проявили героизм. А теперь у вас семья, ребенок. Подумайте о них тоже: вы в тюрьме, а они что? Так и будут за вами по Сибири ездить? В Москву вас, конечно, не пустят, по специальности вы работать не сможете, и что остается? На случайных работах перебиваться? Вагоны грузить? С вашим-

** Признан Минюстом РФ «иноагентом».

ГОРБТ
GORBY

ИССЛЕДУЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Политика «традиционных ценностей» и само это словосочетание вошло в нашу жизнь так незаметно

и прочно, что мало кто вспомнит, когда оно прозвучало впервые. Однако у этих волшебных слов невероятно интересная история, просвечивающая всю современную идеологию насквозь.

КТО, КОГДА И КАК
ИЗОБРЕЛ СЕГОДНЯШНИЕ
ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ

У подножия
государ-
ственной
идеи

Виктория
Артемьева

Истоки

Понятие «традиционных духовно-нравственных ценностей» было впервые четко сформулировано и законодательно закреплено в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», принятой в 2012 году. Впервые — и наконец-то: задолго до этого словосочетание ушло в народ, и мало кто понимал, что же именно оно подразумевает. К тому же давно возникла, так сказать, терминологическая путаница: чуть раньше ценности назывались не традиционными, а духовными, а еще раньше появились вообще не ценности, а духовные скрепы. Пропаганда явно находилась в тяжелом положении: нужно было что-то проповедовать, а что именно — неясно. Впрочем, она имела возможность опереться на многовековую, простите за тавтологию, традицию проповеди традиционных ценностей — и истоки она берет в XVI веке.

Именно к этому времени, а точнее к 1523/24 году, принято относить послания монаха Филофея, в которых он сформулировал надолго полюбившуюся и прижившуюся установку «Москва — Третий Рим». В двух письмах — к дьяку Михаилу Мунехину и к князю Василию III — Филофей рассуждает о том, что на смену утопающему в грехах и ереси Западу (тогда еще просто католическим странам) во главе мира должна стать несущая истинную православную веру Русь:

«Так знай, христолюбец и боголюбец, что все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, это и есть римское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать».

Приведенная цитата так или иначе знакома большинству россиян — но при этом у посланий Филофея есть две особенности, которые вспоминать не принято и о которых знают куда меньше. Во-первых, это контекст исторический: письма написаны в период объединения русских княжеств, и концепция «Третьего Рима» — мощного центра империи, наследника богатой и долгой традиции — была тогда как нельзя кстати (и по сей день она начинает звучать

во всех правительственных речах именно тогда, когда внутри государства возникают серьезные проблемы и снова приходится искать мотивации к объединению). Вторая особенность — контекст внутритекстовый: достаточно пробежаться взглядом по посланиям, чтобы понять, что Филофей пишет князю отнюдь не оды, а скорее учит, какой должна стать страна в будущем — пока же она, как и весь тогдашний мир, по мнению монаха, погрязла в грехах. Характерно, что главный и повальный на Руси грех, против которого выступает Филофей, — это... пропаганда ЛГБТ (признано международным экстремистским движением и запрещено в России). Естественно, с поправкой на тогдашнее словоупотребление. Послание Василию так и называется: «Послание к великому князю Василию, в нем же о исправлении крестного знамения и о со-

погряз в ереси, а Константинополь был завоеван — тоже из-за своих грехов. Поэтому, по велению посланников Бога (которых в «Повести...» очень много), клобук должен был быть передан в Новгород, поскольку Русь — это все тот же Третий Рим:

«Ибо древний Рим отпал от христианской веры по гордости и своевольству, в новом же Риме — в Константинограде, притеснением мусульманским христианская вера погибнет также. И только в третьем Риме, то есть на Русской земле, благодать святого духа воссияет. <...> Царя же русского возвеличит господь над всеми народами, и под власть его подпадут многие из царей иноплемennых. Патриарший чин также будет передан Русской земле в свое время из этого царствующего града. И прозовется страна та озаренною светом Россией, ибо

После войны с Наполеоном Россия научилась оперировать абстракцией «народ» и ставить ценности этой абстракции выше прав и свобод каждого отдельного гражданина

домском блюде». Проблемы российской власти, как видим, за четыре века не изменились нисколько — правда, тогда называть распространение мужеложства на Руси тлетворным влиянием Запада еще никто не догадался.

Тему Третьего Рима подхватила и развила известная на Руси «Повесть о новгородском белом клобуке», пользовавшаяся тогда огромной популярностью. Сюжет у этой повести следующий: в первой части (в послании Дмитрия Толмача архиепископу Геннадия) рассказывается, как приехавший в Рим Дмитрий Толмач за ужином и патристическими разговорами с одним книгохранителем римской церкви узнает, что существует некая легенда, которая изначально была записана в древних греческих книгах, потом вывезена в этих книгах из павшего Константинополя в Рим и переведена там на латинский. Причем содержание легенды было настолько неприятно римлянам, что греческие книги сожгли, а саму историю хранят в строжайшей тайне. Легенда гласит: белый клобук — головной убор, который носит православный патриарх, символ духовной власти — был создан в Риме. Но, увы, Запад, говорит «Повесть...», оказался недостойн владеть символом духовной власти и чистоты веры, поскольку Рим

бог пожелал подобным благословением прославить Русскую землю, наполнить величием православия и сделать ее честнейшей из всех и выше всех прежних».

О датировках этой похожей на романы Дэна Брауна легенды спорят до сих пор. Основная версия — она не могла быть создана раньше посланий Филофея и утверждения патриаршества Борисом Годуновым. В любом случае появилась она не менее своевременно, чем формула «Третьего Рима», и очень помогла, что называется, формированию национального самосознания. Надо ли говорить о том, что никаких письменных источников или намеков на существование этой легенды в Риме не обнаружилось. Более того: в 1667 году Московский собор расставил точки над «и», назвав легенду о клобуке «лживым писанием» Дмитрия Толмача, «еже писа от ветра главы своея». Но сюжет и мораль сей повести оказались, видимо, настолько симпатичными, что она спокойно дошла до наших дней, и сейчас особо патристические граждане относятся к ней с куда меньшим скепсисом, чем в 1667 году.

И формула Филофея, и «Повесть о клобуке» на долгие годы вперед определили три главных «ценности»: во-первых, духовное лидерство как программу и основу государства, во-вторых, сакральность правителя и, в-третьих, богоизбранность народа и его «особый» путь. Во всей славянофильской риторике последующих веков эти ценности так или иначе повторялись. После войны с Наполеоном, когда в Россию из Европы пришел романтизм, добавилась и еще одна: идея принадлежности к великому народу. Именно тогда Россия, и так не имевшая большого опыта индивидуализма, с помощью философии славянофилов научилась оперировать абстракцией «народ» и ставить ценности этой абстракции выше прав и свобод каждого отдельного гражданина.

Дальше, в 1833 году, министр просвещения Сергей Уваров сформулировал еще одну установку, которую сегодня тоже любят вспоминать ревнители «традиционных ценностей» — и которую прямо называл год назад в ряду этих ценностей, в частности, глава СК Бастрыкин: «Православие, самодержавие, народность». Эта триада была явным противопоставлением девизу Великой Французской революции «Свобода, равенство, братство» и легитимизировала репрессивно-консервативную политику Николая I. Формулу активно поддержал главный идеолог этой политики Константин Победоносцев: триада стала символом того, что народ должен объединиться вокруг помазанника-царя на основе безусловной и истинной православной веры — и, конечно же, против растлевающего влияния Запада. Эта же триада стала главным девизом всех последующих поколений консерваторов.

Для народного объединения в братском порыве славянофил Алексей Хомяков придумал термин «соборность» — слово, которое тоже часто мелькает в выступлениях сегодняшних Z-идеологов (и которое еще с нулевых годов постоянно мелькает в работах филолога Есаулова — наряду с изобретенным им самим термином «пасхальность»). И вот на этом этапе сходство между современным Z-патриотизмом и традиционной философией славянофильства заканчивается. Дело в том, что славяно-

У подножия государственной идеи

фильство — это все-таки сложное и системное течение, которое от сегодняшней, как увидим дальше, невероятно поверхностной и лоскутной идеологии отличается процентов на девяносто. В частности, даже пресловутая «соборность» у Хомякова предполагала, скажем, отсутствие сакральной иерархии: земная православная церковь, утверждал он, святая и светлосна тогда и только тогда, когда ведет себя свято. Но подобные уточнения — тоже как будет видно дальше — главы Российской империи разных ее изводов привыкли пропускать.

Забавно наблюдать за тем, как сегодняшние идеологи отзываются о советском периоде: бывает, что в одной и той же диссертационной работе о ценностях, которых — работ — выходит сейчас чуть ли не по библиотеке в год, СССР называется сначала средоточием мирового зла (потому что лишил страну и самодержавия, и православия), а через десяток страниц — примером стойкости и величия русского народа в противостоянии все тому же Западу. Как бы там ни было, чем-чем, а антизападной риторикой, повышенной подозрительностью и лексиконом современная власть полностью обязана советской эпохе. Помимо этого, она обязана позднему СССР и истоками своей философии: в 1970-е годы, во время особой распространенности и популярности всевозможных эзотерических, теософских, спиритуалистских и прочих кружков, активно развивался и известный «Южинский кружок» Юрия Мамлеева, куда вместе с Гейдаром Джемалем, Евгением Головиным и другими входил и главный современный философ всея Руси Александр Дугин. Каким образом из адепта мистцизма и эзотерики получился центральный идеолог православных «традиционных ценностей», будет сказано чуть ниже — сначала закончим следить за становлением самого термина.

После развала Союза то, что теперь принято называть традиционализмом, стало постепенно распространяться и укрепляться: потерявшее твердую почву под ногами общество искало идейную и идеологическую опору в чем-нибудь привычном — и голоса тех, кто позиционировал себя наследником прошлого, звучали очень привлекательно. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить риторiku тех лет: знаменитое название фильма «Россия, которую мы потеряли» (1992, Говорухин) или название печально известного националистического общества «Память» (чей девиз, кстати, был «Бог! Царь! Нация!»). Перечисленные выше — и усвоенные очень отрывочно — ценности постепенно реализовывались через законопроекты и открытые письма, апеллировать к традиции становилось все более и более модно. Наконец, после краткого периода медведевской «модернизации» и тем более после Болотной потребность объединить взбунтовавшиеся «княжества»-регионы и вообще призвать народ к благочестию стала особенно острой — и тогда в послании Путина Федеральному собранию 2012 года прозвучало сакраментальное сочетание «духовные скрепы»:

«...мне больно сегодня об этом говорить, но сказать я об этом обязан. Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп: милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи — дефицит того, что всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились».

Тогда же, в 2012 году, была сформирована «Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года», в которой был взят курс на сохранение «традиционных духовно-нравственных ценностей» — правда, что эти ценности в себя включают, определено

не было. Тем не менее начиная с этого времени сам термин прочно вошел и в законодательство, и в обиход.

После этого Путин стал апеллировать к ценностям почти в каждом своем послании и обращении. В 2013 году он сказал, что Россия «возвращается к себе», «выступает против пересмотра норм морали и нравственности, против стирания национальных традиций, против признания равноценности добра и зла». Как видим, сам гарант ценностей тогда еще плохо понимал, что несет в себе придуманный термин. Под это размытое понятие в рамках «Стратегии...» принимались законы с еще более размыты-

ное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

в лексику Кремля «ценности» пришли, судя по всему, не от Вебера — как писали Ильф и Петров: «Если б Остап узнал, что он играет такие мудреные партии, он крайне бы удивился». Источники терминологии на самом деле вполне предсказуемы: это все тот же любимый в Кремле философ Иван Ильин.

Строго говоря, источников, похоже, три: к Ильину, который отвечает больше за смысловое наполнение, добавляется Николай Бердяев, тоже неоднократно Путиным цитировавшийся, а за ними и любимый Дугиным Рене Генон — правда, в дугинском же изводе.

Бердяева Путин, как известно, называет своим любимым философом наряду с Ильиным — но если у Ильина он позаимствовал все, начиная с философии и заканчивая слогом, то отчетливых следов Бердяева в кремлевской риторике все же не видно. По сравнению с Ильиным, которого можно назвать философом только с очень большой натяжкой — он, скорее, в первую очередь публицист, — Бердяев именно ученый, его философия сложна и малопригодна для разговора с «народной массой». Из его философии были взяты, может быть, только самые простые и понятные (и привычные по другим консервативным учениям) идеи — вроде убеждения, что технический прогресс = бездуховность, что демократическое равенство ведет к усреднению личности, что современный (Бердяеву) мир находится в духовном кризисе, «Франция изъедена культурным скепсисом, в Германии кризис опрокидывает все ценности» и т.п. А главное, что, видимо, позаимствовал у Бердяева Кремль, — это слово «ценности». Правда, Бердяев использует его без прицепов в виде прилагательных «духовный» или «традиционный» — зато с прицепом «сверхличный»:

«Социальный идеал, основанный на индивидуализме, отвергающий всякую сверхличную святость, — буржуазный идеал, идеал «мелкого земного всеблаженства, земной радикальной всепошлости». Противоположный взгляд на общественную и историческую жизнь прежде всего исходит из сверхличных, сверхчеловеческих целей и святости. Он признает ценность исторических национальностей и исторических государств, вдохновляется ценностями религиозными, моральными, познавательными и эстетическими, ценностями творческой культуры, которые не могут быть подчинены благу отдельной личности».

(Из статьи «Личное благо и сверхличные ценности»)

« Смысловым центром для Бердяева всегда была личная свобода, а главной целью жизни любого человека и любого гражданина — творчество. Ни того, ни другого в риторике Кремля как-то не наблюдается

ми понятиями — скажем, закон об «оскорблении чувств верующих».

В 2020/21 году в Конституцию были внесены поправки, суть которых кратко сформулирована в статье 114:

«Правительство Российской Федерации... обеспечивает проведение в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области... поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей...».

В конце концов, 9 ноября 2022 года указом президента были утверждены «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» — и наконец-то примерный перечень этих самых ценностей был назван:

«Традиционные ценности — это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобыт-

Не то чтобы все вышеприведенное многое прояснило: лексика закона, как нетрудно заметить, очень метафорична и вряд ли приемлема для юридического документа (правда, Z-идеологи очень быстро нашли аргумент в защиту этих лексических неточностей: мол, у нас законодательство пишется таким сухим казенным языком, что давно пора было его разнообразить). Тем не менее жизнь пропагандистов после закона явно стала легче: теперь хотя бы в общих чертах понятно, что пропагандировать.

Вопросы терминологии

Надо сказать, что сам по себе термин «традиционные ценности» используется далеко не только в России. Формально — но только формально — он наиболее близок к лексикону Макса Вебера, для которого понятие «ценности» было одним из центральных и который ввел это понятие в социологию. Ценность для Вебера — это общая установка какой-либо исторической эпохи, то есть общественная норма, которая имеет значимость для социального субъекта. Но

Судя по тому, насколько здесь лексикон Бердяева похож на употребление «традиционных ценностей» в разных их скрепных вариантах, второй своей частью сочетание обязано именно ему. Но сходство современной идеологии и бердяевской философии на этом заканчивается: смысловым центром для Бердяева всегда была личная свобода, а главной целью жизни любого человека и любого гражданина — творчество. Ни того, ни другого в риторике Кремля как-то не наблюдается. И уж точно никому не приходит в голову цитировать, например, такие высказывания:

«Таков один тезис о России, который с правом можно было высказать. Но есть и антитезис, который не менее обоснован. Россия — самая националистическая страна в мире, страна невиданных эксцессов национализма, угнетения подвластных национальностей русификацией, страна национального бахвальства, страна, в которой все национализировано вплоть до вселенской церкви Христовой, страна, почитающая себя единственной призванной и отвергающая всю Европу, как гниль и исчадие дьявола, обреченное на гибель. Обратной стороной русского смирения является необычайное русское самомнение. Самый смиренный и есть самый великий, самый могущественный, единственный призванный. «Русское» и есть праведное, доброе, истинное, божественное. Россия — «святая Русь». Россия грешна, но и в грехе своем она остается святой страной — страной святых, живущей идеалами святости. Вл. Соловьев смеялся над уверенностью русского национального самомнения в том, что все святые говорили по-русски».

(Из сборника «Душа России»)

А ведь это тоже Бердяев — и тот же Бердяев.

Первой своей частью сочетание «духовные ценности», как уже было сказано, обязано Ильину, у которого слово «духовный» встречается примерно раз по шесть на каждой странице каждого произведения. Вообще, кажется, что именно он обеспечил примерно половину современного словарного запаса властей: у него встречается и «русифобия», и «национальная идея», и даже — «единая Россия».

У подножия государственной идеи

Неудивительно, что именно этот философ стал любимым для современной власти — пишущий абсолютно публицистично, просто, не особо церемонясь с терминами и выводами, он отлично подходит для того, чтобы дергать из него цитаты. При чтении Ильина иногда кажется, что спичрайтеры «Посланий к Федеральному собранию» вообще не слишком напрягают писательский талант и берут из Ильина целые страницы — а пустоты заполняют очень хорошо стилизованными под него вставками. И, конечно, именно из его книг почерпнуты идеи о духовных основах русского народа:

«Нет, родившись в эпоху соблазна, соблазнами окруженные и одурманиваемые, мы должны противопоставить этим временным соблазнам — вечные основы духовного бытия, необходимые человеку в его земной жизни. Эти вечные основы слагают единую духовную атмосферу, единый путь, который необходимо прочувствовать и усвоить, чтобы на вопрос: «во что же нам верить», мы могли бы ответить живою верою: в Бога, в любовь, в свободу, в совесть, в семью, в родину и в духовные силы нашего народа, начиная с Бога и возвращаясь к Нему, утверждая, что и любовь, и свобода, и совесть, и семья, и родина, и нация — суть лишь пути, ведущие к Его постижению и к Его осуществлению в земной жизни человека».

(«Путь духовного обновления»)

Как видим, Ильин называет все те качества и явления, которые почти дословно повторены в нынешнем законодательстве о ценностях. В том же сборнике — да и в других — он подробно пишет и об устройстве семьи (и эти его идеи тоже почти дословно повторены в поправках к Конституции), и о патриотизме,

и о любви к родине, и о том, что все сферы жизни, от образования и науки до медицины, должны строиться на православной вере и духовности, а не на рационализме. Очевидно, власть почему-то принимает публицистические труды Ильина за учебники по государственному управлению — а заодно и учебники истории, и учебники риторики. Три в одном — да здравствует триединство.

Есть у Ильина и еще одна невероятно важная тема, о которой власти стараются особо не упоминать, — это национализм. Симпатии Ильина к нацистскому режиму не секрет ни для кого — и он действительно очень поддерживал политику Гитлера до войны, в 1933-м пел его идеям дифирамбы, а после войны сказал только, что у нацистов явно были перегибы, но в общем и целом они были правы.

При этом не хочется выступать адвокатом Ильина, но все-таки надо сказать, что его националистические взгляды были довольно умеренными: мол, да, народ у нас многонациональный, но надо сохранять русские традиции, суверенитет культуры, не поддаваться влиянию Запада, но никаких иноверцев и людей других культур ни в коем случае не притеснять. Единственная форма дискриминации — важные государственные посты в России должны занимать исключительно русские. Вообще, малознакомый с Ильиным читатель удивится, что и для него — как для Бердяева — категория личной свободы человека и гражданина была одним из центральных понятий. Для Ильина принципиально, чтобы все эти планы по строительству прекрасной (для него) России будущего — так, между прочим, называется одна из глав сборника «Наши задачи» — осуществлялись исключительно добровольно, «по любви». Но все рассуждения Ильина о свобо-

де власть, очевидно, тоже предпочитает пропускать.

Именно поэтому, судя по всему, в концепции «традиционных ценностей» появился третий компонент — собственно традиционность, точнее, традиционализм. Родоначальником традиционализма принято считать Рене Генона — метафизика, эзотерика, закончившего свой жизненный и философский путь в суфийском ордена. (На последней книжной ярмарке Non/fiction вдруг появились его издания в большом количестве.) Генон видел развитие мира не как процесс эволюции,

манде Трампа тоже). Проблема здесь больше в том, что власть черпает идеи не из Генона — а из его апостола Дугина, который в изначальном учении изменил многое. О том, в чем Дугин противоречит Генону, здесь говорить не место, но что все-таки сказать надо — так это то, что попытка скрещения Генона с православием, которая предпринимается много лет, — это, конечно, чистое притягивание за уши. Ничего христианского в учении Генона нет и не может быть — и чтобы в этом убедиться, можно открыть любую из его немногочисленных

это на фоне абсолютно пустых по содержанию слов, которые можно наполнять любыми удобными «смыслами». Все это выглядит довольно апокалиптически — хотя как еще оно должно выглядеть, если главной составляющей всех надерганных из разных книг философий, составляющих «традиционные ценности», является именно близость «конца света»? Кстати, именно так называется один из составленных Дугиным — еще в девяностых — сборников эсхатологических текстов, «учебного пособия по истории религий», где вперемешку с рассуждениями о христианстве идут статьи об алхимии, масонстве, каббале, а также тексты Мирчи Элиаде, Рене Генона, Юлиуса Эволя, Алистера Кроули.

Петр САРУХАНОВ

а как процесс регресса — и в его системе, которую он частично взял из индуизма, мир уже несколько тысячелетий живет в эпоху Кали-юга — время демона Кали, когда боги отвернулись от людей, нравы и умения пали и т.д., и главное, чем теперь должен заниматься человек, — это следовать Традиции, которая является основой всех времен и эпох. Добавим в скобках, что, в отличие от Ильина, прибывшего к нацистской идеологии, скорее, случайно, Генон был прямым предшественником этой идеологии (впрочем, тоже непреднамеренно).

Здесь проблема даже не в том, что современная российская власть пытается черпать свои идеи из учения эзотерика Генона — само по себе это учение не является чем-то совсем уж сектантским, и его последователи есть среди политиков всего мира (кстати, и в ко-

статей о христианстве. Например, статью «Христианство и инициация», где сказано, что христианство изначально было учением эзотерическим, требующим инициации. И далее в том же духе.

Попытки соединить несоединимое в конце концов привели к тому, что мы имеем сейчас, — к идеологии православного государства с эзотерической основой, к «традиционным ценностям», к попытке следовать какой-то несформулированной Традиции и рисованию образа страны как государства-катехона (Дмитрий Быков* обратил внимание на то, что это важное для дугинской философии понятие оказалось центральным и для «Наказа» РПЦ о строительстве «русского мира», вышедшего 27 марта). И все

Изобретенная традиция

К сожалению, не надо быть философом и богословом, чтобы понять: «традиционные духовные ценности», ставшие основой российской государственной идеологии, мало общего имеют и с реальной традицией, и с духовными ценностями православия. То, что проповедают сейчас с экранов телевизоров, а часто и с амвонов, больше похоже на «христианский эзотеризм», как честно назвал один из разделов вышеупомянутого сборника Дугин. Единственная реальная традиция, которой четко придерживаются идеологи, — это повторение вековых мантр про падшесть Запада и непобедимость окруженного врагами русского народа.

Вообще, все, что сейчас происходит, точно описано в книге Хобсбаума «Изобретение традиции»: изобретая и переизобретая каждый раз традицию, любая власть ищет свою основу в прошлом, окружает себя обрядами и ритуалами, пытается сакрализировать фигуру вождя. С учетом многовекового опыта такого изобретательства, процесс идет вполне успешно.

Остается надеяться только на то, что когда-нибудь Россия сможет изобрести себе какую-нибудь новую традицию — не милитаристскую, не тоталитарную, не репрессивную. Но пока приходится ездить на новоизобретенном полуразвалившемся велосипеде.

*Признаны Минюстом РФ «иноагентом».

Накануне и в период СВО интерес широкой публики к российскому философскому сообществу носил преимущественно сезонный характер. К середине зимы он сгущался, но таял с весенним прибавлением долготы дня. Главными причинами пробуждения интереса минувшей зимой стали предновогоднее увольнение из Института философии РАН (ИФРАН) по причине профессиональной непригодности Анатолия Черняева¹ (выступившего в 2022 году на конференции в Донбассе) и январская атака «зиновьевцев» на Институт в ТАСС². Однако третья весна боевых действий была отмечена сохранением напряжения на философском фронте. Причиной стал успешный прорыв идеолога русского мира Александра Дугина из маргинального идеологического райка в российский академический бомонд на позицию главы центра «Высшая политическая школа (ВПШ) имени Ивана Ильина» в московском вузе первого регистра — Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ).

Жрецы Танатоса в Кремле

КАК ДУГИНЦЫ ОККУПИРУЮТ
РОССИЙСКУЮ ФИЛОСОФИЮ
И РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Юлия

Синеокая,

доктор философских наук,
член-корреспондент РАН

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ СИНЕОКОЙ ЮЛИЕЙ
ВАДИМОВНОЙ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА СИНЕОКОЙ ЮЛИИ ВАДИМОВНЫ

Новая русская идентичность

С этим назначением отечественный философский ландшафт обрел более четкие очертания. На периферии расположились далекие от производства смыслов и государственного финансирования околофилософские активисты — Зиновьевский клуб и объединение «Солнце Севера». Обе институции регулярно напоминают о своем существовании публичными доносами и декларациями о намерении создать суверенную русскую философию войны и/или победы в духе обращения Ольги Зиновьевой к президенту Путину: «Дорогой Владимир Владимирович, повлияйте, пожалуйста, на принятие срочных мер по прекращению сатанинской вакханалии вражеских агентов, которые захватили идеологическую сферу в нашей стране и мешают российскому народу осознать всю опасность, исходящую от коллективного Запада. Возвращенные на западных подачках раскормленные «сорововцы», рейдерски захватившие идеологическое пространство российской философии, теперь по западным лекалам определяют духовные ориентиры России»³. Свои усилия эти обличители сосредоточили на мобилизации думского депутатского корпуса.

Ближе к центру окопались жрецы Танатоса — дугинцы, чья цель куда масштабнее: подчинить себе все жизнеспособное. Александр Дугин считает своей миссией, цитирую, «формирование нового сознания своих современников» и «новой русской идентичности». Он претендует на вмешательство во все сферы российской действительности: в культуру, информационную политику, воспитание, образование и психологию повседневной жизни⁴.

Стратегия команды Дугина и Константина Малофеева начала формироваться на платформе медиахолдинга «Царьград» еще задолго до начала (военных действий) в Украине. Она предполагает полную информационную изоляцию России от западного мира, утверждение православного фундаментализма и этатистской псевдоконсервативной идеологии, отрицающей ценности свободы, демократии и достоинства личности.

Дугин уже озвучивал публично свои проекты по смене элит, по запрету на любую критику государства, власти, церкви и президента

Дугинские идеологемы, представляющие собой компиляцию идей Хайдеггера, интегрального традиционализма, оккультизма и неофашизма, дали свои плоды. Российская власть разглядела в мировой истории борьбу двух антагонистических цивилизаций — либеральных «атлантических» морских держав, с одной стороны, и иерархических «евразийских» держав суши — с другой. И приняла дугинскую внешнеполитическую доктрину, согласно которой Запад является главной проблемой России и несет ответственность за неудачи современной российской внутренней и внешней политики.

Дугин, известный своими инициативами по милитаризации страны в целом и образования в частности, а также требую-

щий возродить СМЕРШ и провести «тоталитарную идеологизацию населения», уже озвучивал публично свои проекты по смене элит, по запрету на любую критику государства, власти, церкви и президента, по введению «экстраординарных» мер по увеличению рождаемости, ограниченный на труд мигрантов, фейсконтроля, дресс-кода⁵. Все эти инициативы, высказываемые поначалу на маргинальных сайтах «Изборского клуба», «Царьграда» и «Зиновьев-инфо», с 2023 года стали появляться в медийном мейнстриме РИА «Новости», «Ведомости» и ТАСС.

Что касается практических шагов в отношении образования и науки, дугинцы планируют, с одной стороны, последовательное уничтожение созданных в постсоветской России гуманитарных научно-образовательных программ, прекращение сотрудничества с университетами и научными центрами стран Европы и США, слом системы образования, выстроенной по международным стандартам, и репрессии в отношении защитников академических свобод. С другой стороны, опираясь на единомышленников в РПЦ и Кремле, они претендуют на создание в стране новой системы образования.

В марте 2024 года Дугин рапортовал о том, что еще два года назад совмест-

ными усилиями Всемирного русского народного собора и «Царьграда» началась реализация нового национального проекта, направленного на «воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁶. Тогда же он пообещал, что в 2024 году его предложения будут апробированы в нескольких пилотных регионах, после чего он начнет работу во всероссийском масштабе.

Жрецы Танатоса в Кремле

Одновременно он не единожды указывал на неэффективность как введенных с 2022 года в школах еженедельных патриотических уроков «Разговоры о важном», так и нового университетского курса «Основы российской государственности»⁷, разработанного под руководством Андрея Полосина, научного руководителя проекта «ДНК России».

Этой весной Дугин активно лоббировал инициативу своего «соратника по борьбе за сложность русской культуры», автора проекта «2062» Бориса Акимова по замене школьного обществознания философией⁸. Сама по себе идея преподавания философии в школах прекрасна и успешно практикуется в ряде свободных стран. Во Франции, например, философия — обязательная дисциплина в двух последних классах общеобразовательной школы. Однако «философия по Дугину» таковой не является — она сводится к жесткому идеологическому принуждению к единомыслию.

Новости образования

Судя по последним решениям Кремля, там мыслят в унисон с «профессором философии» — апрельские «новости образования» принесли сразу три нововведения, направленные на повышение эффективности государственной пропаганды: возможное объединение Минобрнауки и Минпросвещения, создание в РФ полноценного министерства по молодежной политике и патриотическому воспитанию и внесение в федеральную программу школьного образования с 2025 года еще одного урока для 5–7-х классов, на котором школьникам будут рассказывать о битве с Украиной и традиционных ценностях.

После неудачного штурма Института философии РАН в декабре 2021 года усилия основоположника «русской военной философии» по легитимации своего статуса все-таки увенчались успехом. 2 апреля 2024 года Александр Дугин выступил на ученом совете РГГУ с инаугурационной речью «Классификация историко-

социальных парадигм научного знания» в качестве директора ВПШ имени Ивана Ильина.

Создание учебного центра под началом Дугина не осталось без внимания СМИ и вызвало резкий отпор у студентов РГГУ. Под петицией «Нет фашизму в стенах РГГУ» поставили подписи больше 25 000 человек. Дугин болезненно отреагировал на протест, несколько раз повторив в СМИ, что недовольные пожалеют о своем поступке. Волнения студентов спровоцировало не только присвоение учебному центру университета имени философа Ивана Ильина, который в 1930-е годы поддерживал немецкий национал-социализм, но и

не только на поле боя, перед ВПШ имени Ивана Ильина и нашим Институтом «Царьграда» поставлена задача пересмотра отечественных научно-образовательных парадигм, их приведения в соответствие с нашими традиционными российскими духовно-нравственными ценностями»¹⁰.

Добавлю, что еще летом и осенью 2023 года, пока создание дугинского центра не предавали огласке, в РГГУ шли разговоры о появлении новой инстанции, имеющей академическую аффилиацию, цель которой — подготовка будущих проректоров по воспитательной работе для вузов. Вопрос об открытии центра имени Ивана Ильина обсуждался

Под петицией «Нет фашизму в стенах РГГУ» поставили подписи больше 25 000 человек. Дугин болезненно отреагировал на протест, несколько раз повторив в СМИ, что недовольные пожалеют о своем поступке

назначение Дугина и сама программа дугинского детища⁹. В чем состоит задача ВПШ им. Ильина, прямым текстом объяснил владелец медиахолдинга «Царьград» православный олигарх Малофеев: «На протяжении многих лет гуманитарные науки в нашей стране пребывают в самой настоящей западной либеральной идеологической оккупации... Для того чтобы наша Победа была

на ученом совете РГГУ в июне 2023-го. Информация об его открытии появилась на сайте университета в начале осени 2023-го, но потом эту новость удалили. Однако 27 ноября на заседании образовательной секции Всемирного русского народного собора деятельность ВПШ анонсировали заместитель министра образования и науки России Константин Могилевский, ректор РГГУ Александр

Безбородов и сам будущий директор ВПШ Александр Дугин.

Это назначение — уже вторая попытка занять место в академическом сообществе участника южинского кружка, выпускника Новочеркасского инженерно-мелиоративного института, получившего степень кандидата наук в Северокавказском научном центре Высшей школы Ростова-на-Дону, а докторскую степень в Юридическом ин-

ституте при МВД РФ в Ростове, родившегося и живущего в Москве.

С 2009 по 2014 год Дугин уже числился профессором МГУ и главой Центра консервативных исследований на кафедре социологии международных отношений социологического факультета МГУ. Тогда он заявлял, что его миссия состоит не только в том, чтобы ввести консервативные исследования в академическую сферу, но и в налаживании диалога

интеллектуалов и ученых с властными структурами, а также в выдвигании «консервативных» кадров на лидирующие позиции в государственном аппарате и создании «единого консервативного интеллектуального направления» в России. Свой центр он рассматривал как альтернативу в те времена еще либеральной Высшей школе экономики. Увольнение Дугина из МГУ стало результатом его призывов в мае 2014 года на донецком телеканале ANNA-News «убивать, убивать, убивать» тех, кто допускает «зверства на Украине». После этого на сайте change.org, так же как и теперь в РГГУ, начался сбор подписей под обращением к ректору МГУ Садовничему с требованием уволить «профессора Дугина» из университета. Комментируя свое увольнение, Дугин называл причиной этого кадрового решения свою позицию по ситуации на востоке Украины: «Без санкции сверху моего увольнения, да еще по инициативе киевских нацистов и российских либералов, произойти не могло. Значит, эта санкция была получена. Фиксируем ситуацию»¹¹.

Русская философия на службе Кремля

Несмотря на карьерный успех Дугина в РГГУ, центральные позиции в российской философии по-прежнему удерживают представители академической и университетской профессуры, стойко молчащие о (военных действиях в Украине) и репрессиях и сосредоточившие усилия на праздновании памятных дат прошлого. В апреле 2024-го Балтийский государственный университет провел в Калининграде (несмотря на выпады губернатора Калининградской области Антона Алиханова) международный конгресс «Мировое понятие философии» к 300-летию Канта, представленный как альтернатива 14-му юбилейному Международному кантовскому конгрессу «Кантовский проект просвещения», который пройдет в Бонне в сентябре.

Жрецы Танатоса в Кремле

За годы (военных действий) лекционные курсы и тематика научных публикаций российского философского сообщества не претерпели существенных изменений. Издаются хорошие книги по русской философии, например: Бурмистров К.Ю. В поисках Зефиреи: Заметки о каббале и «тайных науках» в русской культуре первой трети XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2024; Кара-Мурза А.А. Избранные работы по русской философии, политике и культуре. М.: Согласие, 2024; Гусейнов А.А. Мой Зиновьев. Статьи, доклады, интервью. М.: Издательский Дом ЯСК, 2023 и др. Однако публичные высказывания многих современных российских философов теперь не обходятся без указаний на то, что титульные представители русской философской традиции (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, а также славянофилы и западники, не говоря уже о евразийцах К.Н. Леонтьеве, Н.Я. Данилевском и Н.С. Трубецком) были и остаются защитниками «традиционных ценностей», консерваторами, противниками пацифизма. И, будь они с нами сегодня, без сомнения, поддержали бы войну России с коллективным Западом, одобряя новую политическую идентичность России как «государства-цивилизации».

Примером могут послужить размышления исполняющего обязанности декана философского факультета МГУ Алексея Козырева, отечественного специалиста по творчеству В.С. Соловьева, автора монографии «Соловьев и гностики» (2007), выступившего в РИА по случаю 170-летия создателя русской философской школы: «Соловьеву свойственно чувство истории, в которой есть не только прогресс, не только непрерывное восхождение по лестнице совершенства, но есть срывы и катастрофы, потому что в мире присутствует зло и с ним необходимо бороться, иногда силой. И Соловьев, который последовательно выступал против смертной казни, не был пацифистом. Он говорил, что государство имеет право посылать своих сыновей на войну в случае угрозы. А сыновья — граждане государства — имеют обязанность воинской повинности»¹². Его коллега, авторитетный исследователь философии В.С. Соловьева Борис Межуев, рассказывая о том, что теперь философствовать в России на русском языке, оставляя в стороне

Соловьева, стало невозможно, так характеризует его мировоззрение: «С точки зрения сегодняшнего либерализма, да и либерализма своего времени Владимир Соловьев — несомненный консерватор, в каком-то смысле даже реакционер. Но мировоззрение Вл. Соловьева — это либерализм в самом широком смысле, потому что философ действительно боролся за свободу совести, вероисповедания и слова, за права личности, против смертной казни, против откровенных и грубых форм неравенства»¹³.

К весне мировым соглашением завершилась двухмесячная внеплановая государственная проверка Института философии РАН, по итогам которой Министерство науки и образования потребовало от руководства Института вывести из состава ученого совета критиковавших СВО сотрудников, провести структурную перестройку научных подразделений и увольнять коллег, собирающихся в длительные зарубежные командировки. Кампания ультраправых медиа по

травле московского ИФРАН стала сворачиваться. Основанием для «прекращения огня» со стороны адептов русской военной философии послужили шаги дирекции, расцененные «Царьградом» как запуск механизма самоочистки.

Теперь главной мишенью стражей «священной войны России с Западом» от философии стала парижская профессиональная ассоциация «Независимый институт философии» (<https://independentphilosophers.com/>), основанная в 2023 году эмигрировавшими с началом (военных действий) сотрудниками Института философии РАН. Этот факт — ясное свидетельство того, что ведущая учеными работа по обезвреживанию мин, заложенных в сознание людей официальной пропагандой, имеет существенное значение.

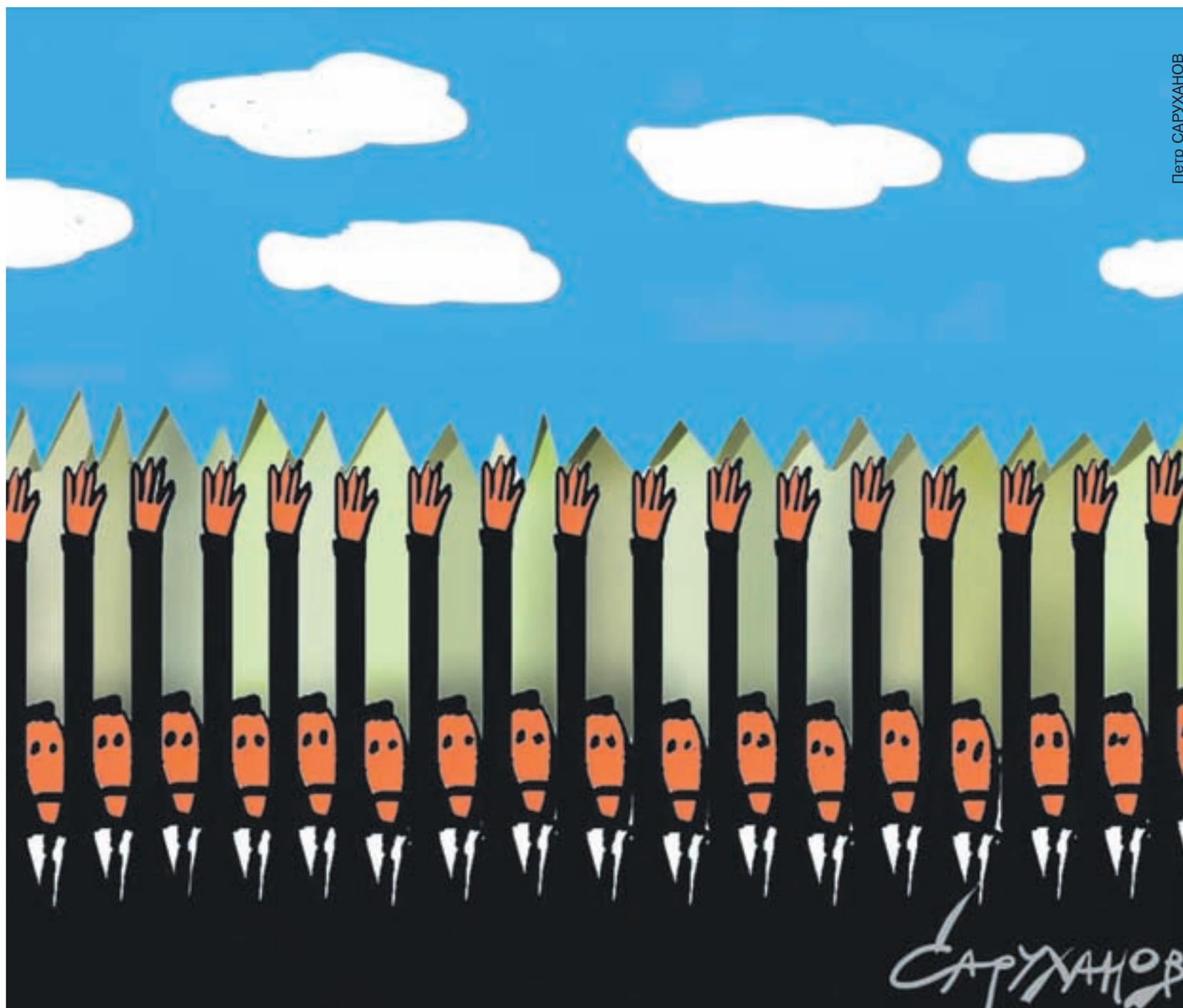
Юлия Синеокая

Справка «Горби»

Ассоциация «Независимый институт философии» объединяет более 100 членов. Помимо философов это исследователи, специализирующиеся в области социологии, антропологии, филологии, политологии, истории и психологии. Большинство коллег до эмиграции занимали должности в ведущих университетах и академических институтах России (Институт философии РАН, ИМЛИ РАН, МГУ им. Ломоносова, Санкт-Петербургский европейский университет, СПбГУ, НИУ ВШЭ, ТюмГУ и т.п.).

В институте реализуется несколько коллективных исследовательских проектов. Например, Обсерватория некомпартивной биоэтики объединяет специалистов в области биоэтики, антропологии и медицинских гуманитарных наук для анализа российских и белорусских этических и правовых норм в области здравоохранения, биотехнологий и природопользования. Проект, посвященный созданию Лексикона современной российской политики, направлен на междисциплинарный анализ происхождения и эволюции ключевых понятий российского политического дискурса. Проект In/Visible Ink направлен на то, чтобы дать голос исследователям, находящимся как в России, так и за ее границами, предоставив им доступ к анонимной сертифицированной и безопасной платформе для публикаций.

Институт организует серию ежемесячных семинаров Философские инструменты для анализа современных вызовов в Университете Париж 1 Пантеон-Сорбонна. Кроме того, онлайн ведутся еженедельные открытые семинары. Видеозаписи всех семинаров доступны на канале IPHI YouTube.

¹ <https://ria.ru/20231226/obrazovanie-1918067898.html>

² <http://zinoviev.info/wps/archives/7971>

³ Зиновьева О. Пресс-конференция в ТАСС: Суверенитет российской философии. <http://zinoviev.info/wps/archives/7971> (15.01.2024).

⁴ Дугин А. ТК AGDchan (14.02.2024).

⁵ <https://izborsk-club.ru/25427>

⁶ <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/87/events/73628>

⁷ Основы российской государственности: учебное пособие для студентов, изучающих социогуманитарные науки. / Авт. колл. Боронин А.Р., Евгеньева Т.В., Кузнецов И.И., Перевезенцев С.В., Селезнева А.В., Сорокопудова О.Е., Страхов А.Б. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 2023. — 550 с.

Основы российской государственности: учебное пособие для студентов естественнонаучных и инженерно-технических специальностей. / Авт. колл. А.П. Шевырев, В.В.Лапин, С.В.Рогачев, А.В. Тупорский, П.Ю. Уваров, А.А. Ларионов (иеромонах Родион), В.С. Бремин, Н.Ю. Пивоваров, О.А. Ефремов, Е.А.Маковецкий, Е.А. Овчинникова, Д.А. Андреев, В.В. Булатов, О.А. Чагодаева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 2023. — 252 с.

⁸ ТГ-канал (<http://t.me/BorisAkimov>). (11.03.2024)

AGDchan, [12.03.2024 10:53] «Мы предлагаем публично обсудить введение вместо общественно-научного корпуса философских дисциплин. От логики с риторикой в 6–7-х классах, через историю мысли в 8–9-х классах — к философии в 10–11-х классах».

⁹ <https://www.rsu.ru/upload/main/vpsh/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%92%D0%9F%D0%A8.pdf>

¹⁰ Малафеев К. ТК <https://t.me/kvmlafeev/2625> (02.04.2024).

¹¹ МГУ окончательно расстался с Александром Дугиным <https://www.rbc.ru/politics/01/07/2014/57041eda9a794760d3d3fb46> (01.07.2014).

¹² Глава факультета МГУ рассказал о создателе философской школы Соловьеве <https://ria.ru/20230128/solovev-1848135830.html>.

¹³ Межуев Б. «Он видел особую миссию русского народа». Почему философ Владимир Соловьев считал, что Россия объединит все человечество? // Соловьёвские исследования, 2024, вып. 1 (81), с. 8

Террорист террористу — **ВОЛК**

ПОЧЕМУ ЗАЯВЛЕНИЕ
О «БЛИЖНЕВОСТОЧНОМ
СЛЕДЕ» В ТЕРАКТЕ
В «КРОКУС-СИТИ» ЗВУЧИТ
КАК МИНИМУМ НЕЛЕПО.

ОБЗОР ОСНОВНЫХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ, ДЕЙСТВУЮЩИХ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Вадих

Эль-Хайек

Мне было 7 лет, когда 22 мая 1985 года в бейрутском районе Син-Эль-Филь прогремел страшный взрыв.

На улице Мар Элиас, прямо за углом от дома, где мы жили, взорвался заминированный автомобиль, погибли более 50 мирных жителей. Я запомнил этот день навсегда: обрушившиеся фасады домов, в которых жили мои одноклассники. Тела их родителей, разбросанные повсюду...

Помню, я долго не мог взять в голову, за что какие-то непонятные люди убили столько наших соседей? А если бы там гуляли мы — нас что, тоже бы убили? «Им все равно, кого убивать. Они хотят, чтобы мы боялись каждую минуту», — объяснила мне тогда мама.

Так я впервые узнал, что такое терроризм и как действуют террористы.

В те годы у нас в Ливане шла гражданская война. Воевали христиане с мусульманами, мусульмане между собой, христиане между собой — и вообще все со всеми.

Наш Син-Эль-Филь — это христианский район. И теракт на улице Мар Элиас был организован отколовшейся группировкой христианского ополчения, которая нырнула под крыло Хафеза Асада, тогдашнего сирийского автократа. Их тактическим интересам тогда отвечало вот это: просто терроризировать и убивать как можно больше мирных жителей в христианских кварталах Бейрута.

После этого в Ливане и в других странах я видел последствия множества терактов, организованных разными группировками. Однако здесь рассказываю про тот, самый первый, организованный христианами против христиан, чтобы развеять иллюзию про некий единый философский или религиозный базис, который якобы объединяет всех ближневосточных террористов. Это никогда не было так, и сейчас это не так. Непонимание этого факта рождает иллюзию, что искоренение некоего одного «фактора радикализации» приведет к победе над терроризмом. Нет, так не получится. Даже если говорить сугубо про Ближний Восток — действующие там террористы придерживаются разных религиозных,

политических воззрений, получают поддержку из разных источников, преследуют разные цели и, в конце концов, по-разному понимают, кто им враг. Все это очень важно иметь в виду, пытаясь подступиться к ответу на вопрос о том, что случилось в «Крокусе». Вариант ответа «ближневосточный след» не указывает ни на что, кроме некомпетентности людей, делающих такие заявления.

Ниже я собрал маленькую «энциклопедию» наиболее заметных террористических групп, базирующихся в Ближневосточном регионе.

Террористы № 1

Начну с «Аль-Каиды»*. На сегодняшний день она не сохранила сколь-либо заметного влияния, однако без уяснения ее роли будет сложно понять весь дальнейший генезис террористической идеи на Ближнем Востоке.

«Аль-Каида» появилась в результате серии встреч, проведенных в пакистанском Пешаваре в 1988 году, на которых присутствовали видные ветераны советско-афганской войны. Эмиром новой организации был избран одиозный Усама бен Ладен — он и оставался им вплоть до

* Организация, признанна террористической и запрещенна в РФ.

ликвидации Соединенными Штатами 1 мая 2011 года.

Когда в 1990 году иракский диктатор Саддам Хусейн вследствие нефтяных разборок оккупировал Кувейт, следующей жертвой готовилась стать Саудовская Аравия. Бен Ладен предложил саудитам направить в поддержку своих бойцов-моджахедов. Но Саудовская Аравия не пожелала связываться с боевиками с сомнительной репутацией, а вместо этого обратилась за помощью к Соединенным Штатам. Размещение американских войск на Аравийском полуострове побудило бен Ладена объявить джихад США и правителям Саудовской Аравии, которых он называл муртадами, то есть отступниками.

Как широко разрослась «Аль-Каида» в последующие годы, весь мир почувствовал 11 сентября 2001 года, когда два десятка смертников сумели захватить в США четыре гражданских самолета, два из которых они направили в башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, еще один — обрушили на Пентагон, последний, четвертый самолет упал в поле в Пенсильвании. В тот день в результате действий террористов погибло около 3000 человек, история человечества не знала терактов такого масштаба.

REUTERS

Боевики «Аль-Каиды»*

Террорист террористу — ВОЛК

С тех пор весь мир знал имя Усамы бен Ладена, «террориста № 1». Одной из центральных задач американской внешней политики стала его поимка или уничтожение. Не сказать чтобы на пути к решению этой задачи США всегда действовали безошибочно — вспомним хотя бы ввод войск США и союзников в Ирак в 2003-м. Одним из обоснований этой операции, а по факту — самой настоящей войны — стало как раз обвинение Саддама Хусейна в укрывательстве ячеек «Аль-Каиды»*. Доказательств этому официальное следствие так и не нашло, однако само по себе вторжение коалиции в Ирак на протяжении следующего десятилетия способствовало страшной радикализации местного суннитского населения, которое охотно присоединялось к «Аль-Каиде» — особенно после того, как увидело телевизионную трансляцию казни Саддама Хусейна. Его, суннита, повесили шииты, в присутствии американских военных. Трудно придумать более изысканный способ, чтобы нанести оскорбление верующим суннитам, тем более тем из них, чьи мысли уже одурманены радикальной идеей. Прошло много лет, и много крови было пролито, когда в результате военной операции против талибов и «Аль-Каиды» американцы практически обезглавили последнюю. Весь генералитет оказался, по сути, выкошен. После ликвидации бен Ладена в 2011 году роль эмира взял на себя Айман аз-Завахири. Однако популярность и боеспособность «Аль-Каиды» к тому времени критически упала. Собственные же бойцы стали упрекать ее в недостаточной решительности — и многие из них уже совсем скоро примкнули к новой нарождающейся силе — ИГИЛ*. Чтобы уже там воевать с неверными.

ИГИЛ

ИГИЛ впервые более или менее заметно заявило о себе в 2013 году на севере Ирака, в нефтеносном регионе Мосул. «Исламское государство Ирака

Соцсети

Боевики ИГИЛ*

и Леванта» — уже это самоназвание дает нам представление об аппетитах нового «государства». Левант — так в древних хрониках называли все восточное побережье Средиземного моря. Сегодня это территории современной Сирии, Ливана, Израиля, Палестины и даже прибрежной Турции.

В отличие от «Аль-Каиды», которая предполагала террор достаточно эффективным средством продвижения своей идеи, ИГИЛ пошло дальше и сделало неслыханное: предложило своим сторонникам, готовым умирать и убивать, благоденствие здесь и сейчас. В Мосуле ИГИЛ селило бойцов и их семьи в лучшие дома,

отнятые у горожан, обеспечивало их всем необходимым, платило зарплаты, для чего чеканило даже собственную монету. Как результат: идея Даулии — государства всеобщего благополучия, живущего по закону шариата, — оказалась чрезвычайно, невероятно популярна далеко за пределами региона. В Ирак устремились мусульмане со всего мира — и то, что они видели на месте, полностью отвечало их ожиданиям.

Бытует мнение, что ИГИЛ привлекало самые бедные, самые темные, необразованные слои, — но это не так. Я знал многих вполне обеспеченных, образованных и даже светских до той поры людей,

Максим ГРИГОРЬЕВ / ТАСС

Крушение самолета с российскими туристами над Синаем

которые тоже поддались очарованию этой исламистской химеры.

Мосул — богатый нефтью регион, и контроль за месторождениями до поры до времени позволял обеспечивать для сторонников ИГИЛ рай на земле. При всей нежизнеспособности, экономической обреченности общества, выстроенного на принципах шариатского коммунизма, эти первые годы позволили ИГИЛ достаточно окрепнуть, чтобы дерзнуть и выпрыгнуть за пределы своей капсулы в Мосуле.

В 2014 году боевики ИГИЛ пересекли границу с Сирией и заняли богатый нефтеносный регион Дейр-эз-Зор. Вскоре столицей ИГИЛ была провозглашена древняя Ракка.

В самой же Сирии на тот момент, напомним, уже третий год шла кровопролитная гражданская война: Башар Асад, сын Хафеза Асада, воевал со своим населением, которое устало терпеть авторитарного лидера. Баланс сил складывался в пользу светской оппозиции, ситуация для Асада была совсем неприятной. И тут он сделал совершенно, казалось бы, нелогичное:

под предлогом амнистии он освободил из тюрьмы сотни преступников, осужденных за связи с «Аль-Каидой» и общие исламистские наклонности. Конечно, Асад совсем не рассчитывал на то, что эти люди встанут в гражданской войне на его сторону, нет. Он имел намерение подлить масла в огонь, охвативший несколько регионов его страны. И в общем-то он получил, что хотел: ИГИЛ благодаря такому подкреплению открыло светской оппозиции второй фронт, ну а главное: оно позволило Башару Асаду продемонстрировать всему миру, что он воюет совсем не с собственными гражданами, а со страшной террористической угрозой, которая грозит всему миру. Воюет притом совсем в одиночку.

План вполне сработал. Окрепшие за счет торговли нефтью (покупателем, кстати, охотно выступал и сирийский режим Башара Асада) террористы в том же 2014 году взяли под контроль значительную часть территории Сирии с населением под 10 миллионов человек. Откинули «хвост» из самоназвания, превратившись просто

в Исламское государство*, ИГ — без привязки к конкретному региону. Скоро они дозрели уже и до зарубежных вылазок. Нападение на клуб «Баталклан» в Париже, подрыв самолета с российскими туристами, летевшими из Египта, серия терактов в Брюсселе, атака на рождественский базар в Берлине — вот лишь короткий список террористических выходов ИГ за пределами Ближневосточного региона.

Никому в мире эта организация уже не казалась шуткой. Свои войска в Сирию отправила коалиция во главе с Америкой, а также Россия, вступившая в сирийскую войну на стороне Асада в 2015 году.

В 2017 году Владимир Путин заявил о том, что Исламское государство полностью повержено. Это, однако, не совсем так: огромный исламистский шар лопнул и раскидал свои ядовитые споры по всему миру. Среди новых его побегов — и то самое «ИГИЛ Хорасан», набирающее популярность среди граждан Центральной Азии и мощнейшее подразделение Исламского государства в Сомали, Ливии и других странах Африки. Да и в самой Сирии ИГ до сих пор сдерживает курдские подразделения, действующие при поддержке Америки.

Достаточно ли у этих ячеек сил, чтобы повторить кровавые вылазки ИГ в годы его расцвета, — большой вопрос. Однако говорить о том, что ИГ побеждено и не существует более, — явно преждевременно.

В сирийской войне Исламское государство не было единственной джихадистской группировкой, воюющей против Асада. Оседлать эту извращенную идею ценности смерти пытались и другие группировки. Вероятно, самая известная из них — «Джебхат Ан-Нусра»*, позже вошедшая вместе с более мелкими группировками в «Хайят Тахрир Аш-Шам» (ХТШ)*. Она впервые обозначила себя в 2012 году на севере Сирии и, по сути, представляла собой дочернюю организацию «Аль-Каиды». С ИГИЛ с первых же дней «Нусра» вошла в жесткий клинч, поскольку им приходилось конкурировать не только за материальные ресурсы, но и за кадры. Численность людей, готовых строить воздушные замки на шариатском фундаменте, хоть и велика, но не бесконечна.

И, как мы можем судить, подход ИГ к вербовке оказался более успешным.

В остальном же цели этих террористических групп совпадали.

ЕРА

Атака ИГИЛ* на рождественский базар в Берлине

* Организации, признанные террористическими и запрещенные в РФ.

Террорист террористу — ВОЛК

Заявляя своим врагом весь христианский мир (или крестоносцев, как принято говорить у джихадистов), «Нусра», как и позже ХТШ*, отдельной строкой выделяла для себя Россию.

Сегодня известно сразу о нескольких группах, входящих в ХТШ, которые оставили сирийский фронт и продолжают атаковать Россию уже со стороны Украины.

Иранские корни

Сирийская война, оказавшаяся настоящим парником для различных джихадистских группировок, красноречиво иллюстрирует нам мысль, что в современном мире террорист террористу — волк, а совсем не брат. Мощнейшая сила, с которой ИГИЛ* и ХТШ столкнулись в Сирии, — это проиранские шиитские боевые группировки, среди которых особенно выделяется Корпус стражей исламской революции (КСИР), а также иранская и ливанская «Хезболла». Все эти организации признаны террористическими во многих странах мира, однако Россия на поле боя в Сирии находилась и находится с ними в партнерских отношениях — во всяком случае, формально. Ведь и Россия, и иранские прокси выступают как союзники Асада. При этом если смотреть шире, то у Ирана совсем немного оснований испытывать к России сколь-нибудь теплые чувства и уж тем более называть ее союзницей. Иран хочет быть главной и единственной доминантой в регионе, и попытки Кремля играть тут в геополитику ему совсем не нравятся.

Все это закономерно приводило к различным мелким столкновениям между российскими формированиями и проиранскими группировками в Сирии — однако это не мешает министру Лаврову принимать «Хезболлу» в Москве.

Главная цель иранских боевых группировок, открыто декларирующих террор

допустимым методом, — это уничтожение государства Израиль. Однако двигаясь к этой цели, они не стесняются поражать и другие, попутные.

Например, мелкие группировки «Бригада Бадр» и «Катаиб Хезболла» в результате своих терактов убили больше суннитов, чем израильтян или американцев. А та же «Хезболла» в прежние годы не стеснялась атаковать даже Советский Союз: в 1985 году ее жертвами стали советские послы в Ливане. Этот сюжет исчерпывающе говорит о том, почему опасно зачислять террористов себе в союзники.

На тот момент власть в Сирии принадлежала Хафезу Асаду, отцу нынеш-

него авторитарного лидера Башара Асада, и молодая «Хезболла» совсем не находилась с ним в дружеских отношениях. Сирия бомбила Триполи, пытаясь развернуть ход гражданской войны в Ливане в свою пользу. Похитив четырех советских дипломатов, «Хезболла» намеревалась оказать давление на советское руководство, чтобы СССР заставил режим Асада прекратить бомбардировки Триполи.

Но ничего у террористов не вышло. Дипломаты были освобождены советским спецназом, тогда же выяснилось, что один из них был убит во время похищения. Ливанский шиит Имад Мугнийе, руководивший этой атакой, скрылся на долгие

REUTERS

Корпус стражей исламской революции

годы. Но Россия, наследовавшая СССР, претензий к «Хезболле» уже не имеет.

Вообще Мугнийе — один из самых плодовитых террористов, которых когда-либо знал мир. Вплоть до своей смерти 12 февраля 2008 года он жил в тщательно охраняемом элитном районе Дамаска Кфар-Сусе.

Операция по его ликвидации была совместной разработкой ЦРУ и «Моссада». Согласно некоторым источникам, убить Имада Мугнийе могли и раньше — однако в день запланированной атаки с ним рядом оказался тогдашний лидер сил «Аль-Кудс» КСИР Касем Сулеймани. Израильцы были готовы отправить их обоих на встречу с гуриями, но американцы наложили вето на это убийство. Что добавило Сулеймани еще 12 лет карьеры, большую часть из которых он провел, убивая арабских мусульман в Сирии.

Война без конца

В захвате советских дипломатов был один любопытный момент, на который, я считаю, нужно обратить внимание. Первоначально ответственность за преступление взяла на себя отнюдь не «Хезболла». А другая организация, именовавшая себя «Исламский джихад»*. При этом в реальности «Исламский джихад» не имел к делу никакого отношения, мы со стопроцентной уверенностью можем утверждать, что за похищением стояла именно «Хезболла». Этот пример здесь я привожу только как иллюстрацию к тезису о том, что вопреки распространенному мнению отнюдь

не всегда ответственность за теракт берут на себя те террористы, которые его в реальности совершили.

Но и палестинский «Исламский джихад», в частности, тоже стоит внимания. Эта исламистская военизированная организация (суннитского толка) была создана еще в конце прошлого века как ответвление «Братьев-мусульман» и находилась под идеологическим и экономическим влиянием исламского режима в Иране. За последние годы палестинский «Исламский джихад» взял на себя ответственность за многие действия боевиков и за более чем 30 взрывов, совершенных смертниками. Террористы этой организации принимали участие в кровавом марш-броске на Израиль 7 октября 2023 года.

Целью своей она заявляет военное уничтожение Израиля. Однако не стоит путать «Исламский джихад» с тем же ХАМАС: цель у них общая, финансирование — общее, иранское, но заявляемые методы разные. Если «Исламский джихад» не скрывает того, что он хорошо законспирированная террористическая организация, то ХАМАС, как мы знаем, пытается еще действовать и в публичном поле, предъявляя миру свое политическое крыло, которое якобы представляет интересы большинства населения Газы...

Ну и чтобы окончательно запутать всех, кто пытается разобраться в многообразии террористических группировок, действующих на Ближнем Востоке, давайте хотя бы просто упомянем те из них, что не претендуют на геополитическую повестку, а отрабатывают собственную, локальную. Как, в частности, «Талибан»*, в свое время поддерживавший даже чеченских боевиков в России,

да и вообще причинивший миру много боли, — однако теперь изображающий из себя легитимное правительство и сосредоточенный большей частью на местной повестке.

Или движение хуситов, официально известное как «Ансар Аллах» — «сторонники Бога». Эта шиитская исламистская организация появилась в Йемене и провозгласила официальной своей целью уничтожение Соединенных Штатов, Израиля и евреев. Однако в основном она концентрируется на внутривнутриполитических делах Йемена, а также специализируется на похищениях в регионе людей за выкуп и краже гуманитарки.

Как не упомянуть в этом ряду курдских сепаратистов, совершивших множество терактов в Турции и претендующих на создание собственной курдской автономии, куда вошли бы в том числе и турецкие территории. Они сыграли большую роль в войне всего мира с ИГИЛ, и, в частности, зачистка северных территорий Сирии от спящих ячеек джихадистов — это их работа. Однако враг у них один — это Турция.

Конечно, это далеко не полный перечень террористических группировок, действующих на Ближнем Востоке, — однако и его достаточно, чтобы понять, какая каша, например, в голове какого-нибудь депутата Калашникова, который в эфире ТВ заявил, что Россия «даже в исламском факторе никак не может быть объектом даже для ИГИЛ», поскольку «мы как раз в смысле общемировых, геополитических и тем более региональных конфликтов здесь не только поддерживаем все эти сегодняшние...» (далее ведущий его прервал. — Ред.).

Какие геополитические смыслы? Какие региональные конфликты и каких конкретно «этих» поддерживает Россия? Говорить о какой-либо единой общемировой или хотя бы региональной повестке всех акторов, действующих в регионе, как минимум нелепо. У каждого из них свои цели и интересы. Никто из них в принципе не заинтересован в долговременных союзниках и геополитических попутчиках. Никто из них не заинтересован в мире, поскольку война — это их естественная среда. Если не будет войны, они не выживут.

Вадих Эль-Хайек

* Организации, признанные террористическими и запрещенные в РФ.

Пресс-служба МИД РФ

«Хезболла» в Москве

О ЧЕМ ДУМАЮТ В РОССИИ

Социологическая рубрика

Призрачная справед- ливость

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ
(ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН,
РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ
«ЛЕВАДА-ЦЕНТР» ЛИБО КАСАЕТСЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО
АГЕНТА «ЛЕВАДА-ЦЕНТР».

Петр САРУХАНОВ

Саруханов

Лев

Гудков

Полвека назад вышла работа Ф.А. фон Хайека «Мираж социальной справедливости» (The Mirage of Social Justice, 1976), в которой он ставил под сомнение способность государства обеспечить рост благоденствия и социальной справедливости, указывая на угрозы, таящиеся в этой идеологии.

В России смысл понятия «справедливость» расплывчат и не ясен. Нет дискуссий, которые могли бы прояснить контексты и значения его употребления. Русское национальное сознание приписывает себе качества духовности, справедливости, верности, доброты, миролюбия, готовности помочь ближнему и т.п., и одновременно жалуется на дефицит справедливости в самых разных сферах жизни. «Душевность», «теплота» и «справедливость» русских приобретают яркость только в противопоставлении «бездушному Западу», как символы оппозиционной коллективной идентичности. Когда же речь заходит о «тьме низких истин» практической, повседневной жизни, то «нас возвышающий обман», который нам дороже всего, мгновенно исчезает. В материалах социологических исследований общественного мнения (1989–2023 гг.) бросается в глаза одно повторяющееся обстоятельство — российское общество живет с сознанием хронической несправедливости общественного порядка. Неправедливо устроено само государство. Нельзя ждать справедливости в российском суде. Неправедливо распределение материальных благ в стране. Неправедлива в большинстве случаев система оплаты труда. Неправедливо то, что более обеспеченные люди имеют доступ к лучшей медицине, а их дети — к более качественному образованию (не говоря уже об обучении в зарубежных университетах). Неправедливо к нам, к России, относятся западные страны (мы к ним доброжелательно настроены, а они нас не любят и не уважают, даже презирают — за что?). Неправедливы войны, в которые втянуто население (финская, афганская, обе чеченские). И т.п.

Табу на рефлекссию

При этом сама возможность осознания причин дефицита справедливости полностью подавлена, она блокируется коллективным табу, превращающим вопрошающего об этом в ненормального (что толку об этом говорить, если изменить ничего нельзя?). Для тотального общества-государства, каким было советское население, равно как и наследующее ему российское общество, вопрос о справедливости превращается в вопрос о власти и легитимности социального порядка, поскольку как при социализме, так и сегодня, централизо-

психологической травмы — одновременно фиксация на ней и вытеснение порождающих ее причин и обстоятельств, запрет на самоанализ и рационализацию. Корни этой коллективной травмы уходят в темноту слепого и непроработанного прошлого и связанную с этим этику и культуру насилия, оставленную нам революцией. Одновременное стремление к обновлению, модернизации и к достижению социальной справедливости стало идеологией (и апологией) советской системы, культурой государственного патернализма, оборотной стороной которого неизбежно оказывается привычная беспомощность недовольного населения, зависимого от власти.

Неудовлетворенность относится, прежде всего, к обещанному государством всеобщему процветанию, которое все никак не наступает, к характеру материального обеспечения, к уровню доходов. Обратной стороной патернализма оказываются resentment, социальная зависть, принимающая форму возмущения «коррупцией» чиновничества, богатством олигархов, перерождением власти в мафию, и оправдание права «обманывать государство» для себя. Из графика 1 видно, как согласованно снижается потенциал гражданского контроля над властью (красная линия) и растет массив лояльных граждан, считающих, что от государства «можно требовать большего» (зеленая кривая). Признаки нарастания подобных

Неудовлетворенность относится, прежде всего, к обещанному государством всеобщему процветанию, которое все никак не наступает

ванное государство стремится контролировать все социальные сферы общественной жизни. (Реализовать такие цели оно, естественно, не может, но и признать свою ответственность за неудовлетворительное положение дел категорически отказывается.) Другими словами, справедливость может выражаться только в своей негативной форме (негативной идентичности). Можно сколько угодно обсуждать компетентность администрации (целых министерств, служб или отдельных чиновников), но нельзя затрагивать вопросы основания авторитета власти, право на господство. Подавление в массовом сознании проблемы справедливости определяется логикой

настроений, готовности поторговаться с властью (обмен лояльности на увеличение социальных расходов) становятся все более заметными на фоне протестов среднего класса в 2011–2013 годах, усиливаются после пенсионной реформы, достигая максимума в период СВО и призывов руководства страны к патриотизму и самопожертвованию граждан перед внешними угрозами, исходящими от «коллективного Запада».

Призрачная справедливость

Адаптивный прагматизм такого рода является реакцией обывателя на усиление идеологического и административного давления, последовательно сокращающих удельный вес ответов «государство дает так мало, что я ничем ему не обязан» (желтая линия), которые преобладали в структуре мнений на протяжении почти 20 лет (с 1999 по 2018 г.). Двоемыслие советского человека (условие приспособления маленького человека к всесильному государству) никуда не исчезает, оно лишь меняет свою стилистику и особенности проявления.

Вопросы справедливости обычно отодвинуты на второй и третий план при обсуждении событий в общественной жизни. С точки зрения социологии проблема справедливости заключается в том, что в оценку взаимодействия индивида и организации, социального порядка в целом вводится ме-

ханизм соотнесения одного обстоятельства с более общим представлением о должном («правильном», «порядочном», «честном» — от слова «честь»), которое разделяют обе стороны. Такое поведение не просто соответствует золотому правилу этики (поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы они поступали с тобой), но и является необходимым составным элементом «общества» как образования, основанного на взаимных интересах и общих верованиях, то

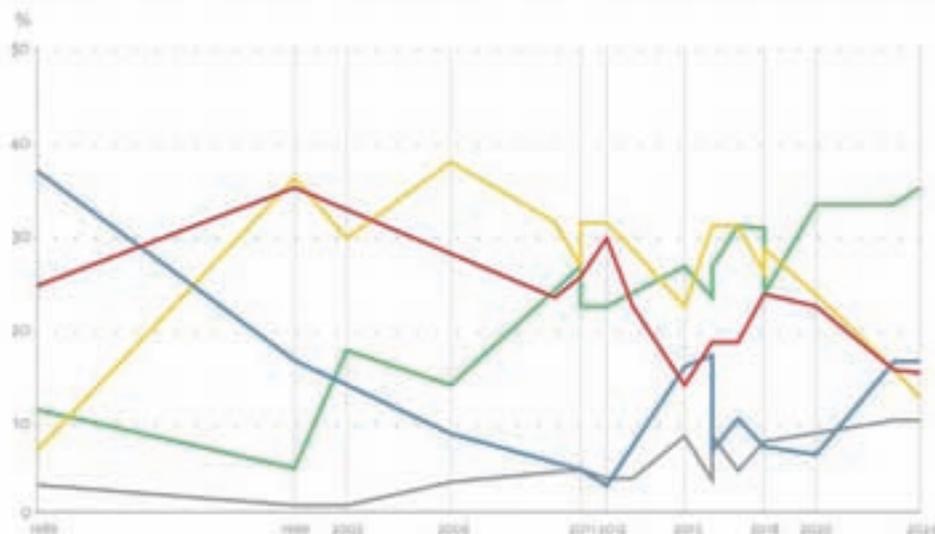
есть на солидарности, а не на принуждении. В противном случае мы имеем дело с навязанной легитимностью организованного насилия, которое всегда будет порождать ассоциации с бандой или мафией, как об этом говорил блаженный Августин. Справедливость, в отличие от несимметричных отношений господства, предполагает взаимность и добровольное участие во взаимодействии. Понятие справедливости применимо только к свободной воле дееспособного и свободного человека. К невольнику (рабу, крепостному, ребенку, заключенному, больному, животному) оно не применимо или применяется с большими ограничениями.

Понятия справедливости есть во всех человеческих обществах, хотя содержательно нормы справедливости могут сильно различаться. Важна функция подобного неявного соотнесения, сам принцип, базовый, конституирующий общество как таковое.

Справедливость как критерий оценки поведения действующих лиц, социальных «актеров», включая большие организации, институты, даже «государство» как субъекта действия и интересов, возникает в самых разных ситуациях, которые схематически можно свести к нескольким типам сообществ: а) обмен (гарантированное равноправие участников), включая экономику, коммуникацию, а значит, право на доступ к полноте информации, недопустимость ее ограничений, включая цензуру; б) юстиция (общеправовая справедливость, по определению — «правосудие»); в) политика — распределение власти и принуждения, вопросы легитимности насилия, господст-

График 1

С КАКИМИ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ МНЕНИЙ ПО ПОВОДУ ОТНОШЕНИЙ С ГОСУДАРСТВОМ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?

МЫ ДОЛЖНЫ ЗАСТАВИТЬ ГОСУДАРСТВО СЛУЖИТЬ НАШИМ ИНТЕРЕСАМ
НАШЕ ГОСУДАРСТВО СЕРЬЕЗНО ЗАКОМ ПОДЛОЖИЛИ, ЧТО МЫ ДОЛЖНЫ ЕМУ ПОДНОСИТЬ, ДАЖЕ ИДТИ НА КАКИЕ-ТО ЖЕРТВЫ
ГОСУДАРСТВО ДАЕТ НАМ НЕМАЛО, НО МОЖНО ТРЕБОВАТЬ И БОЛЬШЕ
ГОСУДАРСТВО ДАЕТ НАМ ТОО МАЛО, ЧТО МЫ ЕМУ ДОЛЖИМ НЕ БОЛЬШЕ
НАШЕ ГОСУДАРСТВО ДАЛО НАМ ВСЕ, НИКТО НЕ ВЛАДЕТ ТРЕБОВАТЬ ОТ НЕГО ЕЩЕ ЧЕГО-ТО

Источник: Левада-центр (признан Министерством иностранным агентом)

¹ «Что есть государство при отсутствии справедливости, как не большие шайки разбойников?» — Августин Аврелий. Творения. Т. 3. О граде Божием. СПб.: Алетейя, 1998. С. 150.

ва или авторитета; г) солидарность поколений, обязанность поддерживать детей родителями или нуждающихся в помощи родственниками, стариков. Для специальных задач можно выделить и другие формы, например, экологическую тематику — как справедливость в доступе к природным благам или избегания будущих угроз для последующих поколений.

«Справедливая цена», в отличие от навязанной цены, означает, что предлагаемая цена соответствует представлению обеих сторон соглашения о ценности товара или услуги. Справедливый приговор содержит либо оправдание невиновного (установление его невиновности),

с несправедливого — продажного — судьи, согласно легенде, живьем сдирали кожу (как это изображено на диптихе Герарда Давида, 1495 г.). Крайняя жестокость такого рода означала не месть за причиненный вред конкретным людям, а наказание за оскорбление высшего, трансцендентального порядка совместного существования. В этом смысле сегодняшнее партикуляристское понимание «справедливости» (претензии на особые привилегии «за заслуги перед государством»; статусные преференции; оправдания индивидуальной мести, включая кровную месть; допустимость «частной юстиции» и ее средств — пытки, политически мотиви-

«процедурной справедливости» с ее принципами гласности, равенства сторон, презумпции невиновности, независимости и незаинтересованности, беспристрастности судьи в рассмотрении дела. Такое понимание справедливости «для всех», а не только «для своих», характеризует степень развитости, открытости общества и его морали, универсализм ценностей. Поэтому «процедурный» тип справедливости переходит из сферы экономики и юстиции в структуры общественного мнения, в политику (требование честных и открытых выборов, наличие процедур выражения доверия к правительству, импичмента, парламентского расследования и контроля и т.п.). В полной мере эти принципы работают только там, где абсолютистское государство ограничено институциональной силой гражданского общества, то есть многообразными социальными группами со своими интересами и возможностями принудительного контроля над администрацией. Другими словами, общее представление о справедливости исходит из подразумеваемой общественным сознанием природы социальных институтов, чье функционирование и воплощает, реализует принципы справедливости. Дело не в «совести» как внутреннем, интернализированном социальном контроле (она, если и возникает, то только по отношению к самым близким людям), или не в правовом российском нигилизме, как часто это говорится, а в отсутствии институциональных условий и гарантий равноправия в стране.

В нашем случае «государство», начиная с большевистской революции, присвоило себе харизматический статус держателя одновременно критериев нравственности, политического целеполагания, справедливости (суд всегда выступает в функции защиты интересов государства) и монопольного обладателя средств принуждения и защиты от внутренних и внешних врагов. Никого не удивляет фиксация в обновленной Конституции положения, что президент является гарантом Конституции, в основе которой лежат «традиционные ценности, культура и мораль», и одновременно он определяет политический и экономический курс страны (распределение бюджета, кадры исполнительной власти, персональный состав правительства или руководства судебной системой). Контролируя выборы, администрация президента определяет характер законодательного процесса, а значит — управление поведением граждан.

« В нашем случае «государство» присвоило себе статус держателя одновременно критериев нравственности, политического целеполагания, справедливости и монопольного обладателя средств принуждения и защиты от внутренних и внешних врагов

либо определение виновного, мотивов его действия, вины и тяжести преступления (справедливо большее наказание за более тяжкое нарушение общей нормы, меньшее — за менее тяжкое), а также — обстоятельств совершения осуждаемого действия, смягчающих или ужесточающих характер вины. В последнем случае предполагается не просто условие беспристрастности в оценке (особенно это значимо для суда, судьи или эксперта в проблемной ситуации), но и взаимная апелляция к общим моральным нормам, составляющим социальный порядок, к поддерживаемому согласию «общества», являющемуся основой его «солидарности», устойчивости. Неправедный судья, коррумпированный судья — воплощение аморальности и злой асоциальной силы, разрушающей «общество» и порядок. В старые времена за порчу мер и весов, фальсификацию монеты и т.п. подвергали жестоким казням, отрубали руки, заливали в горло расплавленный свинец,

рованные процессы, ликвидация корпоративных «предателей», пригожинская кувалда, убийство и отравление политических противников и т.п. расправы) не является делом морали и универсального права, а значит — общественной справедливости, а лишь выражением групповых нравов.

Представления о справедливости обладают разной силой в разных обществах. В одних — это мечта и утопии справедливого устройства общества и государства, ламентации носителей морального сознания, не имеющего особого влияния на современников (обличения порчи нравов и произвола властей предрержащих). В других справедливость укоренена как в общественной морали, в неформальных институтах репутации и авторитета, в публичном контроле, расследованиях свободных СМИ, так и в формальных социальных институтах, прежде всего — в праве, в судах. В них содержательная справедливость «для своих» уступает место более высокой

Призрачная справедливость

Доходы

Из тотального характера государства проистекает противоречивость массового сознания, конфликты частных интересов существования и ограничений, накладываемых государством в своих интересах, сочетание недовольства и вынужденной лояльности, фиксируемых в материалах социологических опросов общественного мнения. Возьмем отношение к справедливости распределения доходов и материальных благ — важнейший критерий массовых представлений о легитимности социального порядка. 88% россиян полагают, что справедливое государство — это такое, когда «государство проявляет всестороннюю заботу о своих гражданах, обеспечивает им широкие гарантии и вмешивается в экономику при возникновении трудностей»; либералами, сторонниками «минимального участия государства в экономике» считали себя лишь 7% (май 2005). Идея справедливости этого рода составляет идеологическую основу государственного патернализма, сохраняющего и в настоящее время — пусть в ослабленном виде — социалистические иллюзии. Они значимы как в массовом сознании, так и в сознании властей, использующих эти представления в своих интересах.

1989 год, октябрь: 53% опрошенных утверждали, что в советском обществе распределение доходов устроено несправедливо, «справедливо» — лишь 2% (еще 45% соглашались на вариант ответа: «не совсем справедливо»). Следующий вопрос — обеспечит ли переход к рыночной экономике более справедливое распределение доходов, вызывал большие сомнения (сказывалась инерция антикапиталистической идеологии). Лишь 28% респондентов, сторонников перестройки, полагали, что да, после конца монополии плановой экономики все будет хорошо, 22% были настроены отрицательно к планам такого рода, а 50% — затруднились с ответом (что показывало уровень готовности к переменам на тот момент).

В конце 1991 года, уже после ГКЧП, распределение мнений оставалось схожим: 20% верили в то, что переход к рыночной экономике даст более справедливое устройство общества, 35% — боялись, сомневались или отрицали положительные следствия будущих реформ, 45% — не знали, что думать по этому поводу.

В сентябре 1992 года реакция сомнения и страха была еще более выраженной: оптимистов — 9%, пессимистов — 71%, число затрудняющихся резко сократилось — до 20%, то есть мнения стали более категоричными и определенными. Примерно та же картина наблюдалась через год, уже после начала гайдаровских реформ (соотношение аналогичных мнений — 19% и 39%; 42% затруднились с ответом).

Вряд ли стоит поэтому удивляться, что и в 2020 году 74% опрошенных считали, что приватизация в начале 1990-х годов была несправедливой (справедливой ее считали лишь 11%).

Но и нынешнее распределение доходов массовое сознание считает столь же несправедливым (так думают 79%, «справедливым» — 19%, сентябрь 2020). В списке наиболее острых проблем, составляемых по данным ежемесячных опросов, рост цен и обеднение населения неизменно занимает первую строчку. Инерция общества хронического потребительского дефицита и его культуры проявляется в том, что относительное большинство опрошенных продолжают считать, что материальный достаток важнее свободы и прав человека (табл. 1).

Интересно в этой таблице не только то, что свыше 40% открыто заявляют, что им не

Таблица 1

**СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ СО СЛЕДУЮЩИМ МНЕНИЕМ:
«ЕСЛИ ГОСУДАРСТВО ГАРАНТИРУЕТ МНЕ
ДОСТОЙНЫЕ ЗАРПЛАТУ И ПЕНСИЮ, Я ГОТОВ
ОТКАЗАТЬСЯ ОТ СВОБОДЫ СЛОВА
И ПРАВА СВОБОДНО ЕЗДИТЬ ЗА ГРАНИЦУ?»**
НЕ СОГЛАСНЫ; ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ; СОГЛАСНЫ

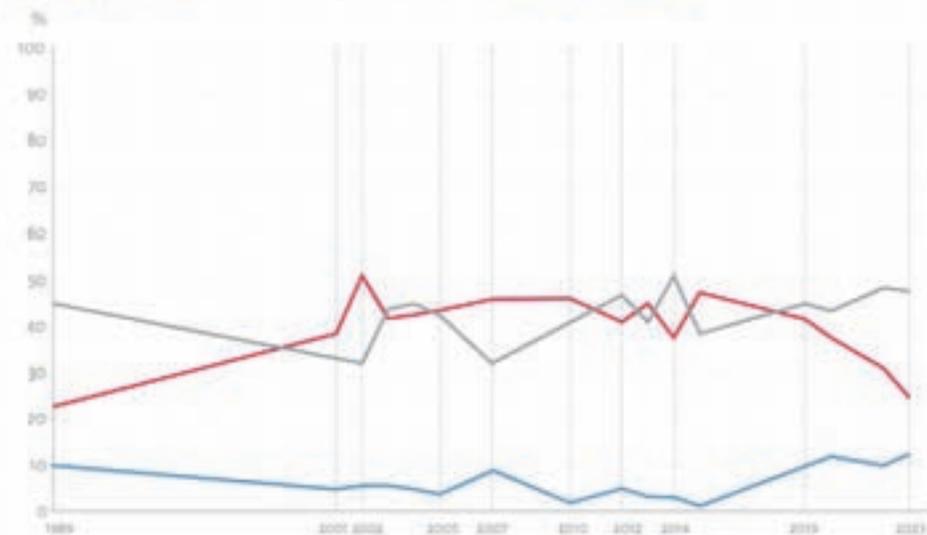

В % к числу опрошенных, N = 1600; «СВОБОДА СЛОВА» и «ВЬЕЗД ЗА ГРАНИЦУ», НЕВОЗМОЖНЫЕ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ, ВЗЯТЫ В АНКЕТЕ ЛИШЬ В КАЧЕСТВЕ ПРИМЕРА ОСНОВНЫХ «ПРАВ» ЧЕЛОВЕКА.
ИСТОЧНИК: ЛЕВАДА-ЦЕНТР (ПРИЗНАН МИНИСТРОМ ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ)

График 2

КАК, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ИЗМЕНИЛАСЬ В ПРОШЛОМ ГОДУ СИТУАЦИЯ СО СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ ПРИ РАСПРЕДЕЛЕНИИ МАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ

УХУДИЛИСЬ; ОСТАЛАСЬ БЕЗ ИЗМЕНЕНИЙ; УЛУЧШИЛАСЬ

Источник: Левада-центр (признан Министерством иностранных дел агентом)

нужны свободы и права человека, а то, что «достоинство» придается человеку раздачей государством денег в виде назначенной им же (государством) оплаты труда и пенсии, а не зарабатывается им самостоятельно, независимо от власти. Неравенство сторон всегда будет провоцировать сомнения в справедливости такого распределения. Поскольку сам вопрос носит не эмпирический, а принципиальный, ценностный характер, то затруднения с ответом означают незначимость диагностируемых ценностей, а потому к этим 40% можно прибавить и затруднившихся с ответом. Аналогичный опрос среди студентов и преподавателей вузов дал совершенно иные распределения: «согласны» на ограничения прав лишь 19%, 76% опрошенных настроены решительно против (6% затруднились с ответом, март 2017, N = 6055). Высокая самооценка преподавателей и наивный идеализм молодежи, полагающих, что в их жизни все будет иначе, чем у старшего поколения, резко контрастируют с покорностью и зависимостью большей части населения в целом.

Субъективное ощущение несправедливости в распределении доходов из-за различий в уровне и качестве жизни разных групп населения усиливается и нарастает в 2002–2007 годы, то есть в годы, когда в России можно говорить о явном росте реальных доходов населения, сокращении параметров абсолютной бедности, потребительском буме (до кризиса 2008–2009 гг.). Те же явления фиксируются и после введе-

ния российских контрсанкций и изменений в пенсионном законодательстве (в 2015–2018 гг.) (граф. 2, в % к числу опрошенных).

Мнения о «справедливой» оплате труда в России (конкретно — оплате труда самого опрашиваемого) разделились почти поровну: 47% довольны положением вещей, 52% респондентов считают действующую систему несправедливой (декабрь 2020). 68% опрошенных заявляли, что трудовые права работников постоянно нарушаются, что это не отдельные случаи, а (по их мнению) обычная и распространенная практика. Нарушения касаются договорных условий труда, ограничения в выборе работы, дискриминации при приеме на работу, не соответствующей условиям договора зарплате и т.п. В «полной мере» или «в основном» удовлетворены условиями работы и системой оплаты 26% работающих россиян, опрошенных социологами.

Но проблема заключается не просто в величине зарплаты, соответственно, уровне доходов, а в следствиях сложившегося порядка распределения — возможности получения образования для детей, качестве приобретаемого жилья или в доступе к медицине, ограниченных имеющимися ресурсами. Возьмем данные мая 2009 года, когда продолжающийся полгода кризис обострил все социальные вопросы: тогда 77% опрошенных считали плату за образование несправедливой, поскольку представления о социальном государстве, идущие из советских времен, включали как бесспорное

положение о том, что государство за счет налогов с населения обязано сделать все образование, включая высшее, бесплатным. Так, по мнению значительной части опрошенных, записано в Конституции. Такие же критические установки социологи фиксируют на протяжении многих лет в отношении несправедливости резкой дифференциации социального доступа к здравоохранению и к лекарствам (наличие проблемной бесплатной «общедоступной» медицины и дешевых, но неэффективных лекарств, и более качественной «платной», коммерческой медицины). Общественное мнение не может определиться с одной из важнейших и этически сложных проблем социальной справедливости — справедливо ли, что люди с высокими доходами (а значит — занимающие высокие социальные позиции в иерархии) могут предоставить своим детям (и себе самим) лучшую медицинскую помощь, лучшие возможности для образования (платность в престижных университетах или обучение за рубежом) и т.п., чем люди с низкими доходами. 26–27% опрошенных в разные годы полагают, что это вполне справедливый порядок, 50% — что это несправедливо в принципе, 23–24% затрудняются сказать что-то определенное, не имея позиции и собственного мнения на этот счет или не считающие данные вопросы существенными для себя. Отметим, что бедные (люди с низкими доходами) составляют примерно половину населения страны, а их установки и взгляды задают структуру общественного мнения в стране, поэтому их мнения преобладают в ответах на такие вопросы.

Суд, полиция и правоохранительные органы

Негативный тон в отношении справедливости распределения доходов и острота ressentимента ослабляется не менее сильной нормой: «все так живут», общим сознанием, что сделать ничего нельзя, жаловаться бесполезно, правды в судах найти невозможно. Лишь чуть больше трети опрошенных россиян верят, что российские суды «всегда» (6%) или «в большинстве случаев» (29%) выносят справедливые решения. Основная же масса респондентов (55%) полагают, что такие случаи бывают «редко» (в том числе — 23% опрошенных считают, что — «очень редко» или «никогда») (опрос в августе 2005 г.).

Призрачная справедливость

Мнения, что «обычный человек не может рассчитывать на справедливый и беспристрастный суд в России», разделяли от 67 до 71%. С ними не согласны 25–27%, которые верят, что суд — место торжества права и справедливости (опросы в ноябре 2010 и в октябре 2011 гг.).

Как бы ни менялись формулировки анкеты, преобладающее большинство настаивает на том, что «в России систематически нарушается право граждан на справедливый суд и защиту от произвола власти» (так считали 53–54% опрошенных). Лишь 5–8% опрошенных тогда же россиян уверены в том, что эти права «в основном соблюдаются» (декабрь 2017, январь 2018). 60% россиян полагают, что легче найти справедливость в ЕСПЧ, чем в российском суде (противоположное мнение высказывается 14% опрошенных, хотя большая доля респондентов, а именно — 26%, отказываются от ответа, не будучи сколько-нибудь осведомленными о деятельности международных судов).

В 2009–2013 годах «Левада-центр»¹ проводил большое исследование об отношении населения к судебной системе в России (по заказу правительства, но финансировал его Мировой банк). В общей сложности было опрошено около 10 тысяч человек, в том числе имеющих опыт судебного разбирательства. Выводы этого исследования были признаны и одобрены экспертным советом высших судов в России. Полученные материалы подтвердили приведенные выше мнения населения о российском суде, преобладание недоверия к российской судебной системе, о судьях как компетентных, но бездушных, коррумпированных и аморальных функционерах, зависимых от высшей администрации страны². С тех пор положение дел

лишь ухудшилось. Управляемые выборы усилили негативный отбор депутатского корпуса, послушно принимающего предлагаемые силовиками репрессивные законы, и разрушили исходную правовую основу российской Конституции. Суд, который по самой сути своей должен воплощать в себе не закон, а идею справедливости («юстиция» = справедливость), превратился в зависимый от полиции и следственных органов институт, штампуемый прокурорские и миновостовские заключения и рекомендации. Значительная часть новых законов, принятых после протестов 2011–2012 годов и после 2022 года, носит неправовой характер.

Массовое недоверие к суду приводит к тому, что обращение в суд — общепринятое действие в правовом государстве, для россиян имеет экстраординарный характер. В суд идут «через силу», что называется, по жизненным показаниям, когда человеку некуда деваться, чтобы как-то защитить свои интересы — необоснованное увольнение с работы, проблемы наследства и т.п. Лучше обстоят дела в арбитражном суде, в гражданском и уголовном судопроизводстве, хуже в процессах, когда затронуты интересы администрации или силовых структур. Определяющим фактором, влияющим на решение судьи, по мнению абсолютного большинства опрошенных, является не представление о вине подсудимого или ее тяжести (в уголовном процессе), не объективные обстоятельства действий сторон (в гражданском процессе), а влияние власти, административный ресурс, радикально меняющий соотношение сторон и роль судьи. Так, на вопрос: «Если суд будет рассматривать дела простого гражданина против представителей власти, в чью пользу будет вынесено судебное решение?» 61% опрошенных заявили —

«в пользу представителя власти, независимо от того, кто прав в этом деле», около 8% — «по справедливости, в соответствии с законом» и 22% — «в пользу того, кто даст большую взятку судье, независимо от того, кто прав на самом деле» (9% затруднились с ответом, август 2005).

Но если с судебной системой сталкивается все-таки относительное меньшинство населения, то с полицейским произволом и отсутствием соблюдения даже видимости законности своих действий знакомо абсолютное большинство россиян. О нарушениях законности полицией говорил каждый четвертый опрошенный, каждый десятый прошел через пытки или угрозы пытками в полиции. Возникающее чувство беспомощности по отношению к государственным институтам (причем — любого рода, но отчетливо формулируемое прежде всего по отношению к низовой полиции) в конечном счете порождает разнообразные формы адаптивного поведения, включая аморальные и неправовые способы избегания конфликтных ситуаций. Так, на вопрос, заданный в исследованиях молодежи, чаще других групп населения оказывающейся объектом произвола правоохранительных сил (ноябрь 2006): «Что, на ваш взгляд, предпочтет делать большинство ваших знакомых молодых людей, сталкивающихся с противозаконными действиями милиции, с превышением ею своих полномочий?», 12% ответили — «подчинится милиции, будет выполнять все, что потребуют», 30% — «постарается договориться с милицией, откупиться», 29% — «ничего не станет делать, просто постарается в дальнейшем избегать возникновения подобных ситуаций» и лишь 24% — будут «стараться наказать виновных, добиваться справедливости». Тактика уклонения является следствием не только

¹ Внесен в реестр «иноагентов».

² Российская судебная система в мнениях общества // Вестник общественного мнения. 2010. № 4 (106). С. 7–43; Мониторинг отношения российского населения к судебной реформе и судебной системе // Вестник общественного мнения. 2014. № 3–4. С. 13–69. Подробнее об отношении к полиции см.: Индекс произвола правоохранительных органов. Оценки социологов и комментарии правозащитников. М., 2005. С. 11–33; Приватизация полиции // Вестник общественного мнения. 2006. № 1 (81). С. 58–71; Насилие в правоохранительных органах: конфликты, давления, пытки // Вестник общественного мнения. 2019. № 1–2 (128). С. 86–123.

непосредственного, личного социального опыта индивида, она наследуется от его родителей и авторитетных окружающих.

Равенство сторон, вопреки всем конституционным и законодательным декларациям, отсутствует в России. Речь идет не только о таких вещах, как пресловутое избирательное правоприменение, телефонное право, карательный уклон городских или районных судов в сравнении с судами присяжных, но и закрепленное в различных документах освобождение от наказания для тех, кто готов участвовать в СВО, или по отношению к тем из них, кто совершил вторичное преступление, суды выносят им более мягкие наказания и т.п. Было бы ошибкой видеть в этом только коррумпированность, сервильность и личное бесстыдство судей, прокуроров или полиции. Если бы дело было только в этом, общественное мнение с течением времени удалило бы продажных судей. Более сложное объяснение заключается в том, что в российском обществе, как в верхах, так и в низовых слоях, нет твердого представления о формальном праве; право всегда или в большинстве случаев понимается как соотношенное со статусом сторон, оно не только иерархично, но и избирательно по отношению к «лояльным» и «другим». Такая «справедливость» пронизана представлениями о том, что права определяются в соответствии с символической близостью к власти как силе, конституирующей общественный порядок, в соответствии с интересами и «моралью» (точнее — нравами) этих слоев и групп.

Зачем нужна «сильная рука»

Идентификация с властью становится важнейшим механизмом освобождения от хронического чувства уязвимости, незащищенности, несправедливости. Перенос своей тревожности и неполноценности на высшую власть, на тех, кто в массовом сознании приобретает свойства всеислия, могущества и защиты от несправедливости, является важнейшим условием внутреннего покоя и вытеснения страха от вероятных обид и неопределенности насилия. Такой фигурой в авторитарных, репрессивных государствах становится лидер нации — президент, руководитель высшего ранга, «сильная рука», способная установить порядок и ограничить произвол чиновников, олигархов, преступников (граф. 3, в % к числу опрошенных).

Сильный руководитель (как следует из ответов на «открытые вопросы», когда сами опрошенные в свободной форме предлагают свои варианты объяснения) нужен для того, чтобы «навести порядок,

укрепить дисциплину, ликвидировать бардак, анархию», «бороться с коррупцией», «приструнить чиновников и депутатов, Думу, олигархов, миллиардеров», «ужесточить наказание, ввести расстрел за коррупцию, чтобы коррупционеры и чиновники боялись воровать», «держат народ сильной рукой, по-другому не можем, чтобы работали и не отлынивали», «держат страну, чтобы страна не развалилась, в большой стране по-другому нельзя». Ну и, конечно, «развивать экономику», «чтобы был хозяин», «чтобы экономика росла, поднять страну, изменить жизнь людей к лучшему», «повысить уровень жизни, справедливость, равноправие» и др. (исследование 2020 г.). Потребность в «сильной руке» — это потребность в компенсации за отсутствие справедливости. Возникающие вместе с этим сомнения, не приведет ли появление сильного лидера, фактически — диктатора, к злоупотреблению властью, к коррупции, преступлениям, оборачиваются не осознанием опасности абсолютной власти, а стремлением защитить высшее руководство страны от риска подобных обвинений. Психологическая потребность в авторитете оказывается гораздо сильнее, чем повседневный опыт насилия и несправедливости. Люди хотят иметь такую символическую фигуру, которая могла бы, хотя бы

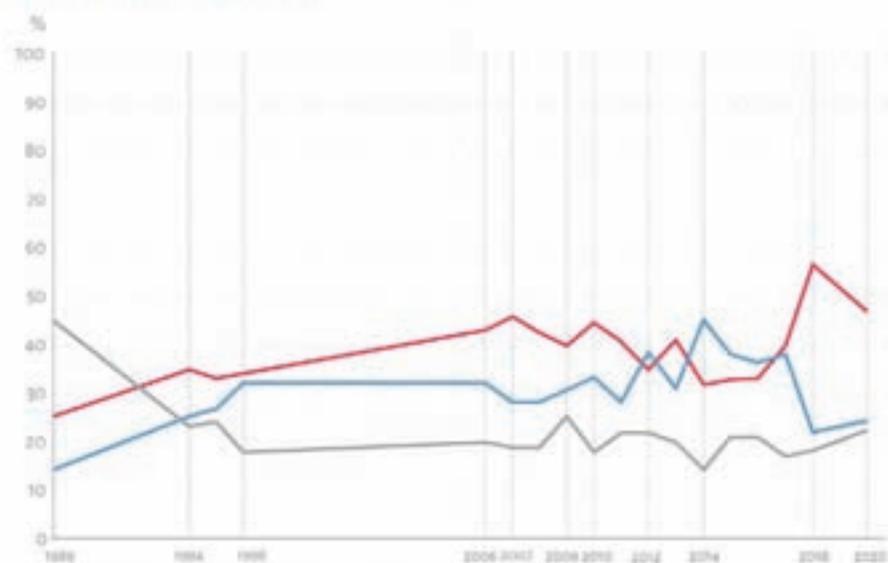
виртуально, компенсировать возникающие фрустрации от несправедливости жизни. Работает мощная система защиты первых лиц, как показывают распределения на следующий вопрос: «Как вы считаете, большинство населения России уверено, что президент и премьер-министр не замешаны в коррупции или допускает, что обвинения в их адрес справедливы?» 17% уверены, что ни президент, ни премьер-министр не замешаны в коррупции, 30% готовы допустить, что обвинения в адрес премьер-министра справедливы, но уверены, что президент не замешан в коррупции. И лишь 38% считают, что в коррупции замешаны все руководители страны (остальные затруднились ответить; март 2017, N = 1600).

Отсюда устойчивость сложившейся системы бесправия и авторитаризма. Стремление к социальной справедливости в отсутствие сильного гражданского общества, способного сдерживать произвол «суверенной» власти, всегда будет таить в себе потенциал насилия и массовой безадресной агрессии.

Лев Гудков

БЫВАЮТ ЛИ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ТАКИЕ СИТУАЦИИ В ЖИЗНИ СТРАНЫ, КОГДА НАРОДУ НУЖЕН СИЛЬНЫЙ И ВЛАСТНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ, «СИЛЬНАЯ РУКА»?

НАШЕМУ НАРОДУ ПОСТОЯННО НУЖНА «СИЛЬНАЯ РУКА»; НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕЛЬЗЯ ДОПУСКАТЬ, ЧТОБЫ ВСЯ ВЛАСТЬ БЫЛА ОТДАНА В РУКИ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА; БЫВАЮТ ТАКИЕ СИТУАЦИИ, КОГДА НУЖНО СОСРЕДОТОЧИТЬ ВСЮ ПОЛНОТУ ВЛАСТИ В ОДНИХ РУКАХ

Источник: Левада-центр (признан Минюстом иностранным агентом)

ГОРБИ
GORBY

НЕОТЛОЖНЫЙ РАЗГОВОР

Петр САРУХАНОВ

Новое летоисчисление начиналось стремительно.

В день шести двоек 22.02.2022 Путин экстренно собирает внеочередное заседание Совета безопасности. Прямая трансляция в эфире всех федеральных каналов ощущается как пролог грядущей драмы. Даже телевизионные мэтры впали в ступор, из которого с трудом выползли с помощью поэзии. Симоньян с нажимом читает стихотворение Рождественского «Подслушанный разговор». На строчке: «Мама, а правда, что будет война? И я не успею вырасти» — Соловьев заплакал. Плакал недолго. Его с коллегами ждет важная миссия — работа с подсознанием соотечественников. Дело спорится: племя сеятелей ненависти разрастается в промышленных масштабах. Два года — достаточный срок, чтобы понять, как менялся духовный климат в вихре сошедшихся обстоятельств. По дороге во тьму трудно рассмотреть детали. И все-таки попытаюсь выделить некоторые этапы этого скорбного пути.

По дороге во тьму

КАК ВИХРЬ СОШЕДШИХСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ИЗМЕНИЛ
ДУХОВНЫЙ КЛИМАТ СТРАНЫ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДВА ГОДА

Слава

Тароцина

Военные действия уже внутри нас. Все слова чужие, все мысли плохие, все люди — другие. Почти с нежностью слушаю отважного мыслителя Сергея Михеева: пусть Америка и Европа идут в жопу. Риторика, не чреватая кровью, осталась в прошлом. Теперь бронетанковые эксперты соревнуются в бронетанковой жесткости. Поиски предателей претендуют на ранг национальной идеи.

Зачистка телеэфира напоминает лихорадку. Отстранение Урганта от «Вечернего Урганта» вызывает эйфорию народных масс. Призрак коллективного озверения уже бродит по стране. Предвосхищая масштаб и этой катастрофы, Дмитрий Песков призывает «не антагонизировать» тех, кто не поддерживает спецоперацию. Поздно. Из жизни исчезают оттенки со скоростью Урганта, Галкина (признан «иноагентом»), Познера; она становится черно-белой. Быть патриотом нынче легко и приятно. Даже пластические хирурги окучивают сию доходную ниву. Самые сообразительные из них окрашивают грудные импланты в цвета триколора. Что уж говорить о пластических хирургах от пропаганды. Именно «понауехавшие», а не спецоперация — доминантная тема их публичных разборок. Отныне они пребывают на вахте почти в круглосуточном режиме.

К процессу очищения державы от «понауехавших» примыкают неожиданные люди. Об отъезде Аллы Пугачевой сообщает на своей проповеди священник Андрей Ткачев. Спецназ наиболее бдительных очистителей возглавляет Яна Поплавская, сменившая Красную Шапочку на тогу высшего судии. ТВ превращается в подотдел легендарной булгаковской «очистки».

Ритуал очищения стар, как мир. Сначала разбираются с чужими, потом — со своими. У нынешних неистовых ревнителей (так называли членов Российской организации пролетарских писателей, сокращенно — РАПП) короткая память. Сначала они чистили свои ряды, а затем вычистили их — под корень. В тридцатые они первые были пущены в распыл. Никто не ожидал, что путь во тьму окажется таким коротким. История ничему не учит. Всех жалко. И тех, кого чистят. И тех, кто чистит. И тех, кто знает, как надо, сидя на диване. И тех, кто не знает, как надо. И тех, кто прикрывается заветным вензелем Z, и тех, кто обрядился в белое пальто с кровавым подбоем.

А меж тем в тени спецоперации наливается соками культурная революция. Сообщество профессиональных любителей Родины настаивает на необходимости обнуления культуры. Вскоре, однако, выяснилось кардинальное: это не история о засилье либералов, и даже не о помрачении умов, спровоцированном режимом. Это история человеческая, слишком человеческая. Вчерашних властителей дум принялись истреблять, как тараканов (пересмотр базовых ценностей начали с Максима Галкина), с целью поскорей занять освободившиеся места.

Страна увязла в болоте мелкотравчатых доносов и реестров неугодных. Демиурги новой реальности загнали культуру в узкий коридор. На одном полюсе — восторженное одобрение власти, на другом — расправа с теми, кто не хочет круглосуточно кричать «ура!». В основе культурной революции — банальная монетизация патриотизма. Но, увы, денег на всех не хватит. В стане патриотов старой формации забрезжила смута. Первой возмутилась Вика Цыганова: «Мне за мой патриотизм никогда не платили. Никогда!»

Чем выше ставки, тем горячее разборки между своими. Звезда канала имени Соловьева (сам канал завелся, вот она, ирония судьбы, на частоте Euronews два года назад) регулярно устраивает прополку поляны. Для него даже Проханов не патриот, не говоря уже о Прилепине. На его примере Якеменко развивает тему патриотизма как новой конъюнктуры. С ним трудно не согласиться. Культура живет в медленном времени. Оттого, что Прилепин с дотошностью сельского бухгалтера подсчитывает, как преступно мало творческих людей из окопного Донбасса зовут на ТВ, ничего не изменится. Тотальная идея самоочищения в горниле СВО пока не принесла никаких результатов, кроме одного.

Уже заметны изменения в языке. Публичные персонажи напоминают героев Зошенко из сборника «Уважаемые граждане». Мелкие люди, пьяницы, драчуны, воры — гениальные приспособленцы. Уважаемые граждане даже доносы пишут, как точно заметил Ходасевич, с точки зрения «идеологически безупречной базы». Сторож, обворовывая охраняемый им магазин, бодро рапортует: «Стою на страже государственных интересов».

Современные уважаемые граждане стоят там же. Оттого главные культурные итоги первого года СВО — певец Шаман и фильм «Чебурашка». Итоги второго года еще скромней. О новом серебряном веке поэзии, которого ждали со дня на день, молчат даже сами Z-поэты.

«Голая» вечеринка — важная остановка по дороге во тьму. Бенефициантом назначили Филиппа Киркорова. Еще вчера он как бы замешал на ТВ уехавшую Пугачеву, а уже сегодня переместился в список врагов. Показательная чистка в «Мутаборе» — орудие дальнего действия. Начало нового политического цикла после выборов — идеальное время для смены элит в формате «неприкасаемых нет». Да и вообще — для полной смены вех. Сергей Карнаухов, надежда и гордость самого патриотического канала «Соловьев LIVE», озвучил свою заветную мечту: приехать на Патриаршие и всех, кто там гуляет, отправить в лагеря. Как местный житель осмелюсь спросить — где он столько лагерей найдет?

В начале нового летоисчисления Соловьев не раз и не два повторял: «Нам важно не сорваться в 37-й год». Теперь не повторяет. Главный вопрос любого критического периода отечественной истории утратил актуальность. Право на мысль, на свободу мысли осталось только строчкой Конституции. Риторический вопрос — прошел бы сегодня Пушкин тест на патриотизм? Александр Сергеевич — олицетворение альтернативы всему привычному. Он очень любил сильную великую Россию и очень любил свободу во всех ее проявлениях. Именно эта мучительная раздвоенность свидетельствовала о цельности его натуры.

Удел нынешних «раздвоенных» — немота. И это в некотором роде уникальная ситуация для нашей страны. Более 200 лет в России существовало два образа мышления — консервативный и либеральный. Борьба между ними шла всегда. Даже в глухую пору листопада, в мутные брежневские годы продолжались сражения между почвенниками и западниками. На одном полюсе расположился Пикуль, на другом Эйдельман. «Политиздат», оплот советской государственности, охотно печатал в серии «Пламенные революционеры» сочинения авторов сомнительного направления, включая откровенных смутьянов вроде Аксенова, Войновича, Губермана.

Сегодня в нашей насквозь свободной стране котируется только мифология русского пути. Любое отступление от канона карается сначала общественностью, потом правосудием.

По дороге во тьму

Разговор о тектонических сдвигах в духовном климате державы невозможен без философа Владимира Соловьева. Его максима: «Я стыжусь, следовательно, существую» — отменяет наше время. Ничего не стыдно, все можно. Первый канал к 90-летию Познера неожиданно (в том числе и для опального юбиляра) выпускает документальный фильм о нем. Точнее, не фильм, а монтаж аттракционов. Во многих эпизодах наблюдается странная картина: Владимир Владимирович, оживленно жестикулируя и зажигательно смеясь, разговаривает сам с собой. Просто из лучшего проекта мэтра о путешествии по Европе и миру вырезали верного напарника и друга Ивана Урганта. Нет человека — нет проблемы.

И уж совсем ничего не стыдно в художественной сфере. Свидетельство чему —

тов нерушима, как Конституция. Осталось только монтаж готовых концепций насытить подробностями.

О ценности для искусства нового кино могу сказать лишь одно: каждому зрителю, досмотревшему упомянутые сериалы до конца, следует выдавать награду типа «Золотого орла», не меньше. Примечательно, что политические события, о которых они повествуют, значатся лишь на уровне символа. Электорат давно уже обучен тому, как правильно относиться к Украине, к распаду Советского Союза, к коллективному Западу. Осталось только выдумать убойный сюжет. В центре, изви-

шим ДТП, где она теряет левую лодыжку. Но катарсис не за горами. В финале девушка обретает ребенка, память, свежую лодыжку и красавца-мужа в придачу. Вот примерная схема, актуальная и при нынешнем сериальном ренессансе. Меняем беременную девушку на идеальных силовиков и разведчиков, соединяем экшен с мелодрамой и детективом, густо присыпаем солью конспирологии и сахаром традиционных ценностей — продукт готов. Пунктиром в эту плодоносящую матрицу можно внедрять любые актуальные события. Процесс пошел. Скоро эфирные сетки ТВ украсят не три свежих поделки в неделю, а тридцать три.

Самое омерзительное в новом кино даже не градус запредельной халтуры, а пошлейшая игра с переосмыслением жизни и судьбы конкретных исторических персонажей. Образ Горбачева из «ГДР» даже издевательством над первым президентом страны не назовешь. Для издевательства нужна страсть, сила чувства, да где же их взять? Михаил Сергеевич похож на карикатуру Кукрыниксов из послевоенного «Крокодила». Сидит в мятой пижаме за утренней кашей и ждет указаний Раисы Максимовны о судьбах мира (навеянных, вестимо, кураторами из-за океана). А какая прелесть Янукович из сериала «Переведи ее через Майдан»! Глазки бегают туда-сюда, губки надуты. Рядом люди суетятся, пилят бабки, ищут флешки с компроматом (ой, это, кажется, из другого фильма, хотя какая разница?), а у него глазки всё бегают. Президенту Украины докладывают: Крым недоволен, они хотят уйти в Россию. Ишь ты, плотоядно улыбается Янукович, губа не дура.

Когда всех талантливых заменяют на верных, получается такое кино. И такая жизнь. И такой духовный климат в стране, идущей во тьму.

«**Когда всех талантливых заменяют на верных, получается такое кино. И такая жизнь**»

бурный поток сериального кино, снятого по мотивам роковых событий новейшей истории. Недавно вышли сразу три премьеры. Хотите про Украину? Извольте — вот вам сочинение «Переведи ее через Майдан». Хотите про Крым — пожалуйста: «Десять дней до весны». А может, про падение Берлинской стены? Легко: к вашим услугам блокбастер «ГДР».

От исчерпанности пропаганды уже тошнит, похоже, всех, включая канальских начальников. И тут помогло провидение. Чьи-то мудрые головы осенила мысль: нужно срочно переместить пропаганду из сферы публицистической в сферу художественную. Хотя, заметим, творчество Соловьевых, Шейниных, Норкиных тоже вполне себе художественное. Главное — сохранить канон. Все то, о чем они говорили годами, нет, уже десятилетиями, следует отлить в кино. Пропагандистские идеи крепки, как броня танков, система аргумен-

тите за выражение, политического триллера «Переведи ее через Майдан» — ограбление крупного банка в Донецке, совпавшего по времени с Майданом. «Десять дней до весны» начинается как семейная сага. Два брата и сестра приезжают в Севастополь делить наследство умершего отца; и тут все распри позабыты — их объединяет Крымская весна. Сериал «ГДР» заточен под приключения нелегального советского разведчика, который ищет, обгоняя другие разведки, архив Штази.

Новая художественная реальность отменяет гегелевскую модель развития по спирали, здесь все движется по кругу. Когда-то я пыталась постичь феноменальный успех в России латиноамериканского мыла. Постичь не получилось. Все сюжеты легко объединялись в один. Бедная девушка неожиданно для себя впадает в беременность и одновременно в кому, затем ее настигает амнезия с последую-

Слава Тароцина

НЕОТЛОЖНЫЙ
РАЗГОВОР

Петр САРУХАНОВ

Саруханов

РИФМЫ

Рубрика
Александра Архангельского

СВОИМ СУДОМ

Петр САРУХАНОВ

В «Войне и мире» есть эпизод, восходящий к реальным событиям. Московский губернатор Ростопчин, автор разухабистых патриотических афишек, видит раздраженную толпу, собравшуюся возле его дома на Лубянке. Понимает, что пришли по его душу. И решает перенаправить волну народного гнева на купеческого сына Верещагина, который был задержан за перевод и распространение французских прокламаций.

«— Здравствуйте, ребята! — сказал граф быстро и громко. — ...Нам надо наказать злодея, от которого погибла Москва... — Своим судом расправляйтесь с ним! отдаю его вам! ...Бей его!

Окровавленная, измазанная в пыли, мертвая бритая голова на длинной шее, подворачивалась, волочилась по земле. Народ жался прочь от трупа».

Здесь два антигероя — равновеликие, равноужасные. Поставленный царем градоначальник и разношерстая сволочь, как в то время называли сброд. Кто именно хуже, сказать невозможно, но между жестоким «народом» и хитрым «вождем» есть нечто общее: они подменяют собою закон. Ростопчин не имеет полномочий выносить приговор — и выносит; толпа не имеет права вершить самосуд — и вершит. Он действует из страха, она из кровожадности, оба совершают дикое насилие.

Слово «дикое» тут ключевое; граф и озверевшая толпа — не просто злодеи, они дикари. И не просто выпускают зло на волю, но отменяют границы предельно допустимого. Как прикажем, так и сделают, как накажем, так и будет. Более того, они ведут совместную и потому вдвойне опасную игру в патриотизм; толпа подыгрывает генерал-губернатору, который претендует на роль фольклорного царька и стилизует «афишки» под лубочные картинки:

«Я завтра рано еду к светлейшему князю, чтобы с ним переговорить, действовать и помогать войскам истреблять злодеев. Станем и мы из них дух искоренять и этих гостей к черту отправлять. Я приеду назад к обеду, и примемся за дело: отделаем, доделаем и злодеев отделаем».

Но то, что выглядит как глупая невинная забава, вдруг оборачивается гибелью реального человека. Государь

потом встретится с отцом Верещагина, в знак примирения подарит ему перстень, но царским перстнем сына не заменишь. И тут встает неприятный вопрос: а с чего мы взяли, что убийство по закону — или как минимум серьезное насилие — лучше, чем убийство по народной прихоти? У того же Толстого в рассказе «После бала» произвол отсутствует, никакого самосуда нету, а картинка получается еще страшнее, чем в ростопчинском эпизоде.

«Я... увидел среди рядов что-то страшное, приближающееся ко мне. Приближающееся ко мне был оголенный по пояс человек, привязанный к ружьям двух солдат, которые вели его. ...При каждом ударе наказываемый, как бы удивляясь, поворачивал сморщенное от страдания лицо в ту сторону, с которой падал удар, и, оскаливая белые зубы, повторял какие-то одни и те же слова. Только когда он был совсем близко, я расслышал эти слова. Он не говорил, а всхлипывал: «Братцы, помилосердуйте. Братцы, помилосердуйте». Но братцы не милосердовали, и... я мельком увидел между рядов спину наказываемого. Это было что-то такое пестрое, мокрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека».

Отменяются последние табу. И никто не будет защищен законом. Наступает беспредельная эпоха

Так что насилие в рамках закона подчас не лучше незаконной волчьей хватки, а солдатику, пропущенному через строй, не легче, чем растерзанному Верещагину. Но если сформулировать иначе? Не спрашивать «что лучше», а спросить «что хуже»? И тогда пропорции изменятся. Акценты выстроятся по-другому.

Во-первых, потому что законы можно смягчить. Системное зло процедурно, его по мановению волшебной палочки не ужесточишь — даже если большинство тебя поддержит. Запрет на смертную казнь после ужасающих событий в «Крокус Сити» так и не отменили, террористов в Белоруссию, где ее практикуют, так и не передали.

Во-вторых, потому что произвольное насилие еще страшнее, чем удар «по правилам». Его не сдерживает ничего, оно само себе ставит пределы — а на

самом деле не ставит никаких. Оно объявляет садизм нормой. Снимает последнее табу. Вместо закона оно апеллирует к вере: Бог есть, и значит, все позволено. Неважно, какая именно вера, христианская, исламская, коммунистическая, державная, национальная. Важно, что по вере нашей да будет вам. Мы веруем и лучше знаем, что допустимо, а что нет. Тех поймали на троцкизме, эти распяли Христа, кто-то надругался над Кораном; первых можно бессудно расстреливать, вторых отправлять в лагеря, третьего избивать в камере, снимать на видео, гордиться...

Достоевщина начинается с малого.

После штурма «Норд-Оста» по одному из центральных каналов был показан репортаж; возле трупа террориста стояла початая бутылка коньяку. Не потому, что мусульманин-боевик перед смертью решил оскорбиться, а потому, что таков ритуал спецназа. Почти невинно и почти гуманно; пока что никакого беззакония, просто — презрение к трупу.

Затем было много чего: мертвый Масхадов в землянке, повешенный Тарик Азиз, журналист Хашогги, убитый в саудовском посольстве... Но самосудов как минимум не было, ни здесь ни там. Ни на Востоке ни на Западе, ни в России ни

в Европе. Никому не нравились игиловские* практики; никто не хотел вляпаться во что-нибудь подобное.

Но в конце концов вляпались.

Пропускаем промежуточные звенья; проматываем сразу в современность. Новый этап вседозволенности связан с той самой кувалдой Пригожина; да, ему пришлось потом оправдываться (типа, ребята пошутили, вы просто их не так поняли), но очередной шаг в заданном направлении был сделан.

* ИГИЛ (ИГ) — террористическая организация, запрещенная в РФ.

СВОИМ СУДОМ

Миллионы людей увидели, что можно и нужно убивать предателя, причем демонстративно, архаически, по правилам штрафбата. Да, это было после покушения на Литвиненко и Скрипаля, но там никто не демонстрировал кровавый опыт, просто в Лондоне яд начал действовать чуть медленнее, чем полагалось, а в Солсбери исполнители топорно сработали. А здесь — уничтожали и снимали, чтобы показать в YouTube, как поступят с каждым, кто не с нами.

Отменяются последние табу. И никто не будет защищен законом. Наступает беспредельная эпоха.

Те миллионы наших современников, которые смотрели ролик про кувалду (а потом сочувственно разглядывали фотографию Миронова с нею), не отшатнулись; им понравилось; поэтому и роковое наступление пригожинских вызвало волну энтузиазма. Как многим нравится недавняя история с полуотрезанным ухом и показной, на камеру, сценой с поеданием собственной плоти. И безнаказанными пытками захваченных; одного из них ввозили в зал суда в бессознательном состоянии, и это принято аудиторией как должное. Все всё понимают, никто не наказан, значит — можно. А попытки говорить о недопустимости самочиния упираются в железный довод: «Вам что же, убийца жалко, а убитых ими — нет? Зачем вступаться за права негодяев?»

И бесполезно объяснять: речь не о жалости, речь о законности. Да, террор навсегда вне закона — но и практики ответного насилия тоже. Либо они институциональны, либо беспредельны. Иначе срываются пломбы, низовое зло легитимизируется... «И хаос опять выползает на свет, / Как во времена ископаемых». Начинается бутылкой возле трупа, продолжается публичным избиванием врага Корана, после этого можно резать уши неверным и верным, перейти к бессудным казням. А потом остановиться невозможно. И на выходе мы получаем то, за что сражаются любые террористы: крах государственности. Там, где право регулировать порядок отдано толпе, а решение, кто прав, кто виноват, принимает либо улица, либо отвязавшийся майор, государству делать нечего.

Победила августиновская шайка. Что и показано другим писателем, Максимом Горьким; враг Российской империи, союзник большевиков, соратник Ленина, он в 1917 и 1918 годах увидел практику революционного самочиния — и отшатнулся. И книга «Несвоевременные мысли», и заметки о войне и революции едва ли не страшнее, чем Ростопчин и шпицрутены у Толстого. Разрушенные институты государства, насилие, передоверенное массам и объявленное нормой,

ведут к катастрофе. Расчеловечиванию. Распаду государственности и новому уровню зла.

«Стоит на берегу Фонтанки небольшая кучка обывателей и, глядя вдаль, на мост, запруженный черной толпой, рассуждает спокойно, равнодушно:

- Воров топят.
- Много поймали?
- Говорят — трех.
- Одного, молоденького, забили.
- До смерти?

— А то как же?

— Их обязательно надо до смерти бить, а то — житья не будет от них...

Солидный, седой человек, краснолицый и чем-то похожий на мясника, уверенно говорит:

— Теперь — суда нет, значит, должны мы сами себя судить...

Какой-то остроглазый, потертый человек спрашивает:

— А не очень ли просто это — если сами себя?

Седой отвечает лениво и не взглянув на него:

— Проще — лучше. Скорей, главное.

— Чу, воет!

Толпа замолчала, вслушиваясь.

Издали, с реки, доносится дикий, то-скликий крик».

Рухнувшее государство оставило вместо себя самосуд; самосуд формировал детей: Горький пишет об этом прямо; перспектива его ужасает. Он предвидит 1930-е годы, хотя ему и в страшном сне привидеться не может, что он и сам участвует в их становлении. Впрочем, фильм Михаэля Ханеке «Белая лента» привел бы его в окончательный трепет: в ответ на бытовое торжество насилия австрийские дети начинают мстить взрослым — по собственной воле и в соответствии с собственной ненавистью. И куда там отрезанию ушей, куда там утоплению воров, все куда бесчеловечней, беспощадней. А самое кошмарное, что легко посчитать, сколько этим детям будет в 1933, 1939, 1941 годах. И догадаться, кто осуществит антиутопию Освенцима.

Но, повторимся, Горький до этого не доживет, а до Соловков и Беломорканала — да. И его воспоминания о джинне, выпущенном из бутылки, далеко не единственные. В исследовании Елены Толстой находим важное предположение: знаменитая сцена в сказке «Золотой ключик», когда Карабас-Барабас бежит вокруг сосны, наматываясь на нее бородой, восходит к реальным сценам эпохи Гражданской войны. Куприн писал в статье «Русские коммунисты» (1920): «Что думал и чувствовал тот финн, который вспорол живот у священника, прибил его кишки гвоздями к дереву и заставил его ударами резиновой палки бегать вокруг, наматывая на ствол собственные внутренности?» Похожая история встречается у Бунина, а сам «красный граф» Алексей Толстой записал устный рассказ Всеволода Иванова. Он идет «пешком из Сибири в Петербург, по пути насчитывает свыше сорока тысяч трупов, видит, например, как одному человеку распарывают живот, кишку приколачивают

Петр САРУХАНОВ

Там, где право регулировать порядок отдано толпе, а решение, кто прав, кто виноват, принимает либо улица, либо отвязавшийся майор, государству делать нечего

к телеграфному столбу и этого человека заставляют бегать кругом столба».

Хорошо, допустим, что Куприн преувеличивал; он сам, своими глазами эпизод не видел. Бунин тоже питается слухами. Но Иванов был реальным свидетелем. Как минимум он этого не отрицал. И какой же, братья с сестрами, мы сделаем из сказанного вывод? Не хочешь перспектив Шоа, не принимай решения, кто виноват. Не желаешь гибели невинного? Не казни самочинно злодея. Не хо-

чешь самосуда? Не бери в руки кувалду. А желаешь появления кувалды, не ставь открытую бутылку с коньяком у трупа. Не вступай на лестницу, ведущую в подвальное сознание.

Александр
Архангельский

ЧТО НА ГОРИЗОНТЕ

Лицен- зирова- ние скреп

ВСЛЕД ЗА ОБЪЯВЛЕНИЕМ ПИСАТЕЛЕЙ «ИНОАГЕНТАМИ» И «ТЕРРОРИСТАМИ» ГОСУДАРСТВО ОЗАБОТИЛОСЬ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЕМ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

К ЧЕМУ ЭТО ПРИВЕДЕТ В НЕДАЛЕКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ?

*Книжное поле в последнее время стало настоящим полем сражения. Власть бьется на нем с любыми проявлениями независимых талантов, изводит писателей преследованиями и раздачей уголовных дел. От сражений с литераторами она перешла к борьбе с целыми институциями. Под ее напором разрушаются библиотеки, книжные магазины, теперь добрались и до издательств. Их предполагаемое лицензирование только на первый взгляд кажется занятием сугубо техническим. На самом деле за этим стоят кардинальные перемены по всему культурному фронту. Какие из них наиболее опасны — рассказывает признанный эксперт книгоиздательского дела, кандидат философских наук, технический директор издательства Freedom Letters **Владимир ХАРИТОНОВ**.*

Как мудро заметила главный русский литературный критик Галина Юзефович, «власть книг не читает». Склонен согласиться — к началу 2000-х годов власть и правда книгами интересоваться во всех смыслах, кроме денег, по преимуществу перестала. Книжный бизнес — просто бизнес. К тому же почти незаметный — на фоне многих прочих. Ну что такое миллиард долларов в российской экономике? Доля промилле. Не нефть, не газ, не никель, не зерно, не удобрения, практически ноль валюты, даже наоборот.

Отмена в 2001 году обязательного лицензирования издательской деятельности была воспринята издателями как фиксация очевидного положения дел, связанного не столько со свободой слова (ее тогда вроде бы с лихвой хватало, и было понятно, что касается она не только СМИ, но и публикации книг), сколько с деловым оборотом: механизм лицензирования государство просто не использовало. За ненужностью. Ни у каких издательств не отнимали лицензий.

В том числе и потому, что ничего специфически «книжного» или «издательского» они нарушить не могли: закона об издательской деятельности в России не было. Да и зачем? Хватало законодательства, которое в числе прочего регулировало и издательскую деятельность. В первую очередь — закон об авторском праве, который в середине нулевых стал частью Гражданского кодекса РФ. Так и жила издательская индустрия — без особой помощи со стороны государства,

но зато и без особого присмотра. «Власть книгами не интересуется». Ну и славно.

Какой путь прошла российская индустрия в XXI веке? Пик производства был пройден в 2008–2009 годах, во время нефтяного кризиса. Тогда российские издатели печатали примерно 125 тыс. разных книг тиражом 738 млн экз. Средний тираж составлял почти 6 тыс. экз. В 2023 году в России вышло 96 тыс. книг тиражом 335 млн экз., меньше, чем 80 лет

Повальная компьютеризация, широкополосный доступ помогли вырасти нише электронных и аудиокниг, которая теперь составляет около 10–15% российского книжного рынка

назад в СССР. И средний тираж — менее 3,5 тыс. экз. Изменилась и структура тиражей. На пике производства в 2008 году 11% названий книг в общем ассортименте вышли тиражом более 10 тыс. экз. В прошлом году таких тиражей осталось всего 4%. Зато значительно вырос выпуск мелких тиражей — менее полутысячи экземпляров.

Шестнадцать лет назад такие книги занимали всего треть, в прошлом году —

уже половину общего издательского портфеля. За это время книжная индустрия серьезно сократилась и в целом стала мелкотиражной, а значит, и менее доходной. Главная причина этого — естественное сокращение места книги в жизни современного человека, у которого — спасибо интернету, приведшему с собой социальные сети и онлайн-видео развлечения — появилось больше удобных способов потратить свое свободное время. С другой стороны, повальная компьютеризация, широкополосный доступ и постепенно формирующаяся привычка платить за онлайн-контент помогли вырасти нише электронных и аудиокниг, которая теперь составляет около 10–15% российского книжного рынка.

На фоне сокращения доли бестселлеров, которые в более или менее нормальной издательской экономике обеспечивают основной доход, возобновление тиражей и поддержание остального, не столько доходного ассортимента, в российской индустрии произошла олигополизация двух самых доходных частей рынка.

Рынок учебников, главным покупателем которых и так было государство, в результате и де-факто перестал быть рынком: на нем осталось, в сущности, только издательство «Просвещение», несколько лет назад перешедшее — после приватизации и непродолжительного олигархического контроля (для установления большей управляемости, видимо) — под контроль госкорпораций.

Только на него приходится примерно треть всех тиражей книг, печатающихся в России, и около 15% рынка в рублях. Доходность учебников, может быть, не самая высокая, зато поток денег регулярный и гарантированный.

Переход рынка учебников под полный контроль государства проходил не без приключений: учебники, приобретение которых для школ государство (пока, во всяком случае) не может не финансировать, слишком аппетитный кусок. У частного бизнеса, пытавшегося воспрепятствовать практически полному его оттеснению от учебников, впрочем, ничего и не могло получиться. Ликвидация рынка учебников сопровождалась установлением государственной идеологической монополии: действительно, зачем бизнес и конкуренция в сфере, где никакой конкуренции быть уже не может? Если книгоиздание лицензирования не требует, то рекомендации Министерства просвещения для выпуска этих учебников просто необходимы.

Ниша массовой — художественной и научно-популярной литературы — не такая аппетитная, как ниша учебников, но сравнимая с нею по тиражам. В этой нише неизбежна конкуренция хотя бы между авторами, и она более чувствительна к сокращению количества бестселлеров. И за последние десять лет практически целиком (по крайней мере, на 75–80%) эта ниша оказалась под контролем одного владельца — Олега Новикова. Он сумел, очевидно, не без согласия государства, купить издательства, которые еще пятнадцать лет назад были конкурентами его издательства «Эксмо». Сейчас в его книжной империи не только «Эксмо-АСТ», «Азбука-Аттикус», «Манн, Иванов и Фербер» и еще несколько издательств помельче, но и единственная в России сеть книжных магазинов федерального масштаба («Читай-город»). А также несколько крупнейших в стране типографий — они присоединились к книжной империи Новикова в 2021 году, как раз по завершении пандемии и перед началом *** (СВО).

Нишевая монополия «Эксмо» приводит не только к снижению качества изданий (результат предсказуемый), но в специфических российских условиях это фактор высокого политического риска, поскольку дает в руки государства новый и более удобный инструмент для идеологического контроля, чем построенная за два десятилетия цензура. Постойте, скажете вы, цензура же

Лицензирова- ние скреп

запрещена? Конечно! Однако в России ведь не только военные операции гибридные, но и построенный властью цензурный механизм.

С начала века власть не интересовалась книгами, но все больше и больше интересовалась своим существованием, а значит, все более изощренными и последовательными преследованиями за малейшие покушения на ее авторитет. В том числе (и не в последнюю очередь) в сфере свободы слова. Строительство механизма цензурных ограничений никогда не оформлялось как введение цензуры, но как запрет чего-то, что фактически к ней приводило. Государство не запрещало себя критиковать, но запретило «оскорблять» представителей власти. Государство не запрещало ругать полицию, но запретило возбуждать «ненависть к социальной группе». Государство не запрещало заниматься историей Второй мировой войны, но запретило «сравнивать» Третий рейх и Советский Союз. Государство не запретило обсуждать наркополитику, но запретило «рекламу наркотиков».

Легализм, которым власть долгие годы прикрывала свои последовательные шаги по строительству авторитаризма, не позволял вводить цензуру напрямую. Впрочем, сомневаюсь, что она была

Олег Новиков

способна ее завести: у российской бюрократии плохо получается строить институты — слишком она ленива. Но поскольку возрастающий авторитаризм власти требует все большего подчинения, молчания и подобострастия, то бюрократия, как обычно, включила привычный режим кампанейщины, демонстративных мероприятий против чего-нибудь, за которые можно отчитаться. Вся система власти предпочитает работать не столько через какие-то специальные институты, но путем изготовления набора все более репрессивных инструментов («пакетов Яровой»), которыми удобно пользоваться при необходимости. И с разной степенью

жестокости к разным участникам регулируемого ею общественного пространства. Начали с продавцов и издателей (разнообразные запреты распространения), а потом пришли в библиотеки и к авторам. Хватит у власти времени — дойдут и до читателей.

Набор запретительных законов, правоохранительные органы с планом по раскрытию преступлений и абсолютно послушный суд — удобный механизм для контроля многочисленных участников рынка. Все это держит их в тонусе и в конечном счете заставляет практиковать самоцензуру. Цензурный комитет, или, как это называлось в советские времена, комитет по защите государственных тайн, в печати не нужны: рано или поздно все всё понимают и стараются не печатать то, чего государство не хочет. Цензура запрещена конституцией, но она и не нужна, если есть эффективно работающий механизм, питающий самоцензуру.

Проблема, однако, в том, что нынешнему российскому государству мало что-то запрещать. Ему нужно, чтобы общество говорило (желательно — и думало) то, что государству нужно. Артистам эстрады не просто нельзя «заходить не в ту дверь», им нужно извиниться и под-

без нюансов — писатель книгу напишет, издатель опубликует, тираж расползется по книжным магазинам и библиотекам — не уследишь. Со всеми писателями и издателями так не управиться, да и хочется ведь не только «неправильные» книги запрещать, но и как-то сделать так, чтобы публиковали «правильные» книги. А для этой задачи запретительные законы бесполезны, и государственно-ориентированная общественность не поможет.

Что же делать? Способа, собственно, два. Первый, судя по всему, уже обсуждается в Госдуме — дополнить Федеральный закон № 99-ФЗ от 4 мая 2011 г. «О лицензировании отдельных видов деятельности» книгоиздательской деятельностью, посадив издателей на короткий поводок лицензирования, обреченный в 2001 году. Лицензирование позволит управлять издателями максимально вольготно — как СМИ или интернет-провайдерами, вводя дополнительные, сколь угодно объемные или дурацкие требования. Ну, например, сократить долю переводов на русском языке до 1%. Или потребовать от издателей, которые укажут в своих уставных документах издание художественной литературы, обязательно публиковать книги, напи-

новения ни к связи, ни к коммуникациям не имеют, однако отчитывается перед правительством о происходящем в книжной отрасли именно Министерство цифрового развития. А во-вторых, для более плотного управления лицензированием потребуется отдельный управляющий орган, хотя бы и в ведении Министерства культуры.

Помимо лицензирования, есть и другой способ государственного решения проблемы идеологического управления отраслью. Опробованный, кстати, на школьных учебниках: передать под контроль госкорпораций империю Новикова. И название можно вернуть — в духе ностальгии по великому прошлому — Госиздат. Олег Евгеньевич, конечно, будет возражать. Но государство последнее время способно быть чрезвычайно убедительным. Судя по тому, как разворачивается передел активов в других отраслях (см. хотя бы историю с «Макфой»), это не будет слишком удивительным.

Вы скажете, что такой сценарий противоречит здравому смыслу? Но что из того, что творит российское государство последнее время, ему не противоречит? В конце концов, всем ведь будет удобно: Новиков выйдет из бизнеса, может быть, даже получит какую-то компенсацию в благодарность за создание хорошо налаженного издательского производства, а государство через Госиздат получит контроль за — три-в-одном — подготовкой, печатью и распространением подавляющей части всех выпускаемых в России книг. Останется только назначить правильного человека, мало-мальски смыслящего в книгах (Мединский или Ямпольская, например), — и проблема закрыта, а государственной идеологии обеспечена дополнительная платформа, этакий «Первый канал для сильно умных».

А для всех остальных издательств можно ввести и лицензирование. Те из издателей, которые правильно поймут новые правила игры, получат доступ к «Читай-городу» и им даже разрешат проводить свои книжные ярмарки. Иногда. Так что читатели без книг не останутся, если, конечно, сами книги или быть читателями власть не запретит. Дистанцию от легализма до аномии (от франц. *anomie* — беззаконие, безнормность) российское государство проходит ударными темпами.

«**Нынешнее государство до сих пор книг не читает, но уже считает необходимым запрещать неправильные книги неправильных писателей**»

держат Донбасс. Телевидение давно под государственным контролем. Интернет не то чтобы под контролем, но, во всяком случае, под ежедневным присмотром Роскомнадзора.

С книгами, впрочем, всегда сложнее. Чтобы проконтролировать, их как минимум надо прочитать, чем, собственно, и занимались цензоры в царские и советские времена. А нынешнее государство до сих пор книг не читает, но уже считает необходимым запрещать неправильные книги неправильных писателей. Это вроде бы не очень сложно, тем более ему в этом помогают пранкеры и прочие доносчики-доброхоты. Но и тут не

санные «ветеранами СВО». Да, в общем, все что угодно можно будет потребовать: под угрозой лишения лицензии издатели будут вынуждены следовать требованиям любой степени абсурдности. Правда, такой вариант повышения контроля — от возделывания самоцензуры до творчества с учетом идеологических установок — не слишком удобен. Во-первых, государству придется разрулить старую проблему ведомственного «подчинения» книжной отрасли, в свое время по счастливому недоразумению доставшейся не Министерству культуры, а Министерству связи и массовых коммуникаций. Вроде бы всем понятно, что книги особого от-

Мешает жить Париж

ИГРЫ 33-Й ЛЕТНЕЙ ОЛИМПИАДЫ
РОССИЙСКОЙ ПРОПАГАНДОЙ
ЗАРАНЕЕ ОБЪЯВЛЕНЫ ПРОВАЛЬНЫМИ.
В ПАРИЖЕ «ВСЕ ПЛОХО», НО ЕХАТЬ
ТУДА ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ

*Владимир
Мозговой*

Где родился новый олимпизм

Париж, наверное, не самая спортивная из европейских столиц, но нынешним летом он должен стать вторым на планете городом, трижды принимавшим главное спортивное событие современности — летние Олимпийские игры. Пока Париж уступает Лондону, но это ненадолго. Правда, принимать Игры столице Франции придется в очень специфической геополитической ситуации большого европейского раскола, связанного, прежде всего, с тем, что третий год продолжается широкоштабный военный конфликт России с Украиной.

Но деваться некуда, если Париж этого так или иначе добивался и несколько лет готовился — надо проводить Олимпиаду, которая хотя бы на пару недель с небольшим может объединить большую часть человечества с телеаудиторией в четыре миллиарда человек.

Париж последний раз принимал Игры ровно сто лет назад, а впервые — в далеком 1900 году. Оба раза соревнования доставались ему не без деятельного участия в процессе выбора города отца современного олимпизма и уроженца Парижа Пьера де Кубертена. Греции как колыбели Олимпийских игр времен античности в 1896-м было доверено провести первые современные Игры, от хозяев поступило предложение постоянным местом проведения Олимпиад оставить Афины, но это противоречило одному из ключевых положений нового олимпизма о всемирном охвате. По сути, с Парижа как самого притягательного во всех отношениях мирового культурного центра по-настоящему этот «охват» и начался.

Игры рубежа столетий были не совсем обычными даже с учетом новизны проекта французского барона-энтузиаста Пьера де Кубертена. С 14 мая по 28 октября на целых пять месяцев они фактически стали частью развлекательной программы Всемирной выставки. Эта «ярмарочная» привязка обеспечила второй по счету Олимпиаде солидную по меркам того времени болельщицкую аудиторию, да и участников было немало — почти тысяча человек из 24 стран, но протяженность соревнований по времени с большими пере-

рывами концентрации внимания именно на Олимпийских играх не способствовала. Проводившиеся на различных приспособленных площадках соревнования, от садов дворца Тюильри до гоночного клуба в Булонском лесу, от стадиона «Парк де Пренс» до акватории Сены, облик центра Парижа ничуть не изменили — впрочем, лицо одного из самых привлекательных городов мира кардинально не изменило и следующее столетие.

На Олимпиаде-1900 было разыграно 95 комплектов медалей по 20 видам спорта. Самый большой урожай достался хозяевам — сборная Франции в 1900-м единственный раз в истории выиграла неофициальный медальный зачет, на который тогда еще не обращали внимания — первые командные подсчеты начнутся с Лондона-1908. А Игры-1900 запомнятся еще тем, что в них впервые приняли участие 22 женщины — шесть состязались в теннисе, 16 в гольфе. Церемонии открытия и закрытия не проводились, некоторые соревнования внесли в олимпийскую программу уже задним числом, так как они были частью официальных мероприятий Всемирной выставки. Такие состязания, как гонки на воздушных шарах или боулинг на траве, остались вне олимпийского зачета.

Но и без этого экзотики хватало — соревнования по баскской пелоте или крикету больше в официальную программу Игр не входили, равно как и перетягивание каната, в котором участвовали всего две команды. Игры-1900 изобиловали разного рода анекдотичными случаями вроде поисков застревавшего в кронах деревьев и в кустах молота в соревнованиях метателей, но в целом Париж свою не слишком удавшуюся, но первопрородческую роль выполнил. И город не оставил мысли принять еще одну Олимпиаду.

Случилось это спустя 24 года, ровно тогда, когда исполнялось 39 лет современному олимпийскому движению — Международный олимпийский комитет был образован именно в Париже. Решение в пользу Парижа (а на проведение Игр претендовали еще и Амстердам, Барселона, Лос-Анджелес, Прага и Рим) было принято в честь приближающейся даты и как дань признания личных заслуг Пьера де Кубертена. Париж стал первым городом, которому доверили провести Олимпийские игры во второй раз. Подготовка шла тяжело и со скрипом, однако главные объекты все же были готовы, в том числе стадион «Коломб», ставший главной ареной Игр.

Больше трех тысяч спортсменов из 44 стран, 17 видов спорта, 14 олимпийских и восемь мировых рекордов — все это уже начинало походить на упорядоченный вариант большого спортивного форума.

Впервые игры посетило такое количество зрителей — 625 821 человек принесли 5,5 миллиона франков дохода.

В Париже-1924 впервые был явлен миру лозунг «Быстрее, выше, сильнее», главными героями стали финский стайер Пааво Нурми с пятью золотыми наградами, французский фехтовальщик Роже Дюкре тоже с пятью наградами разного достоинства, а также ставший трехкратным чемпионом американский пловец, позже прославившийся ролью Тарзана, — Джонни Вайсмюллер. Самой большой сенсацией Игр-1924, пожалуй, стало золото никому не известной сборной Уругвая в футбольном турнире. Победный путь посланцев небольшой южноамериканской страны начался с того, что перед стартовым матчем организаторы вывесили флаг Уругвая вверх ногами, а вместо гимна проиграли бразильскую самбу. Уругвайцы отреагировали адекватно, забив сборной Югославии семь безответных голов, а завершили турнир в финале также сухой победой над Швейцарией.

Пьер де Кубертен, в последний раз принимавший участие в организации Игр, мог быть доволен — после 1924-го город можно было с полным правом называть столицей мирового спорта. Он таковой во многом и остается — Париж проводил два финала чемпионатов мира по футболу, три финала европейских футбольных чемпионатов, принимал несколько чемпионатов мира по различным видам спорта, Открытый чемпионат Франции на знаменитых кортах комплекса «Ролан Гаррос» — один из самых популярных турниров Большого шлема по теннису, дважды в Париже собирались лучшие силы мирового хоккея, и я могу свидетельствовать, что знаменитый зал «Берси» в мае 2017 года не пустовал. В «Берси», кстати, мужская российская теннисная сборная героически брала Кубок Дэвиса в финале против хозяев. Ну и как забыть про историческую победу футбольной сборной СССР в первом розыгрыше Кубка Европы в 1960-м?

Однако же Олимпиады ровно сто лет обходили Париж стороной. Не то чтобы французская столица без них плохо себя чувствовала, но как-то все не складывалось. С лозунгами «Мы хотим Олимпиаду!» никто на митинги не выходил, скорее можно было ожидать антиолимпийских лозунгов — столице Франции традиционно присущ дух противоречия, ей порой все равно, против чего или против кого выступать, лишь бы не застаиваться.

За этим дело не стало.

Мешает жить Париж

«Во Франции неважные дела»

Изначально на проведение Игр 33-й Олимпиады претендовали Будапешт, Гамбург, Рим, Париж и Бостон, но последний достаточно быстро снял свою заявку в пользу Лос-Анджелеса. К концу заявочного процесса в силу различных причин, прежде всего финансовых, Будапешт, Гамбург и Рим сняли свои заявки. В июле 2017-го исполком МОК предложил провести голосование сразу по двум Олимпиадам, претендентам оставалось определиться, кто проведет Игры 2024 года, а кто 2028-го. За Париж была красивая столетняя дата, и «Город ангелов» уступил, вся конкуренция в итоге ограничилась именно этой договоренностью — времена, когда борьба за олимпийский праздник действительно была нешуточной, остались в прошлом. Все давно поняли, что Олимпиада — это большая головная боль и нагрузка на город и страну, о финансовой выгоде речь давно не идет, проблемы можно решать и без привязки к Играм, а туристов в Париже и без того хватает. Возможно, дело дойдет до того, что будущих хозяев Игр придется уговаривать их принять, но пока это еще остается делом добровольным.

13 сентября 2017 года 131-я сессия МОК в столице Перу Лиме единогласно утвердила Париж столицей Игр-2024. Обошлось без большого ликования, потому что далеко не все парижане были рады свалившемуся на них счастью, а фон тоже оптимизма не добавлял — мир входил в эпоху большой турбулентности, которая имела тенденцию к усилению. Но тогда мало кто предполагал, насколько это все проявится к 2024 году.

Город с самого начала и при полном одобрении МОК объявил о режиме жесткой экономии с минимумом расходов, но даже этот минимум вызвал ожесточенные споры во французском обществе — за каждый лишний евро оргкомитету пришлось биться. И это притом, что первоначальная идея провести самые эколо-

AFP

гичные игры, в основном на имеющейся инфраструктуре, реализуется неукоснительно. Никакого гигантизма, никаких экстраординарных архитектурных проектов, никаких попыток каким-то образом преодолеть разбросанность спортивных объектов, что вызывало нарекания еще сто лет назад.

Это будет единственная Олимпиада в новейшей истории, в ходе которой будут задействованы объекты, относящиеся к концу XIX (!) века, — такие как стадион «Парк де Пренс», который изначально строился как велодром и эксплуатируется с 1897 года (именно на «Парк де Пренс» сборная Советского Союза в 1960-м выиграла Кубок Европы в противостоянии со сборной Югославии), или Большой дворец, построенный для Всемирной выставки-1900. Естественно, вся раритетная инфраструктура как-то реконструировалась, но кардинально что-то перестраивать в планы оргкомитета не входило. С нуля оказались возведены два объекта — Центр водных видов спорта в Сен-Дени и Центр спортивного скалолазания

в Ле-Бурже. Все остальное, включая главную арену Игр «Стад де Франс», построенную к чемпионату мира по футболу-998, — существующие объекты, а восемь из 34 — временные сооружения, вписанные в знаковые места вроде площади Согласия, моста Александра Третьего, Трокадеро, Марсова поля, парка Дворца инвалидов, садов Версальского дворца.

В любом случае одному Парижу с пригородами Игры не потянуть, поэтому соревнования по парусному спорту пройдут в Марселе, серфинг примет Французская Полинезия (а это, на секунду, в 15 тысячах километров от столицы), футбольный турнир на групповой стадии и частично кубковой стадии пройдет на стадионах Марселя, Лиона, Бордо, Ниццы, Нанта и Сент-Этьена.

Затраты в общем и целом должны уложиться почти в девять миллиардов евро, доля государственных расходов — от четырех до пяти миллиардов, тенденция к увеличению расходов — вещь неизбежная даже с учетом французской «прижимистости». В общем, все идет,

как и должно идти, не слишком отличаться от стандартов последнего времени — перенесенная летняя Олимпиада-2020 в Токио, по некоторым оценкам, обошлась в 28 миллиардов долларов, а наша, в разы меньшая по масштабам зимняя Олимпиада в Сочи, — почти в 22 миллиарда, про цифру превышения первоначальных расходов лучше не вспоминать.

Свыше 10 тысяч спортсменов из 206 стран, 32 вида спорта, 878 соревнований по 54 дисциплинам, 40 соревновательных площадок — все это, конечно, масштабы, несопоставимые с размахом столетней давности, и как вся эта махина впишется в существующую инфраструктуру и вместит несколько миллионов болельщиков — это, конечно, вопрос. Впрочем, во многом те же самые вопросы во весь рост вставали и перед Лондоном-2012, но могу заверить — с точки зрения организации те Игры прошли блестяще.

Сами французы, в том числе ответственные лица, озабоченности не скрывают, о проблемах говорят прямо и много, что непривычно для российского тренда — наше большое и малое начальство считает, что признаваться в наличии проблемы уже означает проявлять слабость. Поэтому слова мэра Парижа Анн Идальго о том, что транспортная система города не готова к наплыву туристов, воспринимаются как минимум с саркастической ухмылкой. Это они «за каждый евро дро-

Один из социологических опросов выдал цифру в 50 процентов французов, которые уже недовольны предстоящими Играми, но для свободного мира это не катастрофично.

До февраля 2022 года российская пропаганда ограничивалась в общем-то стандартной констатацией происходящего с олимпийской подготовкой. Допинговый скандал в основном сошел на нет, до полной реабилитации российского спорта оставалось всего ничего, пандемия схлынула, можно было начинать оценивать медальные перспективы, но тут грянул конец февраля, после чего Россия получила такой бан, что допинговые санкции могли показаться детским наказанием. Соответственно уменьшению возможностей каким-то образом попасть в Париж менялась и риторика — интонационно она поразительным образом стала напоминать советские агитки времен пред-олимпийского Лос-Анджелеса-1984, когда советская страна должна была проникнуться чувством благородного негодования в отношении предстоящих Игр. То, что это «ответка» за бойкот московской Олимпиады Западом, понимали все, но надо было как-то обосновать ответные действия и внушить народу, что отправляться в США никак нельзя, в том числе из соображений безопасности. Старые методички пригодились и сейчас: ирония уступала место злорадству, любая пробле-

опасная для жизни река из-за ее химического состава. Не хватает водителей и полицейских, улицы заполонили бездомные, фермеры сваливают отходы к госучреждениям, громят магазины и перекрывают автомобильные трассы, большинство спортивных объектов не готово, отели и транспорт подорожают в несколько раз, есть реальная угроза забастовок, не исключены теракты, проблемы растут как снежный ком... Короче, Олимпиада может превратиться в настоящий кошмар как для жителей города, так и для приезжих.

Апогея негативный вал достигнет летом, и это независимо от того, сколько россиян окажется среди участников «кошмара». Но уже сейчас в фокусе главные мишени — президент Франции Эммануэль Макрон и мэр Парижа Анн Идальго. Над Макроном вдоволь поиздевались, когда он открывал Центр водных видов спорта — в прямом эфире показательный прыжок одного из сильнейших французских спортсменов Алексиса Жандара, как нарочно, обернулся нелепым падением с вышки, что было тут же признано символом провала всего олимпийского проекта. Анн Идальго после произнесенной в Киеве неосторожной реплики о том, что россиянам и белорусам не будут рады в олимпийском Париже, стала чуть ли не врагом номер один, прозвучало даже требование срочно перенести Игры в другое место, где не будут звучать дискриминационные речи и будут рады всем гостям, как и завещал Пьер де Кубертен и в чем убеждает Олимпийская хартия.

Согласно антипарижской риторике, раз так все плохо, ноги нашей там не должно быть. Но еще сильнее спортивно-чиновничье сообщество возмущается тем, что нас в Париж не пускают. Или пускают, но далеко не всех.

Как сказал один большой начальник, «консолидированного мнения по вопросу, ехать или не ехать в Париж, нет». И это, наверное, один из немногих острых, общественно важных и злободневных вопросов, который допускает публичное обсуждение. На остальное есть единственно правильное мнение государства, а несогласным лучше не соглашаться молча — из-за риска попасть в список нежелательных элементов.

« Консолидированного мнения по вопросу, ехать или не ехать в Париж, нет. И это, наверное, один из немногих острых, общественно важных и злободневных вопросов, который допускает публичное обсуждение

жат», а наша натура широкая, мы денег на свою Олимпиаду не считали, да и ни на что другое не считаем. Бравата такого рода по меньшей мере неуместна (а чем тут гордиться?), и понятно, что это другая крайность, чрезвычайно характерная для стран, где за всех думает и решает государство. А когда думают и решают еще и граждане, особенно руками не поразмываешь, к общему знаменателю придти сложнее, что можно наблюдать и по ситуации с предстоящей Олимпиадой.

ма раздувалась до невероятных размеров, Париж-2024 представал городом, в котором и жить-то невозможно, не то что гостей принимать.

В описаниях реальных трудностей, которые сами французы не скрывают, главной стала интонация грядущего апокалипсиса. Париж заполонили крысы, нападающие на людей, жителей чуть ли не заживо съедают постельные клопы, Сена, на которой собираются проводить олимпийский марафонский заплыв, —

Мешает жить Париж

Игра радости с отчаяньем

После официального документа МОК, вроде как ставящего точку в самом болезненном вопросе последнего времени о критериях допуска россиян и белорусов к летним Играм этого года, должна была наконец проясниться и позиция главных российских спортивных организаций. Но ничего этого не произошло, да и не могло произойти. По-прежнему все ждали, какое будет указание с самого верха. А с самого верха еще в середине декабря заявили, что и временно отстраненный Олимпийский комитет России, и Минспорта РФ должны принять взвешенное решение в зависимости от условий, предписанных Международным олимпийским комитетом. Пожелание «решайте сами» стандартного чиновника, который самостоятельно и чихнуть боится, вгоняет в затылочный ступор, что в данном случае и произошло.

Условия были давно известны, они с декабря не изменились и не могли кардинально измениться, что не раз подтверждал президент МОК Томас Бах. Они стали, как бы это помягче сказать, просто подарком для российских «ястребов», каждый день подтверждающих готовность послать «продажный, никчемный и русофобский» МОК куда подальше. Официальный представитель МИД РФ Мария Захарова к многочисленным эпитетам, характеризующим действия главной международной спортивной организации в отношении российского спорта, добавила «расистские» и «неонацистские», что по логике переводит сотрудничество с подобного рода организациями в практически уголовную плоскость.

Поистине гамлетовский вопрос «быть или не быть россиянам на Олимпиаде» на официальном уровне два с лишним года обсуждается по типу детской игры «да» и «нет» не говорить, черного и белого не называть». Это касается обеих сторон — и Международного олимпийского комитета, и Олимпийского комитета России вместе с Минспорта. МОК оказался заложником двух взаимоисключающих позиций: Россия хотела ехать на Игры на равных с остальными командами условиях без каких-либо

ограничений, Украина и отдельные поддерживающие ее страны считали, что россиян в Париже не должно быть вовсе.

Наверное, честнее и проще для всех было бы оставить на ведущей в Париж для россиян дороге «кирпич», но МОК не мог поступиться олимпийскими принципами равноправия, тем более что о них одним из первых напомнил Национальный олимпийский комитет США: россиян и белорусов нельзя лишать права на участие только из-за того, что они представляют Россию и Беларусь. Соответственно, от Томаса Баха и его организации требовалось выработать такие критерии, по которым можно приоткрыть парижскую трассу для россиян, одновременно по возможности избежав демарша с украинской и проукраинской стороне. Это была вполне утопическая затея, обреченная если не на полный провал, но на что-то близкое к этому.

Условия, которые выработывались МОК чуть ли не год, ожидаемо оказались драконовскими и не устроили обе стороны. Нейтральный олимпийский статус в новом варианте требовал от россиян отсутствия даже формальной принадлежности к армейским и силовым структурам, исключал из списка участников лиц, замеченных в поддержке СВО, и в обязательном порядке предполагал полную дистанцированность кандидатов от государства. Первые два пункта отсекали минимум две трети потенциальных медалистов, третий пункт касался всех — на уровне сборной России «не государственных» спортсменов быть не могло. Украинская сторона сочла критерии уступкой России и требовала большей жесткости. Томас Бах констатировал, что недовольство обеих сторон свидетельствует о том, что исходя из обстоятельств все было сделано правильно и «если одна сторона будет удовлетворена, а другая наоборот — у нас будут настоящие проблемы».

Глава МОК считает, что сделал все от него зависящее — во-первых, сохранил лицо организации, во-вторых, оставил какие-то шансы для россиян, и в-третьих, почти исключил возможность демарша с противоположной стороны. Целостность олимпийского движения опять же формально и с потерями, но оказалась сохранена.

Проблема при этом никуда не делась, ее лишь слегка пригасили.

Требования иначе как «дискриминационными» и «унизительными» в России не называют, и это еще самые мягкие определения. Российский спорт оказался перед непростым выбором, и тема «ехать или не ехать» стала главной на всех площадках, где так или иначе обсуждались спортивные проблемы. Каждая неделя подкидывала дров в огонь дискуссии, консолидированного решения ожидать не приходилось, к нему даже не было попыток приблизиться. Спортсмены как самая пострадавшая сторона в основном отмалчивались — за исключением тех, кто уже потерял все шансы отправиться в Париж из-за отказа своей спортивной федерации либо из-за личных несоответствий критериям допуска.

Понятно, что доминирующим стало мнение «отказников», с разной степенью жесткости формулирующих свои убеждения: ехать в Париж, соглашаясь на унизительные условия, нельзя ни в коем случае. В первых рядах оказалась тяжелая артиллерия в лице президента временно отстраненного Олимпийского комитета России Станислава Позднякова, главы Всероссийской федерации художественной гимнастики Ирины Винер, олимпийской чемпионки и депутата Госдумы Светланы Журовой и ряда других авторитетных представителей российского спорта.

Иногда они словно соревновались между собой, комментируя ту или иную ситуацию. После того как самые независимые от государства теннисисты высказались, что поедут на Игры с удовольствием, залп из комментариев последовал мощный. «Спортсмены в нейтральном статусе будут выступать за «команду бомжей» — без флага, гимна и болельщиков... Я не понимаю тех людей, те федерации, которые могут в унизительном положении ехать на Олимпиаду» (Ирина Винер). «Правильнее, с моей точки зрения, — «команда иноагентов». Теннисисты большую часть времени живут за рубежом, там же зарабатывают, утверждают при этом, что «играют за себя», осуждают политику своей страны и СВО» (Станислав Поздняков). «Законодательно под «иноагентов» они, конечно, не подхо-

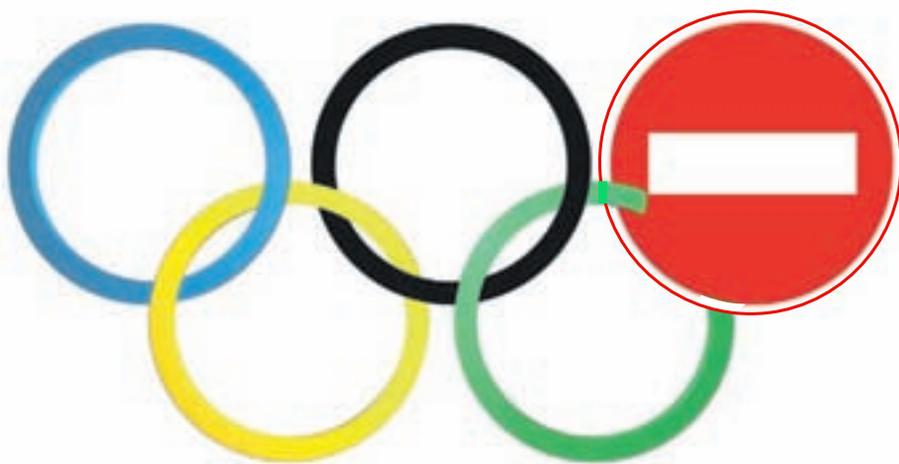
дят, но отчасти и подходят. Они вынуждены, по сути, получать финансирование от Запада... Их пытаются загнать в какие-то рамки, чтобы они, по большому счету, отказались от страны. Они в России уже давно не живут, какая у них может быть гражданская позиция?» (Светлана Журова).

вестным набором — не исключены дополнительные условия, которые могут ввести непосредственно хозяева Игр.

Неопределенность позиции в ходе одной из дискуссий лучше всего выразила реплика вице-премьера Дмитрия Чернышенко — «если будет возможность у спортсменов,

рассеются, а даже сгустятся, можно даже не сомневаться.

«Продолжается игра радости с отчаянием», как пелось в одной хорошей песне. В нашем случае — большая политическая игра. Спорта в ней, увы, немного.

С «иноагентами» получился перебор. Конечно, за теннисистов заступились, сверху риторику попросили слегка пригасить — глава Минспорта Олег Матыцин решительно заявил, что «недопустима обличительная риторика в адрес российских спортсменов, выступающих на международной арене». Пресс-секретарь президента России Дмитрий Песков подтвердил, что решение остается за каждым спортсменом и каждой федерацией. То есть власть транслировала, что будет уважать любое решение, но пыл самых ретивых это не охладило. Та же Ирина Винер заявила, что было бы правильно, чтобы все российские спортсмены отказались от участия в парижской Олимпиаде. Но тогда это будет походить на бойкот, а этого нельзя допустить из-за риска получить запрет, по сути, на два олимпийских срока — такое решение было принято МОК после двух подряд летних Игр — 1980 и 1984, в которых, соответственно, отказались участвовать страны Запада, а затем страны социалистического лагеря.

Начавшаяся зимой большая игра в «ехать — не ехать» предполагала самые разные варианты развития событий, кроме одного — официального тотального отказа участвовать в Играх. Или же он должен был быть обставлен таким образом, чтобы всю ответственность переложить на МОК: мол, Россия не препятствует участию своих спортсменов в Олимпиаде даже в десятикратно усеченном составе и нейтральном индивидуальном статусе, но условия отбора по «выдуманному» критерию МОК не дают этого сделать. И еще не факт, что запреты ограничатся уже из-

то, наверное, надо ехать». Юридических препятствий нет, отказываться от Родины не требуют, подписывать «какие-то гнусные бумажки» не надо, но условия все равно неприемлемые, и так по кругу.

Между тем список потенциальных российских участников, в котором первоначально было всего-то 35 реальных кандидатов, продолжает уменьшаться, грозя дойти до совсем уж мизерного количества. Тут уместно вспомнить, что в первой парижской Олимпиаде-1900 участвовали три представителя Российской империи — два конника и один стрелок, а на Игры-1924 Страну Советов не пустили.

Нынче отказываются как целые федерации (спортивная и художественная гимнастика, бокс, плавание, прыжки в воду, стрельба, фехтование, тяжелая атлетика, парусный спорт, академическая гребля), так и индивидуальные спортсмены, которые «унизительным мытарствам отбора» и журавлю в небе предпочли синицу в руках в виде Игр дружбы с их беспрецедентным призовым фондом. Мечта мечтой, а намеки вроде «им еще надо подумать, как жить после всего в нашем обществе», большинством атлетов поняты правильно: в Париж очень хочется, но это себе дороже.

В самом начале кампании было высказано предположение, что из россиян в Париже мы увидим только нескольких теннисистов, и этот пессимистический прогноз вполне может сбыться. Но и теннисисты могут не поехать — все будет зависеть от того, насколько сильными окажутся грозные разряды. А в том, что тучи на политическом небосклоне к концу июля не

Открытые для всех

Парижу до российского внутреннего раскола дела нет — у него своих забот хватает. Ему надо провести Олимпиаду в условиях, не сильно способствующих главному празднику спорта четырехлетия. Надеюсь, у него получится, если удастся избежать угроз и свести к минимуму проблемы, естественные и искусственные.

В России Игры-2024 заранее объявили ущербными, и не в последнюю очередь из-за того, что «у властей не хватает сил бороться с новым протестным безумием». Зато у нас этих сил с избытком, можем поделиться опытом, как обеспечить сплочение и единение, как плакаты сделать одинаково правильными, а воду в Сене — дистиллированной и пригодной для любого марафона, пусть и олимпийского. Только никто с такой просьбой к нам не обратится.

Вот одна из характерных цитат, не важно, кому конкретно принадлежащая: «Зачем участвовать в политическом фарсе, который пытаются подать под видом «спортивного праздника»? Ведь давно уже ясно, что без топовых россиян Игры не имеют никакого смысла».

Для России (и то не для всей) — может быть, и не имеют. А для всего мира Олимпийские игры еще имеют, и будут иметь значение до тех пор, пока люди хотят в них участвовать. Мы ведь тоже — хотели, да вот что-то не склалось. Если праздник не с нами, то это не значит, что его нет. Даже если главный лозунг 33-й Олимпиады — «Игры, открытые для всех» — звучит не очень убедительно.

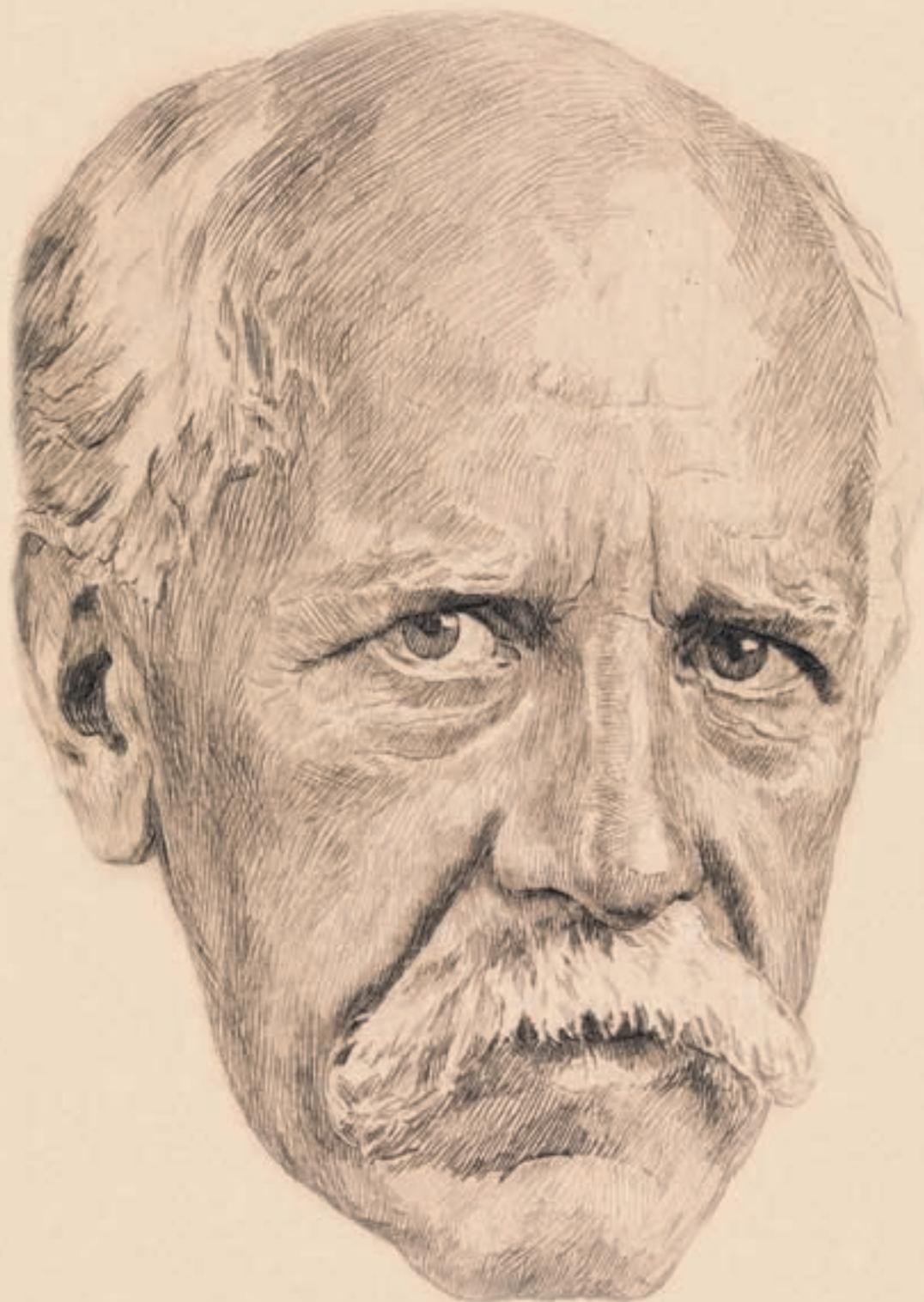
Ну да, мешает жить Париж, как пел классик авторской песни. Песне, посвященной 21-й геофизической экспедиции, в которой ленинградец Юрий Кукин работал техником-оператором, ровно 60 лет. Она совсем не про наши дела. Но звучит вполне современно: «Ты что, мой друг, свистишь? Мешает жить Париж? Ты посмотри: вокруг тебя тайга. Подбрось-ка дров в огонь, послушай, до рогай, он — там, а ты у черта на рогах...»

Молодец Юрий Алексеевич. Правильно подметил.

Владимир Мозговой

ДЕМИСТИ- ФИКАЦИЯ

ВИКИНГ

ИЗ ГЕРОИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
ФРИТЬОФА НАНСЕНА,
ЗАЩИТНИКА БЕЗЗАЩИТНЫХ

Павел
Полян

О холоде — с теплотой

Фритьоф Нансен — будущий великий дипломат и великий путешественник — родился 10 октября 1861 года. Все его детство прошло на хуторе Стуре-Фрэн¹ под Христианией (после 1877 года — Кристиания, с 1925 года — Осло). Родители — небедные и довольно знатные люди — детей принципиально не баловали, воспитывали в суровости, даже игрушки были у них не покупные, а самодельные. Обратной стороной такого спартанства была свобода — эдакая вольница-робинзонада на природе, в лесу и на озерах, вот только не в южных широтах, где господину Крузо и набедренная тряпочка нужна была не всегда, а в северных — с их снегами, морозами, льдами и полярными сияниями нужно было основательно одеваться. Впрочем, к холоду Нансен относился очень... тепло: не топил в кабинете, а зимой все норовил выходить на улицу в одном шерстяном костюме.

Мать Фритьофа была первой в Норвегии лыжницей-спортсменкой, так что не удивительно, что и сам Фритьоф, вставший на лыжи и на коньки в два года, дюжину раз становился чемпионом Норвегии по лыжам и много раз — призером по конькам (а однажды побил национальный рекорд на дистанции в одну милю). Побеждал Нансен и в прыжках с трамплина, а еще он отлично стрелял, но биатлон тогда еще не придумали.

Вышел Нансен и силой, и статью, и интеллигентным лицом, напоминая одновременно и белокурых книжных викингов из старинных саг, и добродушных соседей по фьорду или реке. Он легко учил и хорошо знал языки — английский, немецкий, французский, шведский (выучил и гренландский, то есть эскимосский), он разбирался в театре и литературе, выделял Ибсена, Гамсуна и Байрона, да и сам он превосходно владел пером.

¹ Ныне — Нансен-Фрэн, прямо в городской черте Осло. Фритьофу было 18, когда умерла его мать, и отец с младшими детьми перебрался прямо в столицу.

National Library of Norway

Переход участников экспедиции Нансена через Гренландию

Однажды, на свой страх и риск, он совершил самый сложный и довольно безрассудный одиночный лыжный переход из Бергена в Кристианию, во время которого мог и погибнуть. Порицали его тогда все — и отец, и менторы-коллеги, но занятия спортом и этот поход выработали в нем важный антидот — стойкое отторжение от адреналина «высших достижений» и рекордов ради рекордов, любой ценой. Физическая сила, закалка, ловкость, вера в себя — все то, для чего нужен спорт, сами по себе не самоцель, а инструмент для достижения настоящих, серьезных целей, например, научных, дипломатических или гуманитарных.

Именно наука — зоологические, географические и океанографические исследования и открытия — первая сфера, которая привлекла Нансена всерьез и надолго. В 1881 году он поступил в Кристианский университет и уже в 1882 году совершил свое первое путешествие в Арктику — на тюленебойном сейнере «Викинг». Побывал на Шпицбергене, в Исландии и в Гренландии, у берегов которой корабль попал в ледяной плен и вынужден был дрейфовать. Это зацепило, заронив тем самым в начинающем полярнике первые собственные мысли, догадки, планы и мечты.

К их реализации он и приступил, но только в 1888 году. В промежутке — занятия микробиологией, в частности, гистологией, и центральной нервной системой беспозвоночных: сначала — в качестве препаратора в городском музее Бергена, потом стажера в Германии и Италии, в частности, в Неаполе, на морской биостанции профессора А. Дорна.

Прогулки по Арктике

Гренландской же мечтой Нансена было — пересечь этот крупнейший на Земле и почти необитаемый ледяной остров с его издевательским названием («Зеленая страна») с востока на запад. Смета экспедиции — 5000 крон. Родное правительство отказало, да еще с нехорошей язвительностью: мол, зачем Норвегии финансировать «увеселительную поездку частного лица»? Деньги нашлись, но какие-то непатриотические — от датского предпринимателя.

Экспедиция стартовала 2 мая 1888 года, а за четыре дня до этого Нансен, не моргнув, защитил в Кристиании кандидатскую диссертацию: «Нервные элементы, их структура и взаимосвязь в центральной нервной системе асцидий и миксин». На восточный берег Гренландии шестеро полярников, впрягшись в 600 кг груза, высадились только 17 августа. Преодолев в 40-градусный мороз на лыжах 470 км снежно-ледяного купола острова (а перед этим еще и 20 км прибрежных паковых льдов) и ведя ежедневные метеонаблюдения, на западный берег они вышли только 3–6 октября, опоздав к концу навигации. Начала следующей им предстояло дожидаться в столичном поселке Готхоб (совр. Нуук).

ВИКИНГ

Вежливо отказавшись от приглашения датского губернатора зимовать в его доме, Нансен поселился в эскимосской яранге и примерил на себя тяжелейшую жизнь этого народа, включая специфическую его охоту, специфическую рыбную ловлю и разящий наповал запах «копальхена» (перебродившая моржatina, закопанная в промерзлый грунт от силы на 30–40 см). Из зоолога, так сказать, он переложился в антрополога, а эскимосы стали первым народом, в чью отчаянно трудную жизнь он пристально и внимательно всмотрелся, не поленившись для этого окунуться и в их язык. Для Нансена, сумевшего погрузиться в столь далекий и непривычный для себя эскимосский мир, разговаривать после этого со всякими там королями, президентами и премьер-министрами было уже проще. А вековыми эскимосскими приемами выживания в суровостях Севера — такими, как плавание на каяках или езда в нартах на собаках — Нансен воспользовался во время своего штурма Северного полюса на «Фраме».

Возвращение Нансена на материк в апреле-мае 1889 года было триумфальным: Фритьофа ждали британская, шведская, датская и норвежская награды, почетная синекура в университете и даже учреждение на волне триумфа собственного Норвежского географического общества в 1890 году.

Но то, что для публики смотрелось лишь отчаянно тяжелым и рискованным спортом, для самого Нансена и его ученых коллег было ощутимым вкладом в науку — с десятками поверженных гипотез и десятками новых, возникших им на смену, — например, о трансполярном подводном восточно-западном течении под паковыми льдами Ледовитого океана¹.

Последняя гипотеза и легла в основу главного географического путешествия Нансена — его экспедиции на корабле «Фрам». «Фрам» (или, по-русски, «Вперед») — специальный компактный корабль с бортами округлой формы — потому округлой, чтобы давление льдов не расплющивало корпус, а выжимало его на поверхность. Задача — «подкрасться» к полюсу с юго-востока, со стороны

¹ Их движком являлись те же самые силы Кориолиса — притяжение Луны, что управляет приливами и отливами.

National Library of Norway

Фритьоф Нансен на дипломатической службе

Берингова пролива, и, поднявшись как можно выше (севернее) по открытой воде, уткнуться во льды и, оседлав их, дрейфовать с ними по воле течений на северо-запад, а при приближении к полюсу — прогуляться туда пешком. Растянувшись на четыре долгих года (1893–1896), все

примерно так и произошло, кроме концовки: полюс к себе Нансена не пустил. Все окончилось бы и вовсе трагически, не встретив Нансен и Йохансен на мысе Флора Земли Франца-Иосифа экспедицию Фредерика Джонсона — полярника-англичанина, которого норвежец Нансен

в свое время отказался взять в свою сплешь норвежскую команду. Моя гипотеза: в этот спасительный момент Нансен обжег себе обе щеки — со стыда!

И вот в августе 1896 года в Норвегию возвратились — целыми и невредимыми — все 13 человек экипажа «Фрама». Да, Северного полюса они так и не достигли (это произойдет еще через 13 лет), но других открытий было так много, что хватило на десятилетия. Само же их возвращение стало величайшим норвежским триумфом столетия.

Несколько последующих лет ушли на описание и публикацию результатов экспедиции. Научный отчет появился уже в 1897 году, причем на английском, что еще не было мейнстримом в европейской научной литературе. Научно-популярная версия вышла чуть позже и на норвежском, с посвящением жене, Еве Нансен, — той самой, в брачном договоре с которой имелся удивительный пункт — о невозражении против похода мужа на Северный полюс².

После экспедиции на «Фраме» Нансен внутренне перестроился и в рамках науки — отныне он воспринимал себя как океанографа, и именно

него созданное профессорское звание. Экспедиция же, которую так поддержала — собаками, базами, картами — та же Россия, экспедиция, которая избежала своего трагического конца благодаря англичанам, отчетливо показала, что покорение Северного полюса и исследования Арктики могут вестись только интернационально, только сообща. И если после прогулки по Гренландии в Норвегии возникло Национальное географическое общество, то после «Фрама» одна за другой стали возникать международные комиссии, комитеты и лаборатории полярников и, как правило, с Нансеном во главе. Что в конечном счете и предопределило покорителям как Северного, так и Южного полюсов неизбежность их успеха.

Растапливая дипломатические льды

В 1861 году, когда Нансен родился, Норвегия была еще связана унией с ко-

Но не были безоблачными отношения и со Швецией. Как же тут быть бедной Норвегии? Очень просто: искать собственного короля. Где? В Дании. Такой вот скандинавский антиколониализм!

Нансен был одним из тех, кого Норвегия посылала в 1905 году в Копенгаген уговаривать принца Карла Датского принять норвежскую корону³. Карл соглашался, но ставил условием плебисцит. Плебисцит состоялся в 1905 году, после чего уния со Швецией была разорвана, и принц Карл стал королем Хоконом VII. Трон ему настолько понравился, что он расстался с ним только спустя 52 года — аж в 1957 году!

Это была не первая чисто дипломатическая работа Нансена, но первая удачная. Первой и неудачной была неформальная миссия в Санкт-Петербург в 1898 году, когда он, триумфатор Арктики, встречаясь с Николаем II и всемогущим премьером Витте, обсуждал с ними российско-норвежскую торговлю и мировую геополитику.

В 1906 году, после обретения Норвегией независимости, король назначил Нансена своим посланником в Лондон. В этой должности он пробыл целых два года, поставив на ноги посольство и прекрасно организовав визит своего короля к британскому Эдуарду VII. Пребывание в Лондоне Нансен использовал для занятий в его богатейших библиотеках и архивах, где он собирал материал для книги о полярных исследованиях и исследователях.

В Норвегии же его ждали вдовство, университет и океанография, короткие вылазки в море на собственной шхуне и поездки с лекциями в разные страны. В 1913 году, за год до Первой мировой, он совершил большое путешествие по Северному морскому пути, по Енисею и по всей России — от Владивостока до Санкт-Петербурга. Знакомство с российской антропологией и контакты, завязавшиеся во время этого путешествия, премного помогли Нансену в его дальнейших — и труднейших — гуманитарных миссиях в 1920-е годы, в том числе и в России. Свою книгу о России он, перефразируя Толстого, назвал «Россия и мир» (1923), а о Сибири — «В страну будущего» (1930).

Фритъоф Нансен в Красноярске. 1913 год

по океанографии столичный университет присвоил ему специально под

² Ева Нансен (1858–1907) была известной певицей, для которой сочинял вокальные циклы сам Эдвард Григ. Против попытки покорения Нансеном еще и Южного полюса она уже возражала.

ролевской Швецией (примерно так, как Финляндия с Россией). Сами Нансены из датчан, а с Данией у Норвегии до 1814 года была другая уния, распавшаяся после неудачных для Королевства Дании и Норвегии Наполеоновских войн.

³ Если только верна новелла о его бабушке по матери как о незаконнорожденной дочери датско-норвежского короля Фредерика VIII, то Карл приходился Нансену дальней родней — чем-то вроде троюродного племянника.

ВИКИНГ

Мандат на репатриацию

Война (*Первая мировая*. — Ред.), в которой Норвегия держала нейтралитет, принесла Нансену неожиданное назначение — президентом Норвежского союза обороны. В этой должности он одержал свою первую победу над голодом — пусть еще только приближающимся голодом в своей собственной стране. Причина — панъевропейское эмбарго США по продовольствию. Нансен добился для Норвегии серьезных послаблений, что, правда, не избавило страну от ввода продовольственных карточек.

В октябре 1918 года, на излете войны, новое назначение — председателем Норвежского комитета по созданию Лиги Наций. Каковая и была создана и, так сказать, пущена в ход 10 января 1920 года. Повивальной бабкой этой невиданной экспериментальной постройке, как, например, Вудро Вильсона или Роберта Сесия, Нансена не назовешь. Но Норвегию при ее родах он все же представлял. Именно с Лигой Наций будет связан весь остаток кипучей Нансеновой жизни. Ему, почти 60-летнему уже человеку, Лига Наций принесла второе дыхание и второе, совершенно новое, поприще. Поприще, на котором он себя чувствовал столь же уверенно и суверенно, как и за полярным кругом.

Главный и перманентный мандат, который он не столько получил от Лиги, сколько ощутил в себе самом, — это способность ощущать человеческое страдание и, соответственно, «мандат» на сострадание, на помощь и на спасение попавших в беду людей.

Это было еще то время, когда слова что-то значили, когда они еще не обросли ракушками оруэлловских оксюморонов типа «война — это мир». Нансен горячо хвалил юную Лигу Наций за то, что она добилась отмены итальянской оккупации Корфу, и горячо осуждал за то, что она не вмешалась в Советско-польскую войну летом 1920 года.

Первый официальный мандат Нансена от Лиги Наций датирован апрелем 1920 года. Задача стояла в выявлении и репатриации миллионов военнопленных воевавших стран, разбросанных буквально по всему миру: на то она и мировая, эта война. Из них большинство — российские военнопленные. Засучив рукава, Нансен уже

Wikimedia Commons

Фритъоф Нансен в голодающем Поволжье

в ноябре отчитывался перед Ассамблеей о первых 200 тысячах репатриированных. В окончательном отчете от 1922 года он подвел итог — 427 886 военнопленных из более чем 30 стран. Интенсивность и эффективность этой деятельности не может не поражать!

Мандат на борьбу с голодом

Был у Нансена в Лиге Наций и другой мандат и, соответственно, вторая сердечная (не головная!) боль — это борьба с голодом в России, который — в обстановке Гражданской войны — не сможет не затронуть десятки миллионов человек.

И он бросился биться за то, чтобы минимизировать эту опаснейшую из угроз.

Сама эта борьба весьма «повредила» репутации Нансена: антибольшевистские организации и некоторые страны сразу же стали обвинять его в «пробольшевизме» и отстаивании интересов Советов¹.

В результате Лига Наций как институция отказалась принять участие в помощи голодающим в России, и Нансену пришлось обратиться за помощью к частным организациям: его усилия возымели результат, но результат довольно скромный. Другое дело, что его филантропический пул имел

¹ Это они еще не знали, что в селе Михайловка в Украине на личные деньги Нансена была открыта «Первая земледельческая станция доктора Нансена» (впоследствии колхоз имени Нансена!)...

мощнейшего конкурента в лице правительства США во главе с Вильсоном и американской организации АРА (American Relief Administration) во главе с Гербертом Гувером. Объем американской помощи под ее эгидой был более чем в 10 раз больше (42 млн долларов против четырех, по состоянию на февраль 1922 г.). Если, по состоянию на май 1922 г., Гувер кормил 6,1 млн человек, то Нансен — только 138 тысяч.

Так что Нансену было за что обличать Лигу Наций на ее Ассамблее 30 сентября 1921 года.

Нансеновские паспорта

Но Нансену выпал от Лиги Наций и еще один «русский» мандат — быть может, самый резонансный. Это проблематика рус-

ских, то есть российских, беженцев. Их общее число, по разным оценкам, — от 1 до 2 млн человек, из-за перипетий русской революции и Гражданской войны разбросанных по самым разным странам мира.

20–24 августа 1921 года в Женеве прошла первая конференция по русским беженцам с участием 10 стран — Болгарии, Китая, Финляндии, Франции, Греции, Польши, Югославии, Румынии, Швейцарии и Чехословакии, а также Международного Красного Креста, Международного бюро труда и Международного общества помощи детям. Конференция учредила должность Верховного комиссара по делам русских беженцев и сеть его представительств в странах — членах Лиги Наций.

И снова русские эмигранты-антибольшевики были против «большевика» Нансена и продвигали другого кандидата — полковника Ольдса, директора представи-

тельства американского Красного Креста в Европе. Но Совет Лиги выбрал норвежца.

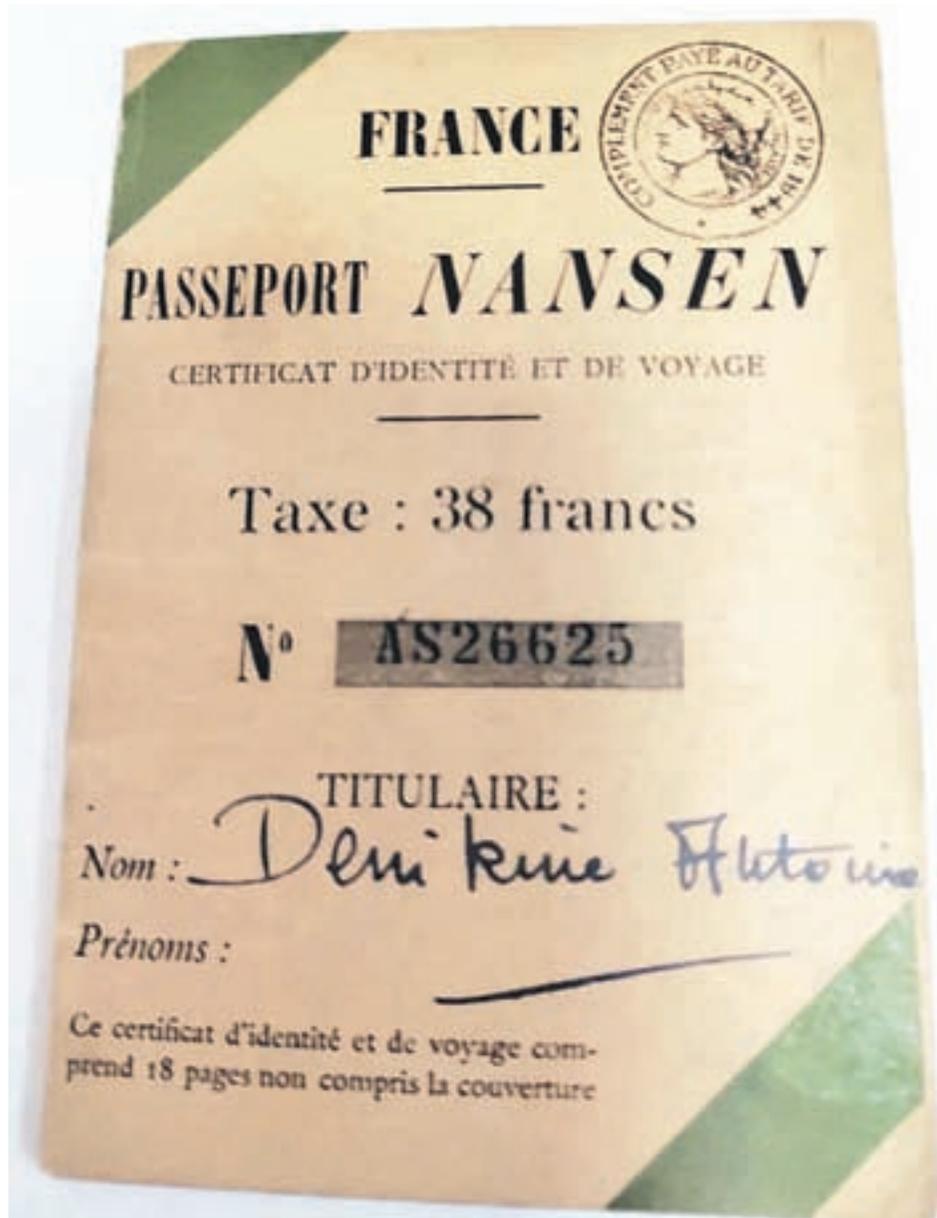
В задачи Нансена как Верховного комиссара входило определение правового статуса беженцев, организация их репатриации, если таковая желательна и возможна (тут у Нансена уже был опыт), размещение беженцев в тех странах, что были готовы их принять и оказывать необходимую помощь, в том числе правовую.

Между тем 15 декабря 1921 года правительство РСФСР объявило, что все эмигранты, покинувшие Россию после 7 ноября 1917 года, как и те, кто воевал против советской власти, лишаются российского гражданства, то есть переходят в апатриды.

Русским (российским) беженцем «признавалось лицо русского происхождения, не принявшее никакого иного подданства»¹. Для них был разработан специальный документ, удостоверяющий личность. В сущности, это «сертификат для беженцев», то есть удостоверение апатрида, более известное как «нансеновский паспорт». Паспортами, а не удостоверениями они назывались еще и потому, что на них могли быть наложены такие визы, как право постоянного жительства, право на въезд и выезд, или транзитная. Среди их счастливых обладателей — Деникин и Набоков, Шагал и Бунин, Рахманинов и Стравинский, Анна Павлова и многие другие.

К сентябрю 1922 года конвенцию Лиги Наций о паспортах и представительствах признали 12 стран, в июле 1923-го — 30, а к концу 1930-х гг. — уже 51 страна². С «нансеновскими паспортами» можно было свободно и на законном основании пересекать их границы, искать в них работу и даже юридическую защиту.

У многих не было при себе никаких документальных свидетельств происхождения или гражданства, как не было и юридического статуса в стране своего пребывания. Доходило до того, что местные власти правдами и неправдами удерживали у себя русских беженцев как дешевую рабсилу, пользуясь их бесправием и бездокументностью³.

Нансеновский паспорт Деникина

¹ Такая формулировка вызвала бурный протест со стороны украинских беженцев в Чехословакии, точкой отсчета для себя выбравших не бывшую Российскую империю, а бывшую Украинскую народную республику и требовавших размежевания (ГАРФ. Ф. Р-6406. Оп. 1. Д. 69).

² СССР, вступивший в Лигу в 1934 году, к данной конвенции не присоединился.

³ Как, например, в Эстонии еще в 1929 году. См. письмо уполномоченного Земгоркомитета в Эстонии профессора В. Рогожникова (ГАРФ. Ф. Р-6094. Оп. 1. Д. 61).

ВИКИНГ

Но в некоторых странах отношение к русским иммигрантам было совсем иным — самым что ни на есть положительным. В частности, в Чехословакии, где уникальная правительственная «Русская акция» была направлена на сохранение и развитие русской культуры и науки. В Прагу, которую иногда называли «русским Оксфордом», и другие чешские города потянулись ученые, экономисты, инженеры, агрономы, писатели, театральные деятели и вообще молодежь — для получения образования за счет Чехословацкого государства. С марта 1921 года к русским беженцам добавились и 320 тысяч армянских — спасшихся бегством из бывшей Османской империи, где и при младотурках возобновилась резня, то есть армянский геноцид. «Нансеновские паспорта» выдавались и им, а сама Комиссия была переименована в «Комиссию по делам русских и армянских беженцев».

В 1926 году сфера действенности «нансеновских паспортов» была распространена и на страны, их выдавшие. Наконец, на Женевской конференции 1928 года у русских и армян была отнята их беженская эксклюзивность: на «нансеновские паспорта» отныне могли претендовать и другие категории беженцев. И претендовали. К «нансеновским паспортам» прибегали и отдельные немецкие евреи, бежавшие прочь из Германии, и даже французы — после немецкой победы на плебисците в Сааре.

Греко-турецкая война 1919–1922 годов, начавшаяся интервенцией Греции и окончившаяся ее поражением, привела к бегству турецких греков от угрозы такой же резни, как и у армян. Нансен отправился в Стамбул с оригинальной по тому времени и экспериментальной идеей взаимного обмена титульным друг для друга населением. Более миллиона греков переселяются из балканской части Турции (куда они бежали из Причерноморья)

в Грецию и примерно полмиллиона турок — из Греции в Турцию, в опустевшую без греков Малую Азию. Нансену удалось преобразовать эту идею в рабочую схему обмена населением. Денежные пожертвования ряда стран (особенности Великобритании) и частных лиц, собранные им поразительно быстро, позволили обеспечить даже компенсацию части имущественных потерь и затрат на интеграцию в новых местах проживания.

«За оказание помощи беззащитным...»

На своем посту Верховного комиссара Лиги Наций Фритьоф Нансен оставался до самой своей смерти 13 мая 1930 года. На похоронах присутствовали король Хокон VII, представитель от Лиги Наций, соратники по путешествиям, члены семьи.

Сценарий похорон написал сам покойный. Речей не было, звучал только оркестр, без перерыва игравший квартет Шуберта «Девушка и смерть», который так любила исполнять Ева Нансен. Урна с прахом была захоронена под одной из берез в его усадьбе «Пульхёгда».

Если викинг — это бесстрашный воин и путешественник в неведомое и потому — первооткрыватель (той же Америки, например), то Фритьоф Нансен — это классический викинг. Как некогда многим другим викингам, всем этим Эрикам, Рюрикам и Харальдам, Фритьофу стало тесно в Норвегии и даже в Арктике с Антарктикой, как стало тесно ему и в науке, после чего он с радостью переключился на глобальные проблемы и проекты.

При этом решительно поменялись не только масштаб

Русские эмигранты в Париже. 1920 год

Wikimedia Commons

Похороны Фритьофа Нансена в Осло. 17 мая 1930 года

и его личный калибр, поменялась и сама «методология». Он уже не соглашался годами плыть по течению с дрейфующим «Фрамом» в ожидании того, проплывет мимо тебя Северный полюс или не проплывет. Отныне он врубался в проблему как ледоруб в ледяную стенку. И часто — не всегда, но очень-очень часто — он свою миссию исполнял и доводил до конца.

Кем он был, собственно говоря, этот Фритьоф Нансен?

Был он героем, но героем не войны и даже не миротворцем, а героем мира. Он чувствовал себя в ответе за гуманитарные аспекты и последствия войн — за издержки плена и несправедливость изгнаний, за смертный ужас преступлений, которым тогда еще и имени не было, — таких как геноцид, резня. Он чувствовал себя не абстрактным гуманистом, а конкретным чистильщиком — устранителем вызванного войной вреда и устройтелем на ее руинах полезного мира.

В 1922 году Фритьофу Нансену была присуждена Нобелевская премия мира.

Но знаете ли, за что?

За многолетние усилия по оказанию помощи беззащитным!

P.S. Сегодня

Феномен Нансена в том, что он являлся носителем одновременно личной харизмы и общественного авторитета. Это ставило его вровень с главами государств и крупнейших компаний и обществ: он мог заговорить с любым, вплоть до царя, Ататюрка или Троцкого, и они стали бы его, Нансена, слушать, а может, и прислушиваться.

Это уникальное единство, эта цельность более уже не повторились ни в ком. Никакие другие супергерои — ни гениальные физики, ни храбрейшие покорители полюсов, Эвереста, космоса или цензуры и близко не могли приблизиться к тому уровню мирового уважения и влияния, какой при жизни был у простого норвежского викинга заступничества — Фритьофа Нансена.

Кое-что из его опыта, а точнее, наследия пригодилось бы и сейчас. Тот же «нансеновский паспорт», а точнее, его идея.

Беженцы сегодняшнего дня испытывают на себе многократно избыточное

давление: и как эмигранты — со стороны враждебного им официоза на родине, и как иммигранты — от принимающей их цивилизации с ее молочно-слепыми санкциями и бессмысленными обрядами унижения в будничной жизни, и без того непростой на чужбине.

А где же современный нансеновский если не паспорт, то хотя бы плечо, где чьи-то подражающие ему усилия по оказанию помощи беззащитным?

И какого же мужества и калибра надо сегодня быть, чтобы хотя бы посметь заговорить об этом — просто и прямо — с теми, кто за это в ответе? Тут никакого одного нобелевского лауреата не хватит, тут, может быть, нужен сводный хор нобелиатов — от физиков до пацификов!

Павел Полян

Эпоха Великих реформ

ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ:
ЗАПАДНИКИ, СЛАВЯНОФИЛЫ
И ТЕХНОКРАТЫ

В середине XIX века, в царствование императора Александра II, в Российской империи был проведен комплекс социальных реформ, направленных на ее преобразование в современное государство. Достаточно быстрое и синхронное проведение реформ стало возможным благодаря

наличию значительного круга хорошо образованных и прогрессивно мыслящих деятелей, находившихся как внутри государственного аппарата Российской империи, так и вне его.

Сергей
Васильев

Подавляющее большинство ведущих государственных и общественных деятелей эпохи Великих реформ родились примерно в один, достаточно короткий промежуток времени (1818–1829 гг.), практически синхронно с поколением ведущих российских литераторов середины XIX века. И те и другие обучались в лучших российских высших учебных заведениях на рубеже 1830–1840 годов, в период, который может быть назван «осевым временем» формирования российской интеллигенции. Именно тогда завершилось формирование русского литературного языка, произошло становление полноценной русскоязычной системы высшего образования, появились самостоятельные направления русской философско-политической мысли — славянофильство и западничество.

Период 60–80-х годов XIX века справедливо называют эпохой Великих реформ. Именно в это время были осуществлены не только такие глобальные преобразования, как крестьянская, земская, судебная и военная реформы, но также реформа городского управления, университетов, цензурная, церковная. Подготовка и реализация этих изменений осуществлялась в относительно короткие сроки. Это, с одной стороны, говорит о твердой политической воле к осуществлению реформ. С другой стороны, такая быстрая и комплексная их реализация была невозможна без предварительной выработки идеологии преобразований и без наличия значительного корпуса сторонников реформ в государственном аппарате.

Реформы проводились быстро — но идеи зарождались, а кадры готовились достаточно медленно, так что анализ этого процесса надо начинать, по крайней мере, с 30-х годов XIX века. Именно в этот период оформились два направления российской мысли, которые в той или иной форме существуют и по сей день, а именно: западническое и славянофильское. Также в этот период, наряду с западниками и славянофилами, появи-

лось первое поколение хорошо образованной бюрократии, которое в литературе характеризуется как просвещенное, или либеральное и которое в дальнейшем мы будем называть технократами. Именно эти три группы деятелей оказали решающее влияние на направление и ход Великих реформ.

Можно сказать, хотя и с некоторой долей преувеличения, что в исторической памяти российской нации это поколение реформаторов практически отсутствует.

тегрировались в немецкую академическую культуру. Эта же культура господствовала в Российской академии наук, где большинство академиков были немцами.

В гуманитарной же сфере XVIII век ознаменовался господством идей французских просветителей. Большинство потребителей этих идей — представители высшего дворянства — говорили и писали на французском лучше, чем на русском. Таким образом, русскоязычный академический дискурс отсутствовал как в есте-

Константин Юон «Московский университет» (фрагмент), 1911 г.
Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Москва

Хорошо известны в российском обществе, с одной стороны, Михаил Сперанский и декабристы, с другой стороны — Сергей Витте и Петр Столыпин. Мало кому из современных российских гуманитариев (за исключением профессиональных историков) известны имена Николая Милютина, Алексея Унковского или Сергея Зарудного.

Формирование российского образованного сословия

Несмотря на достаточно успешное развитие Российской империи в XVIII веке, в ней отсутствовал важнейший элемент современного государства, а именно — высшее образование. Численность студентов единственного университета (Московского) едва превышала 100 человек. Количество русских студентов, обучающихся за рубежом, также было невелико: в немецких университетах за весь XVIII век побывало около 600 русских студентов. В любом случае эти люди ин-

дивидуальных, так и в гуманитарных науках. В этой ситуации говорить о наличии русского образованного сословия или русской интеллигенции было невозможно.

Ситуация радикально поменялась в начале XIX века в результате проведения административной реформы и реформы государственной службы. Согласно новому положению о прохождении государственной службы, для получения определенных классов чинов было необходимо высшее образование или прохождение специальных экзаменов, аналогичных университетским.

Одновременно правительство озабочилось созданием сети российских университетов. В 1806 году был одобрен типовой университетский устав, и в течение короткого периода были созданы, в дополнение к Московскому, еще пять университетов: Петербургский, Казанский, Харьковский, Дерптский и Виленский, который после польского восстания 1830–1831 годов был переведен в Киев.

В каждом университете существовало, как правило, четыре факультета (отделения): историко-филологический, юридический, физико-математический и медицинский. Численность обучающихся была невелика: на рубеже 1840-х годов, когда будущие реформаторы получали высшее образование, численность студентов университетов составляла всего 2500 человек; таким образом, при четырехлетнем сроке обучения ежегодный выпуск всех университетов составлял менее 700 человек.

Надо отметить, что кроме университетов большую роль в формировании образованного сословия России сыграли специальные учебные заведения, к которым можно отнести Благородный пансион при Московском университете, Царскосельский лицей и Училище правоведения. Особенностью этих учебных заведений было совмещение среднего и высшего образования, что позволяло их выпускникам поступать на государственную службу уже в 18-летнем возрасте и делать там ранние карьеры.

Самым большим университетом России был Московский. Здесь в 1839 году состоялось 800 студентов, из которых 400 человек обучались на двух гуманитарных факультетах, так что ежегодный выпуск составлял здесь порядка 100 человек, что по современным понятиям означает три студенческие группы, из которых две заканчивали юридический факультет, а одна — историко-филологический.

Небольшой размер факультетов имел свои преимущества: не только студенты одного курса были все знакомы, но они общались и со студентами старших и младших курсов. Профессора могли вести индивидуальную работу с теми студентами, которые хотели получать дополнительные знания.

Надо отметить, что именно в середине 1830-х годов в российских университетах начали преподавать молодые профессора, которые были ранее отправлены на заграничные стажировки по инициативе главного управляющего вторым отделением императорской канцелярии М. Сперанского и министра народного просвещения С. Уварова.

Видимо, в Московском университете в 1830-е годы впервые в России сформировалась русскоязычная академическая среда.

Эпоха Великих реформ

В эту среду попали и получили развитие идеи западничества и славянофильства, которые начали оформляться как особые направления политической мысли именно в это время.

Другие университеты по разным причинам не смогли сыграть в интеллектуальной жизни России роль, сравнимую с Московским. Во втором по величине университете — Дерптском — образование велось на немецком языке. Харьковский и Казанский университеты имели достаточно слабый преподавательский состав и были слишком удалены от столиц. Петербургский университет находился в длительном кризисе после чистки либеральной профессуры в начале 1820-х годов. Киевский университет в это время только разворачивал прием студентов.

Технократы внутри структур российской власти

Количество выпускников гуманитарных факультетов российских университетов колебалось год от года в связи с большой неравномерностью приема новых студентов. Но исходя из общей численности студентов, составлявшей в 1840 году примерно 2500 человек, четырехлетнего периода обучения и равной численности студентов гуманитарного и естественнонаучного направления, мы получаем цифру ежегодного выпуска университетами будущих чиновников в 300–350 человек. Надо сказать, что почти все выпускники университетов поступали на государственную службу (это было своеобразным правилом хорошего тона в рядах высшего дворянства, к которому принадлежало большинство студентов), но многие

довольно быстро по разным причинам эту службу оставляли. Практически все представители второго поколения славянофилов и западников какое-то время находились на госслужбе, но потом уходили в отставку, что и позволило им заняться публицистикой (читай — политикой), в то время как литературное творчество чиновников вовсе не приветствовалось.

Фактический прирост численности чиновников с университетским образованием не превышал 200 человек в год. Конечно, это была капля в море в сравнении с общей численностью чиновников высших и средних классов, которая в начале 40-х годов составляла около 50 000 человек и быстро росла (примерно на 2000 человек в год).

Неудивительно, что талантливые и работоспособные выпускники университетов довольно быстро продвигались по служебной лестнице и занимали ключевые, хотя, возможно, и не очень высокие позиции в министерствах. Обзор карьер ведущих деятелей эпохи великих реформ, работавших в госаппарате, позволяет выявить их некоторые общие черты.

Во-первых, это были люди выдающихся способностей. Они заканчивали гимназии с золотой медалью и были в числе первых выпускников университетов. Все они имели не только хорошие знания, но и литературный талант. Они быстро становились спичрайтерами, референтами и доверенными лицами министров, что давало им влияние, превосходившее их формальный статус.

Во-вторых, они умели хорошо работать со статистическими данными: именно в это время правительство начинает собирать регулярную статистику по губерниям и министерствам, формируется полноценное статистическое отделение при МВД и губернские статистические комитеты (1834 год). Становятся модными полевые исследования: инспекционные поездки

чиновников с заранее определенными программами обследований.

Наконец, немаловажная деталь — все они работали на разных должностях в разных министерствах и приобретали большой бюрократический опыт и навыки аппаратной политической борьбы. В то же время они были харизматиками, ставили перед собой большие политические цели и в течение всей карьеры их придерживались, хотя бы им и приходилось в краткосрочном плане идти на определенные уступки. Они сделали быстрые карьеры, и к началу 60-х годов в возрасте плюс-минус 40 лет почти все были гражданскими генералами (то есть действительными статскими советниками).

Были ли они западниками или славянофилами? Они учились в университетах вместе с западниками и славянофилами, затем общались с ними в кружках и салонах. Но свои позиции, будучи чиновниками, они не могли провозглашать открыто. Я думаю, что они достаточно спокойно относились к философским спорам своих друзей, зато уже в молодом возрасте примерно представляли себе тот круг преобразований, который придется пройти России, и больше размышляли о том, как правильно (бюрократически и технически) эти реформы осуществить.

Персоналии эпохи великих реформ

Выделяя в качестве наиболее значимых реформ середины XIX века крестьянскую, судебную, земскую и военную, мы должны отметить, что их подготовка проходила по-разному.

Крестьянская реформа находилась в центре общественного внимания, затрагивала материальные интересы почти всех слоев общества и должна была полностью переформатировать социальную жизнь страны. Технология подготовки реформы предусматривала активное участие общественности и широкую гласность в обсуждении ее вариантов. В Редакционных комиссиях кроме чиновников работали представители губернских комитетов (Ю. Самарин и В. Черкасский) и известные ученые (Н. Бунге и П. Семенов).

Проведение судебной реформы вызвало меньше разногласий: она, с одной стороны, не затрагивала ничьих материальных интересов, а с другой стороны, судебная система крайне устарела и была практически неработоспособна (что признавалось всеми). Вся подготовка реформы велась небольшой группой мотивированных чиновников-юристов. Большую часть этих чиновников составляли отно-

сительно молодые выпускники Училища правоведения, первый выпуск в котором состоялся в 1841 году.

Земская реформа разрабатывалась во вполне бюрократическом ключе, практически без участия общественности, хотя в обсуждении ее на разных уровнях (в Редакционной комиссии и на заседаниях Госсовета) участвовали активные деятели крестьянской и судебной реформ. Однако в процессе подготовки земской реформы не выдвинулась ни одна яркая личность, а весь процесс выглядел как бенедикт министра внутренних дел Петра Валуева — красноречивого оппортуниста, который возглавил министерство вскоре после увольнения в 1861 году либерала Сергея Ланского.

Военная реформа не входит в предмет рассмотрения настоящей статьи: она проводилась в жизнь в большей степени людьми в погонах и находится по большей части за пределами изучаемого периода времени.

По всем этим причинам в перечне ведущих реформаторов присутствуют в основном деятели крестьянской и судебной реформ.

Персоналии	Год рождения	Учебное заведение	Год окончания
Император Александр II	1818	Домашнее образование	—
Николай Милютин	1818	Благородный пансион при Московском университете	1835
Константин Кавелин	1818	Юридический факультет Московского университета	1839
Юрий Самарин	1819	Историко-филологический факультет Московского университета	1838
Михаил Рейтерн	1820	Царскосельский лицей	1839
Яков Соловьев	1820	Юридический факультет Санкт-Петербургского университета	1841
Сергей Зарудный	1821	Физмат Харьковского университета	1842
Николай Стояновский	1821	Училище правоведения	1841
Александр Головнин	1821	Царскосельский лицей	1839
Николай Бунге	1823	Юридический факультет Киевского университета	1845
Иван Аксаков	1823	Училище правоведения	1842
Николай Семенов	1823	Царскосельский лицей	1842
Владимир Черкасский	1824	Юридический факультет Московского университета	1844
Дмитрий Ровинский	1824	Училище правоведения	1844
Вел. Князь Константин Николаевич	1827	Домашнее образование	—
Петр Семенов	1827	Физмат СПб университета	1849
Борис Чичерин	1828	Юридический факультет Московского университета	1849
Алексей Унковский	1829	Юридический факультет Московского университета	1850

Поколение реформаторов

В списке ведущих реформаторов 18 человек, включая императора Александра и вл. кн. Константина Николаевича. Мы видим, что это люди одного поколения: 14 человек из списка родились в течение семилетнего периода 1818–1824 годов, и еще четверо — в 1827–1829 годах.

Наибольшее количество будущих реформаторов дали три учебных заведения (Московский университет — шесть человек, Царскосельский лицей — три человека, Училище правоведения — три человека). Практически все эти люди происходили из родовитого и достаточно обеспеченного дворянства. По крайней мере, большинство из них могло оставить службу без тяжелых финансовых последствий для своих семей.

Эпоха Великих реформ

Во время восстания декабристов они были совсем детьми, а когда они вступили в юношеский возраст, дворянская элита уже преодолела стресс 1825–1826 годов. Более того, в это время начинается мини-оттепель, возникают новые литературные журналы, формируются литературные и философские кружки. Именно в это время проводится ряд прогрессивных мероприятий в крестьянском деле. Этот период закончится в 1848 году после начала европейских революций. Но к началу самого тяжелого периода реакции 1848–1854 годов будущие реформаторы станут вполне сформировавшимися личностями.

Картина поколения была бы неполной, если бы мы не упомянули еще об одном факте: самые знаменитые писатели и поэты середины XIX века родились практически в те же годы: Иван Тургенев в 1818-м, Федор Достоевский в 1821-м, Александр Островский — в 1823-м, Михаил Салтыков-Щедрин — в 1826-м, Лев Толстой — в 1828-м.

От Толстого до Толстого

Будущие поэты появлялись на свет еще более кучно: Я. Полонский, А. Майков, А. Фет и Н. Некрасов родились в 1819–1821 годах.

Образование будущие поэты и писатели также получали в те же годы и в тех же университетах, тут также лидирует Московский университет — пять выпускников.

Здесь мы видим практически одно поколение политиков, публицистов и литераторов. Они все учились у одних и тех же профессоров, читали одни и те же книги, посещали одни и те же салоны. Это происходило на протяжении довольно длительного периода: с середины 30-х до середины 50-х годов, когда в государстве, казалось бы, все было заморожено. Зато их мысль была свободна, и у них было время подумать о будущем страны.

Кружки, салоны, толстые журналы

Одной из основных форм социальных коммуникаций в среде будущих реформаторов стали литературно-философские кружки. Первым таким кружком, по-видимому, был «Арзамас», в который входили ведущие литераторы начала XIX века (Н. Карамзин, В. Жуковский, К. Батюшков, А. Пушкин) и в котором преобладало протозападническое направ-

ление. Вторым кружком стало «Общество любомудрия» (начало 20-х годов XIX века), наиболее известными членами которого были князь В. Одоевский, Д. Веневитинов, А. Кошелев, С. Шевырев, Н. Мельгунов. Это общество можно было бы охарактеризовать как протославянофильское.

Важнейшую роль в формировании как западнического, так и славянофильского направлений сыграл кружок Николая Станкевича, созданный в начале 30-х годов в Московском университете. Его членами были Т. Грановский, В. Белинский,

Персоналии	Год рождения	Учебное заведение	Год окончания
Алексей Толстой	1817	Историко-филологический факультет Московского университета	1835
Иван Тургенев	1818	Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета	1836
Яков Полонский	1819	Юрфак Московского университета	1844
Афанасий Фет	1820	Историко-филологический факультет Московского университета	1844
Апполон Майков	1821	Юрфак Санкт-Петербургского университета	1841
Николай Некрасов	1821	Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета	не окончил
Федор Достоевский	1821	Главное инженерное училище	1843
Алексей Писемский	1821	Философский факультет Московского университета	1844
Александр Островский	1823	Юрфак Московского университета	1843
Михаил Салтыков-Щедрин	1826	Царскосельский лицей	1844
Николай Чернышевский	1828	Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета	1850
Лев Толстой	1828	Юрфак Казанского университета	не окончил

М. Бакунин, М. Катков, К. Аксаков. Их пути впоследствии сильно разошлись. Но большой идейной разницы между западниками и славянофилами в это время еще не было, тем более не было и личной вражды. Например, богатая семья Аксаковых активно помогала материально нуждавшемуся Белинскому. После раннего ухода из жизни Н. Станкевича в начале 1840-х годов образуется кружок Грановского, по направлению уже вполне западнический. В этот кружок входили, в частности, Герцен, Огарев, Кавелин, Чичерин.

Наконец, в середине 40-х годов в Петербурге возник кружок Михаила Петрашевского с большим количеством участников и широким распространением социалистических идей. Этот кружок подвергся в 1849 году полицейскому разгрому, связанному с ужесточением репрессий в период после европейских революций 1848–1849 годов.

Первая половина XIX века в России была временем расцвета литературных салонов. Эти салоны обеспечивали значительно более широкий круг общения, чем кружки: в них участвовали литераторы, музыканты, художники, просто светские интеллектуалы. Чаще всего салоны организовывали общественно активные и интеллектуально продвинутые женщины (Авдотья Голицына, Зинаида Волконская, Екатерина Карамзина, Александра Смирнова-Россет). Самыми заметными

салонами 40-х годов были салоны князя В. Одоевского и А. Смирновой-Россет в Санкт-Петербурге и салоны Авдотьи Елагиной (матери братьев Киреевских) и Каролины Павловой в Москве.

Наконец, средством для самого широкого распространения новых идей и консолидации образованного сословия России стали толстые литературные журналы. Ведущую роль здесь играли «Отечественные записки» Андрея Краевского, имевшие выраженное западническое направление. Впоследствии роль ведущего либерального журнала перешла к «Современнику» — после его покупки Н. Некрасовым в 1846 году. Несмотря на либеральное направление журнала, Некрасову удалось сохранить его в годы самых сильных политических заморозков (1848–1854). В это время в журнале печатались практически все ведущие литераторы середины века.

Славянофилы были в отношении издательской деятельности значительно хуже организованы, только в конце 1850-х годов появляется «Русская беседа» А. Кошелева и И. Аксакова. Самый яркий публицист среди славянофилов, И. Аксаков, был в правительстве на очень плохом счету: ему неоднократно запрещали заниматься издательской деятельностью.

Тиражи толстых журналов сильно менялись по годам и десятилетиям, что неудивительно: контингент их подписчиков был ограниченным, так что успех одного журнала приводил к сокращению подписчиков других журналов. Общее количество подписчиков толстых журналов составляло до середины 50-х годов XIX века около десяти тысяч человек — и это есть, по-видимому, оценка общей численности образованного сословия России в то время.

Министерство внутренних дел: теплица для реформаторов

Министерство внутренних дел в середине XIX века занимало центральное место в системе исполнительной власти Российской империи, сосредотачивая в своей компетенции не только административные, но и хозяйственные функции. Именно оно занималось организацией статистики. Хозяйственный отдел МВД, который в 50-е годы возглавлял Николай Милютин, был фактически протоминистерством экономики, а Земский отдел — протоминистерством регионального развития.

С 1841-го по 1852-й министерство возглавлял граф Лев Перовский, известный

тем, что он был двоюродным дедом двух примечательных персонажей российской литературы и истории. Одним из них был Козьма Прутков, литературными «отцами» которого были племянники графа: Алексей Константинович Толстой и братя Жемчужниковы. Другая личность — известная революционерка Софья Перовская, дочь еще одного племянника графа, губернатора Санкт-Петербурга.

Встав во главе МВД, Л.А. Перовский начал активно рекрутировать в него молодежь с университетским образованием. Во второй половине 40-х годов в министерстве одновременно служили И. Аксаков, А. Гирс, А. Головнин, К. Кавелин, Н. Милютин, Ю. Самарин, А. Толстой, И. Тургенев. Молодые интеллектуалы существенно изменили атмосферу министерства. На смену бывшей обособленности отделов и отделений пришло широкое обсуждение общих проблем российского общественного устройства.

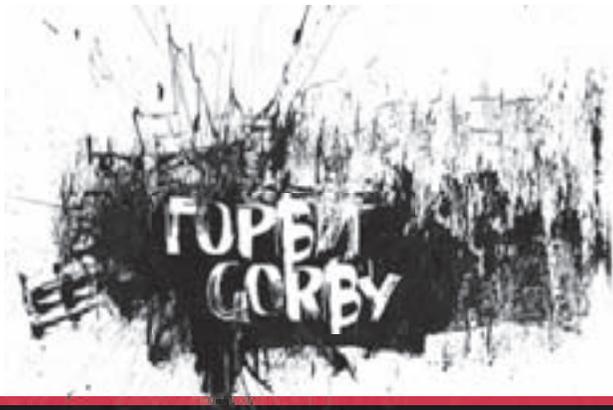
Особым доверием министра Перовского пользовался Н. Милютин, начавший службу в МВД еще при прежнем министре, графе Строганове. Судя по воспоминаниям М.А. Милютиной, Н. Милютин был главным спичрайтером у Перовского. В 1842 году именно он возглавил рабочую группу министерства по реформе муниципального управления. Результатом работы этой группы стала реформа городского управления в Санкт-Петербурге. Эта реформа, несмотря на полную поддержку министра и императора, вызвала большое недовольство в аристократических кругах, поскольку предусматривала расширение представительства недворянских элементов в городской думе. Именно благодаря этой реформе Николай Милютин получил репутацию «красного демократа».

Совместная работа ряда будущих реформаторов и литераторов в МВД в дальнейшем существенно облегчила достижение между ними консенсуса по основным направлениям реформ.

Сергей Васильев

ОБ АВТОРЕ:

Сергей Васильев, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель НИУ-ВШЭ в Санкт-Петербурге. Окончил ленинградский Финансово-экономический институт, в 1990-е руководил Рабочим центром экономических реформ, работал заместителем министра экономики РФ.

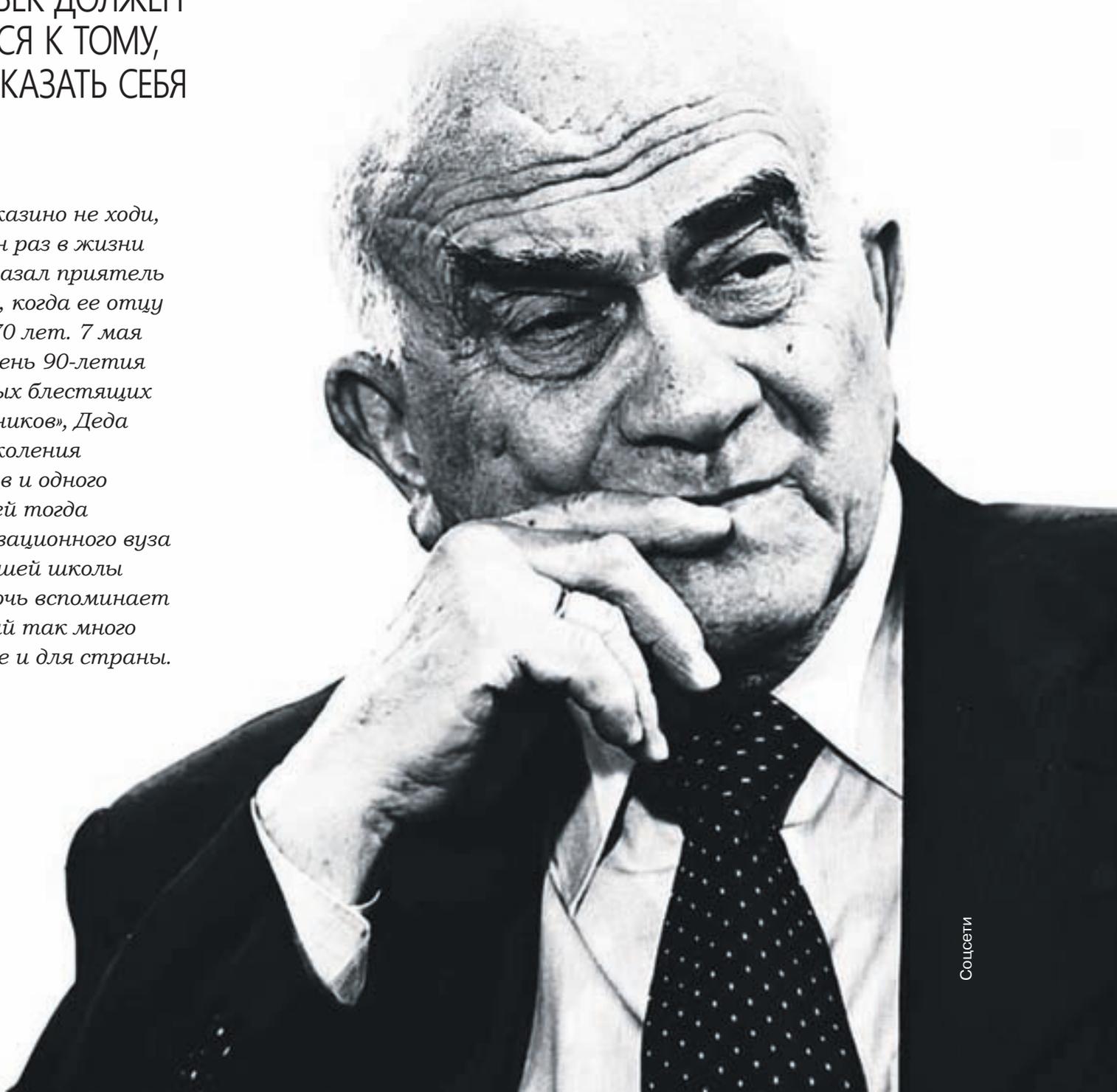

IN MEMORIAM

Жил на «ОТЛИЧНО»

ОТЕЦ СЧИТАЛ,
ЧТО ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН
СТРЕМИТЬСЯ К ТОМУ,
ЧТОБЫ ПОКАЗАТЬ СЕБЯ

«Ты, Ясина, в казино не ходи, тебе уже один раз в жизни повезло», — сказал приятель Ирине Ясиной, когда ее отцу исполнилось 70 лет. 7 мая 2024 года — день 90-летия одного из самых блестящих «шестидесятников», Деда для целого поколения реформаторов и одного из основателей тогда лучшего инновационного вуза России — Высшей школы экономики. Дочь вспоминает отца, который так много значил для нее и для страны.

Ирина
Ясина

В детстве я совсем не знала, чем занимается папа. Видела только, что он все время читает и пишет. Мои детские воспоминания — это горы книг в доме. Сказать, что он был энциклопедически образованным человеком, наверное, сейчас невозможно, но в своей экономической области он знал на десять шагов налево и десять шагов направо практически все.

И я уверена, что этот культ знаний пошел от прадеда, в семье которого выше всего ценили образование. Человек из еврейского местечка под Крыжополем, он дал его всем четырем сыновьям. Образования не получила только его дочь, моя бабка, но зато ее муж, мой дед, окончил Одесский институт инженеров морского флота (кстати, после войны в нем учился Жванецкий). Отец с малолетства бредил географией, хотел поступать на географический — все-таки вырос у моря, — но во времена борьбы с космополитами на географический в Одесский университет его не взяли: «Нам двух таких, як вы, бохато, а один уже есть». Пошел на архитектурный (вторая его страсть), однако во времена великих пятилеток факультет переименовали в строительный, так что отец окончил инженерно-строительный факультет Одесского гидротехнического института.

Однако вопросы по экономике у него возникли довольно быстро. Когда он строил мост через Днестр в городе Рыбница, то спрашивал у бывалых прорабов: «Ну вот что я могу сделать, чтобы моим рабочим платили деньги, а я закрывал наряды без приписок?» «Невозможно, — сказали ему, — так не бывает. Поэтому ты давай приписывай, а то у тебя вся бригада будет с голым задом ходить». И он поступил на заочный

экономфак Московского университета, чтобы разобраться в том, как такое вообще возможно. Так что он учился всю жизнь, и меня донимал тем, чтобы я училась, училась и училась. Я же была другая, мне хотелось много чего в жизни попробовать. Но папа говорил: «Вот закончишь десятый класс, и я от тебя отстану». Потом: «Вот поступишь в университет, и я от тебя отстану»; «В аспирантуру поступи, и все»; «Ну уж поступила, давай защищай кандидатскую».

Он и себе всегда ставил жесткие условия. В 1963 году в конце учебы на экономическом факультете (с третьего курса учился в Москве) решил проштудировать тогда нашумевшую и раскритикованную книгу будущего лауреата Нобелевской премии по экономике Леонида Канторовича «Экономический расчет наилучшего использования ресурсов». Молодой коммунист с горящими глазами, веровавший, что социалистическую экономику можно исправить правильным применением марксистского учения, вникнув в логику ученого, сказал: «Маркс для меня умер». А ведь долгое время он им почтительно восхищался. Возможно, после этого разо-

годов понимали необходимость реформ, знали, что оптимума в социалистической экономике не достичь.

И все-таки папа какое-то время занимался автоматизированной системой управления, модным тогда АСУ. Они все верили в то, что, грызя гранит науки, можно многого добиться, и пытались хоть что-нибудь подправить в инструментари. Но ничего не подправлялось.

И вот, я помню, в начале 80-х папа объявил, что бросает заниматься АСУ и будет заниматься хозяйственным механизмом. Мама очень переживала, ведь у папы уже было и имя, и докторская защищена, и приглашают повсюду, а этот хозяйственный механизм вместе с теми, кто им занимался, без конца громили и пригвозждали к позорному столбу. Однако папа со своей чуйкой шел к новому абсолютно уверенно. А от этого совершенствования хозяйственного механизма было совсем недалеко до перехода от плановой экономики к рыночной. Он тогда уже предсказывал неизбежность радикальных реформ.

Но пока он перешел сам — из ЦЭМИ в Комиссию по экономической реформе правительства. Это было началом, как

Возможно, когда он понял, как дорого обошлась нам ошибка Маркса, — родился рыночный экономист

чарования, когда он понял, как дорого обошлась нам ошибка Маркса (тот думал, что рыночная экономика, которая только начиналась, кончается), и родился рыночный экономист.

Но до этого была работа в Центральном статистическом управлении. Оттуда друзья его переманили в Центральный экономико-математический институт. Они там все сплошь были, можно сказать, диссидентами и прогрессистами. Например, один из добрых друзей отца, Ефрем Залманович Майминас, на конференции в Батуми прочитал доклад про социально-экономический генотип. То есть уже в 1965 году говорил о том, что в экономике необходимо учитывать сумму накопленных поколениями знаний, подходов, привычек, обычаев, свойственных народу. А что это, как не культура? И, конечно, они в ЦЭМИ, где варился бульон из новых веяний, начиная с 60-х

он шутил, его государственной деятельности. Там же работал Явлинский.

С ним они написали документ, который папа считал самым главным в своей жизни. Назывался он «Радикальная экономическая реформа: первоочередные и долговременные меры», из него потом выросла программа «500 дней». Как говорил академик Шаталин, она имела явное признание капитализма. У отца еще в 1989 году вышла книга, где он писал о несовместимости плановой и рыночной систем. Его очень огорчало затягивание реформ, в необходимости которых он был уверен.

Жил на «ОТЛИЧНО»

Команда Горбачева сильно опасалась последствий либерализации цен, поэтому тормозили. Поэтому Ясин ушел из комиссии Абалкина в команду Егора Гайдара, приступившего к решительным действиям. К сожалению, эта команда в пылу преобразований выпустила из вида то, о чем говорил еще Майминас: чтобы успешно перейти в новую экономическую формацию, надо учитывать культурный и общественный генотип. Это была, как выяснилось, ошибка, но тогда невероятных сложностей было столько, что им казалось: сначала надо сделать самое необходимое, а все остальное подтянется. А ничего не подтянулось.

Потом отец об этом много писал, выступал, в бесконечных передачах на «Эхо Москвы» говорил о том, что культура лежит в основе всяких преобразований, что невозможно было проводить реформы без оглядки на тот самый генотип. Убедить людей — вообще, отдельная профессия, настоящего пиара в 90-е толком не было, да и уговорить кого-то, что либерализация — это правильно, когда ему не на что купить картошки, задача не из легких. Недавно Александр Аузан, декан экономического факультета МГУ, очень интересно говорил про то, что, лишь переделав психотип, мы можем выскочить из наезженной колеи, в которую сваливаемся раз за разом, не учитывая этой необходимости. А я, честно говоря, думаю, что главное, что было недооценено, — это сила беззакония. Но все были заняты либерализацией цен, приватизацией... Считали, что только жесткая политика может остановить падение экономики, наполнить пустые полки. Ясин был вовлечен во все мозговые штурмы, во все бесконечные обсуждения. У него, кстати, сложились довольно тяжелые отношения со своими друзьями, с теми,

которые с ним по возрасту совпадали. Ведь он от них ушел к молодым, да еще и говорил: «Я у них учусь».

Душевно и идейно он был близок к Гайдару. Однако с тем, что Гайдар думал про распад СССР, Ясин был внутренне не согласен. В одном интервью, когда его спросили: «А вы были за сохранение Союза?» — он ответил: «Как может быть по-другому? У меня папа похоронен под Москвой, а мама в Одессе». Гайдар же считал, что союзные республики потянут назад рыночные реформы. Отец огорчился, что их было решено проводить в одной отдельно взятой республике. В другом он верил Гайдару безусловно. Гайдар был свой. И он взял на себя всю ответственность, весь негатив. Бывают такие ситуации, когда нет выбора, остается только: да или нет. Гайдар сказал «да», поэтому отец считал, что он заслуживает памятника.

И ему, безусловно, импонировала честность Егора Тимуровича, он был некорыстным и шепетильным человеком, как, собственно, и папа. Есть чудесная юмореска Вити Шендеровича*, которую он написал папе на 75 лет. Там была такие слова: «Не позорьте должность, придя и уйдя с нее в одном и том же материальном положении. Возьми сам и поделись с другим».

Не могу сказать, что другие были такими же, однако Ясин всегда видел в людях только лучшее. Я работала журналистом в 90-е: «Папа, нельзя же так, как же ты не видишь, что делает такой-то...» Но папе это все было чуждо, даже когда Гайдар постоянно с кем-то собачился, он не видел корыстного интереса у его оппонента, считал, что у того есть просто другая концепция.

До конца оставался идеалистом, человеком мягким, абсолютно не способным обидеть другого даже подозрением. Когда он решил участвовать в кампании Ксении Собчак, я думала, что его искусаю. Можно было кол на голове тесать. «Я не верю», — говорил он, когда я ему объясняла ее

реальную роль. Я ему говорила, допустим: «Ну папа, а это вот...» — «Да не может такого быть!» — ничего не понимал. Она нравилась ему как молодая, красивая женщина. Ясин же любил про себя говорить: «Я лесбиян, баб люблю, сил нет».

А как он уворачивался от поста министра экономики! Это настолько было не его, что до последнего отбивался. Уже будучи министром, он ездил, я помню, в Курган, и приехал оттуда просто морально сломленный. Говорит: «Понимаешь, ко мне подходят люди на заводе и говорят: «Евгений Григорьевич, мы делаем лучшие в мире БМП», — и я им должен ответить: «Они не нужны». Это действительно катастрофа — отнимать у этих людей заработок и профессиональную гордость».

Поэтому он был счастлив, когда стал заниматься Высшей школой экономики, будучи одним из создателей когда-то самого инновационного вуза в стране. В те времена ходила шутка: это экономический факультет МГУ, бежавший от марксизма. В «Вышке» он развивал любовь к образованию уже в государственном масштабе. Папа упивался этой идеей и обожал все, что связано с этим новым вузом. Воплощенная мечта всей его жизни и абсолютно правильный ее итог (мы не будем говорить о том, что теперь стало с «Вышкой»).

Я, например, хорошо помню, когда папе отмечали 75 лет, думали, что ему подарить. Он сказал сам: «Хочу программу «Мечта профессора Ясина». Всем нашим олигархам — а это были еще нулевые годы, денег достаточно — разослали письма: «скидывайтесь на «Мечту профессора Ясина». Что это значило? Зарубежные стажировки для лучших студентов. Так и называлось: «Ты по какой линии поехал? — Я выиграл «Мечту профессора Ясина». Он целиком ушел в этих детей, в их образование, читал лекции, вел семинары...

Папа, конечно, горевал, видя, как мы тормозим и почему тормозим, но чувства вины не испытывал — у него была «Вышка», где он был просто счастлив, где его ребята между собой звали Дедом. Общаясь с молодыми, он подпитывался

* Признаны Минюстом РФ «иноагентом».

их естественным оптимизмом. В «Вышке» у него был семинар, который назывался «Теневое правительство». Они сидели со студентами и прорабатывали каждое решение настоящего правительства — обсуждали, критиковали, предлагали. У него было немного теории, он всегда предлагал учиться в натурном бою. Еще в конце 80-х, когда его стали приглашать в различные комиссии, он брал пацанов по 22–23 года и тащил их с собой. И никогда этих мальчиков и девочек не обижал разговорами, что тебе еще рано этим заниматься. Он был очень хорошим преподавателем, сейчас многие его ученики на виду и здесь, и за границей. Очень горевал, когда кто-то из

них уезжал. Да и вообще, для него в последние годы было самым важным вопросом: «А он здесь?» Иногда было очень жаль хорошего человека, про которого надо было сказать: «Нет, он уже не тут», — папа его не совсем, но вычеркивал. Все должны быть здесь. А почему я тут живу? Я себе много раз пыталась ответить на вопрос: почему не уехала? Возможностей было много. Но казалось невозможным — так обидеть папу я не могла. Для него отъезд был бы катастрофой. Как же так, мы тут стараемся для своей страны что-то делать! Большая травма была, когда Сережа Алексахенко* уехал, потому что не только ученик, но и соратник и друг. Ясин был патриот чаадаевского

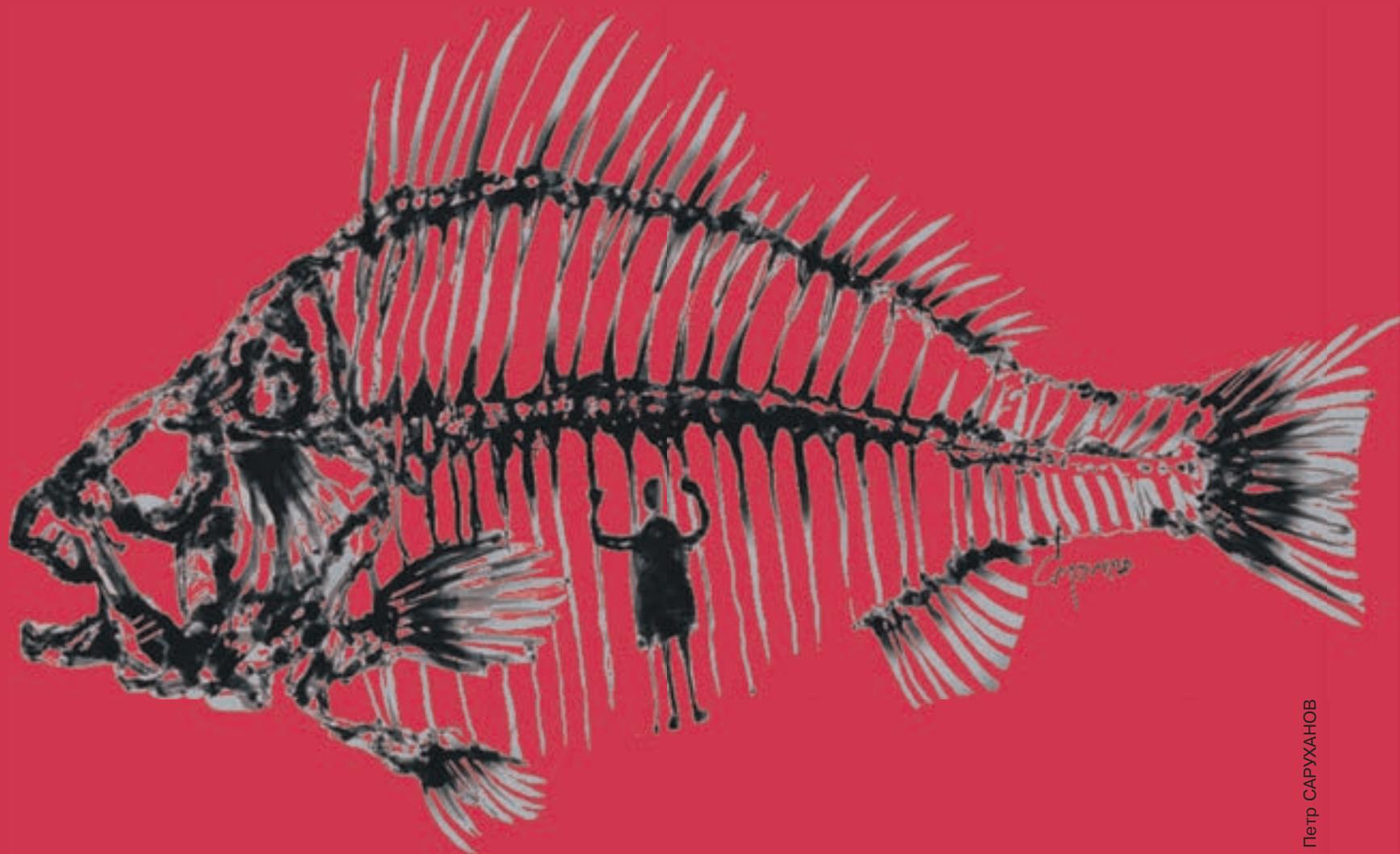
типа, который видит все недостатки и хочет их исправить. Он называл себя либералом до последнего. При этом либералом был только в экономике. В нормальной жизни... ну, человек того поколения. Вот у нас даже в комнате стоит глобус, на котором написано: «Либералы всех стран, соединяйтесь». Это я папе подарила на 83 года.

Он в каком-то смысле так и остался наивным одесским мечтателем. Поверить в худшее — никогда. Отворачивался. Говорил: «А все равно, смотри, какие ребята растут!»

Ирина Ясина

ГОРБИ
GORBY

СМЫСЛОВАЯ НАГРУЗКА

Петр САРУХАНОВ

Капитуляция сознания

КТО В ОТВЕТЕ ЗА КУЛЬТУРУ
И ПОЧЕМУ НАРОД
И ГОСУДАРСТВО К НЕЙ
ЛУЧШЕ НЕ ПОДПУСКАТЬ

Роман

Шамолин,
антрополог*«Не трогай мои чертежи!»
Архимед, ученый из Сиракуз*

Представление о плотной связи народа и культуры в наше время является общим местом. Что-то обычно ставится впереди: для патриотов-почвенников — это народ, для универсалов-интеллектуалов — культура. По вопросу приоритета правы здесь, конечно, вторые: народ есть не что иное, как одна из идей культурной рефлексии. «Народ» — это абстрактное понятие, применяемое для идентификации не слишком определяемого, но внушительно большого количества индивидов. В то время как культура, по сути, есть интеллектуальное (ментальное) пространство формирования и сохранения абстрактных понятий, идей — а также эстетических образов, их иллюстрирующих. Очевидно, что культура первична. Понятие народа ею и производится, и наполняется.

Но из этого не следует, что культура в ответе за свои создания. Когда мы выходим из чистого интеллектуального пространства и попадаем в историческое, все может радикально перевернуться. И можно свидетельствовать, что культура, будучи причиной образующей, весьма часто попадает под влияние и власть того, что ею образовано, под власть своих же следствий — того, что именуется «народом».

Как в принципе происходит эта перестановка, можно понять, если вспомнить «Метафизику» Аристотеля, его классическое учение о причинах существования. Есть образующая причина — это разум (греч. «нус»), источник форм, из которого все инициативы исходят. Есть принимающая причина — это материя (греч. «физис»), в которой разумные инициативы усваиваются и перерабатываются. Но, поскольку материя обладает собственным характером (то, что можно назвать «сопротивлением материи»), усвоение и переработка может пойти по непредсказуемому и неразумному сценарию. Вплоть до полной перверсии изначальных посылов, что особенно заметно на примерах «чело-

веческой материи»: «война — это мир», «свобода — это рабство».

Кроме двух упомянутых основных причин Аристотель называет еще две, промежуточные, проводящие. Это деятельностная (энергичная) и целевая причины. Для инициатив разума требуются, с одной стороны, исполнители, творцы, модераторы — те, кто занимается воплощением. С другой стороны, требуется некая финальная точка, на которую можно ориентироваться, чтобы не сбиться с курса. В правильной перспективе, которую намечал сам Аристотель, все выглядит превосходно. Исполнители — это мыслящие люди, философы, а финальная точка на горизонте — «арете», добродетель.

Но что мы видим в реальности чаще всего: исполнители подбираются не по разуму, а по лояльности, а финальная точка — воля, прихоть заказчика. Кто заказчик? Кто угоден, у кого есть ресурс. Материальный ресурс. И очевидно, кто владеет им максимально: государство.

Если государство является воплощением принципа материи и на свой манер перерабатывает все идеи — все, что транслируется из культуры как из пространства формирования идей, — то при чем здесь народ? Это интересный вопрос.

В реальности нет никакого народа. Нет как субъекта, мыслящего и обладающего волей. Народ — одна из номинаций понятийного языка культуры. Представление, закрепленное в памяти на повторах и эмоциях. Но как субъекта — точно так же нет и государства. И культуры. Все это абстрактные понятия, идеи, которые некогда возникли в сознании и передавались из века в век через слова и образы. Наделять государство, народ или культуру собственными разумом и волей — не что иное, как переносить на представления те свойства, которыми обладает сознание, эти представления создавшее.

Мифологизация. Причем мифологизация еще более откровенная, чем когда разумом и волей наделяются, например, стихии природы или планеты. Ведь последние существуют вне и помимо человеческих действий и представлений, и кто знает, какие не открытые людьми процессы в них тайно идут. Но государство, культура, народ — это плоды исключительно представлений. И в случае когда сознание мифологизирует их, то не опирается уже ни на что, кроме как на собственные свои склонности.

Что реально? Здесь относительно человека мы можем достоверно говорить, по крайней мере, о двух вещах. О том, что есть

практически лишенное инстинктов выживания и со всех сторон уязвимое тело, существующее в окружении таких же тел.

И о том, что есть некая необъяснимая субстанция — сознание, в котором каждая человеческая особь находит себя плывущей, как в ночном океане. Все, что можно называть собственно человеческим, определяется сознанием. Оно лежит в основании всего, что люди зовут «реальным». Образно говоря, оно есть то место, где человек приходит «в себя».

Чтобы как-то обозначать источник сознания, его издавна стали называть «миром идей» или же, на другой манер, — «обителью не от мира сего». Определить яснее затруднительно. Как однозначно ответить на вопрос, поставленный еще в «Упанишадах»: «Чем мыслится мысль?» Но интуиция всегда говорила людям, что и доступные идентичности, и алогичные фантазии, и логически выверенные проекты — все имеют с этим источником связь. Самым же достойным и вместе с тем интригующим для человека занятием виделось приближение к этому источнику — для каждого по мере его возможностей.

Если смотреть из перспективы «мира идей», то между понятиями «народ», «государство» и «культура» именно последняя больше всего соответствует реалиям сознания — иными словами, находится ближе к самому «миру идей». В пространстве культуры происходит угадывание, «схватывание» идей, их обработка и оформление — идеи обретают свой неповторимый языковой, исторический и эстетический колорит. Что же касается государства и народа, то до них все это доходит уже в довольно замутненном и вторичном состоянии. Государство и народ гораздо ближе к проблемам существования плотных и раздражительных тел, чем к идеям.

Но и культура сама по себе к «миру идей» не ведет. В ее запасах может быть собрано весьма немало великих текстов, артефактов, арт-объектов, однако человек может ходить среди всего этого, не замечая, не понимая и не оглядываясь. Что было общего между сознанием римлян, кричащих на представлениях Колизея, и содержанием трактатов Цицерона или Марка Аврелия? Что общего между сознанием нынешнего россиянина, любителя ток-шоу и песен Полины Гагариной, и мыслями Чаадаева, Толстого, Мандельштама?

Капитуляция сознания

До «мира идей» добирается только сознание конкретного, «вот-здесь» мыслящего и существующего человека. Того, кто умеет обходиться без общих мест при взгляде на вещи. Кто обращен, в первую очередь, к собственному месту в потоке мышления и существования. Что называется, «в своем уме». Это одиночка, внимательно и эмпатически обращенный к тому, «чем мыслится мысль» и чем бытийствует осязаемое им бытие. Эмпат-одиночка.

Здесь стоит обратиться еще к одному из великих умов, Мартину Хайдеггеру, который ввел в философский дискурс категорию *Da-sein*, что переводится буквально как «вот-бытие». Так он назвал преимущественное состояние субъекта-индивида, когда тот обращен не к последствиям, не к вторичным проявлениям бытия — а к самому бытию почти непосредственно, через пустоты, провалы и просветы в словах и вещах. «Вот-бытие», которое неискушенному восприятию видится как «ничто», открывается субъекту-индивиду как «сущее». Развивая тезис Хайдеггера, можно сказать: «вот-бытие» открывается «вот-мыслью». *Da-sein* открывается как *Da-ideen* (нем.).

Собственно, такой субъект-индивид и является самым непосредственным проводником, оформителем и хранителем, а порой и мучеником того, чем поворачивается к нему «мир идей». Создателем культуры. И если уж говорить о том, кому по-настоящему «принадлежит» культура, то она «принадлежит» им, этим индивидам, эмпатическим одиночкам. Тем, кто находится «в своем уме». Но никак не государствам и не народам. Искусство и философия итальянского Ренессанса — это Боттичелли, Джорджоне, Макиавелли, Джордано Бруно, Рафаэль и другие имена.

Русский «золотой век» литературы — это Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Гончаров, Чехов и другие имена. Культура — это имена, а не народы и государства. Субъекты, а не массы и институты.

Если кто и вступает в какие-то по-настоящему близкие отношения с культурой, то есть с наследием великих имен, то это субъекты, индивиды. Эмпаты-одиночки. Через тексты и образы, созданные мастерами, предшественниками или современниками, они своим путем следуют к тому же неопределимому и странному месту, откуда произрастает всякий значительный арт-феномен или нарратив, — к «миру идей».

Что касается народов и государств, масс и институтов — да, они тоже имеют отношение к культуре. В той мере, в которой ее проявления занимают место в материальном мире, где передвигаются массы и функционируют государства. Отношение их может быть, с одной стороны, весьма почтительным — тогда они создают и посещают музеи, выставки, концертные залы. С другой стороны, массы и государственные институты всегда готовы присвоить себе культуру и адаптировать ее под себя — тогда они создают «культурную политику» и расхватывают слова мастеров на свои поговорки. Они делят откровения и идеи творцов на «близкие» и «чуждые», в зависимости от того, что скажут им их вожди. И они практически всегда смотрят на культуру как на полезный «довесок», приправу к своим абсолютно материальным будням.

Искушение и беда для субъекта культуры, для индивида, творящего из «мира идей», — если он попадает под власть народа или государства. Он перестает находиться в «своем уме», и связь его с первоисточником постепенно и неизбежно гаснет.

Всегда немного тех, кто следует за своим сознанием и добивается прямой связи с «голосом сущего», с «миром идей». Состояние *Da-sein* скорее исключение, чем правило. Мартин Хайдеггер

объясняет это властью и влиянием окружения, которое состоит по большей части из людей, исповедующих схожие общие понятия. Не первичные знаки, подхваченные из «сущего», а всегда вторичные, суррогатные и адаптированные под удобное пользование. Не слишком гуманистично прозвучит, но такие люди — большинство людей с их вторичными понятиями — это и есть та сопротивляющаяся идеям материя, о которой говорил Аристотель.

Всякий человек, живущий среди людей, имеет дело в своем окружении прежде всего с суррогатной реакцией на когда-то имевшийся, но основательно забытый опыт прямого сознания. Вместо потенциально возможного, индивидуального «вот-здесь» он получает общее пользовательское «среди-нас». У Хайдеггера это называется *Das Man* — обезличенное, усредненное состояние умов, выражаемое примерно так: «я думаю и делаю это, потому что все думают и делают это». Капитуляция сознания.

Производится и поддерживается такое состояние через два фактора. С одной стороны, свойственная всем природным коллективным организмам забота о материальном положении и о положении в социально-видовой, родовой иерархии. Это непрерывная забота. Человеческое внимание почти целиком поглощено ею. А поскольку «мир идей» требует известной отрешенности, и прежде всего досуга, то места ему в «мире заботы» практически не находится.

С другой стороны, капитуляция сознания идет через любой вид идеологии, под которой понимается та или иная коллективная форма неоспоримых и постоянно повторяемых представлений. Эти представления, идеологемы, принципиально не предполагают усиленной рефлексии или способности к созерцанию. Они обращены в первую очередь к активной и общедоступной психоэмоциональной области. И воздействуют не через доказательность, логику или интеллектуальную интуицию, но исключительно через утвердительную, не предполагающую сомнений гипнотическую тональность

речи. Вероятно, эти представления вполне могут именоваться психодогматами. Или гипнодогматами.

Очень важной составляющей их массового успеха является непрерывная их ретрансляция, повтор. А повтор из источников, расположенных где-то наверху «родоплеменной» иерархии, воздействует с усиленным эффектом. «Власть утвер-

Лишь те, кто «пользуется собственным разумом», выступают и создателями, и хранителями культуры. Не архива культуры, предназначенного для удовлетворения амбициозного любопытства, а говорящей, живой культуры, куда время от времени заходят идеи и обновляют значения уже известных вещей и понятий, а также создают новые.

бюрократических процессов, сталкиваясь с геополитическими амбициями властей и растворяясь в безразличии массового обывателя, — эти идеи не то чтобы исчезли, но стали лишь неким мерцающим фоном из «благих намерений», не особенно влияя на все происходящее. Впрочем, оставаться фоном уже кое-что; по крайней мере, это задает общую проекцию.

В наши дни мы можем непосредственно наблюдать, как политическая культура разрывается на части между универсальными идеями гуманизма, привычной «реал-политик», на которую почти всегда делает ставку власть государств, — и теми архаическими паттернами, на которых основана сегодня власть диктатур. Пока что никто не способен предсказать итог этого разрыва.

Лишь те, кто «пользуется собственным разумом», выступают и создателями, и хранителями культуры

ждает себя повторениями», — писал философ-семиотик Ролан Барт.

Очевидно, что самым сильным эффектом обладают гипнодогматы, исходящие от государства и его институтов. Множество раз было подтверждено и прежде, и теперь — какие бы предвзятые вещи, какие бы оксюмороны ни выдавала действующая и уверенная в себе власть, все будет принято и усвоено большинством населения. Впрочем, наиболее расхожий гипнодогмат власти — тот, в котором она утверждает собственную незаменимость, неоспоримость и безупречность. И, вероятно, мало какое население испытывало это на себе с такой интенсивностью и на таком длительном отрезке истории, как население российское.

Кроме всего названного капитуляции сознания способствует то, что люди обычно не слишком вдохновляются индивидуальной стилистикой жизни. А тем более не вдохновляются тем необходимым статусом одиночества и «незанятости», без которых сколько-нибудь основательная рефлексия или интеллектуальное созерцание просто не случаются. Мыслить, включаться в «мир идей» — это основано на склонности человека обращаться внутрь себя, к движениям своего сознания больше, чем к любым внешним источникам влияния. К тому же такая склонность должна подтверждаться известным мужеством, которое необходимо, чтобы предпочесть свое «внутреннее», на свой страх и риск, — известному и авторитетному «внешнему». Это и имел в виду Иммануил Кант, когда говорил: «Быть просвещенным — значит иметь мужество пользоваться собственным разумом».

Если хотим иметь дело с культурой как с живой субстанцией, значения которой дышат и обновляются, нам следует отказаться от того смешения, что уже немало времени имеет место. От смешения культуры с государством и его институтами, а также с настроениями и запросами того большинства индивидов, что именуется «народом». Вероятно, это смешение, этот неудачный альянс и следует считать причиной, породившей еще в прошлом столетии известные размышления о «сумерках культуры», о ее «смерти» (О. Шпенглер, В. Вейдле, Р. Гвардини). А наблюдаемый и переживаемый идейный и смысловой «секонд-хенд» на нынешнем, «постмодернистском» этапе нашей истории действительно вызывает мысли о тяжком болезненном состоянии. Культура как будто перестала пополняться и жить идеями. Она просто изживает в повторах уже когда-то бывшее, прежнее. Это даже не прежние идеи, но лишь те понятия и практики, в которых идеи некогда были представлены. Трансляция вторичности. И ничто другое так не способствует искажающей вторичности и обесмысливающим повторам, как работа государственных институтов и повседневные привычки массового, «народного» сознания.

Это касается, в том числе, и политической культуры. В середине прошлого века, когда все так ужаснулись результатам последней мировой войны, в историческую реальность вошли великие, планетарного масштаба идеи. О всеобщих правах и свободах человека, о гуманистических основах цивилизации, о сопротивлении диктатурам. Казалось, мир на пороге новой, небывалой еще смысловой перспективы. Однако, почти сразу оказываясь в сетях

Ожидать нечто от культуры сегодня равно тому, чтобы ожидать нечто от индивида, от обособленного субъекта. Он — первый и прямой проводник к «миру идей», из которого в культуру и поступает всякое оживление. В то время как государство и народ, будучи понятиями, произведенными из головы индивида, в отношении культуры выступают скорее демотиваторами и искажающими посредниками.

Это не означает, что индивиды-субъекты не могут собираться вместе в больших количествах. Нахождение в сколь угодно многочисленном потоке людей не означает автоматическую отмену самосознания. Принципиальное отличие собравшихся вместе индивидов-субъектов от людей толпы в том, что первые сходятся под влиянием мотива и разума каждого в отдельности, тогда как вторые — под влиянием внешнего, объективно авторитетного мотиватора, который будет воздействовать тем сильнее, чем слабее будет индивидуальность каждого в отдельности. Такое различие особенно заметно в проявлениях культуры политической.

Давно уже не была так необходима, как сегодня, способность субъекта-индивида к интеллектуальному протесту, к противодействию тому инерционному авторитету, что за столько веков истории скопился. И разумеется, необходима способность быть в «идеях».

Феномен Навального

О НЕМ БУДЕМ ГОВОРИТЬ СНАЧАЛА
НА ЯЗЫКЕ ОПРОСНОЙ СОЦИОЛОГИИ,
ПОТОМ НА ЯЗЫКЕ КУЛЬТУРНОЙ
АНТРОПОЛОГИИ

Алексей
Левинсон

«**Л**евада-центр» (включенный Минюстом в реестр «иноагентов») в конце февраля задал россиянам несколько вопросов о Навальном. Единства нет, что ожидаемо. Характерно для момента (канун выборов), что во всех случаях, где это было возможно, большинство отвечающих выбирали ответы нейтральные, не осуждающие и не восхваляющие. А среди решивших все же дать содержательные ответы старшие выбирали те, что с негативом. И в этих ответах, и в реакциях таких людей в ходе групповых дискуссий видна прямо-таки ярость в адрес человека, бросившего вызов системе, с которой мы все сжились, бросившего вызов лидеру, которого большинство привыкло видеть во главе страны.

А молодежь, особенно студенчество, в ходе фокус-групп отзывалась о нем положительно. При ответе на вопрос, чьи интересы выражал Навальный, выбирали чаще всех прочих ответ: «интересы молодежи». Они же чаще всех прочих утверждали, что Навальный выражал интересы «простых людей» и «всего населения». Они же чаще всех прочих утверждали, что Навальный сыграл положительную роль в истории нашей страны.

С учетом того, что Навальный рассматривался многими как главный оппонент Путина, не удивительно, что наиболее позитивно отзывались о Навальном в среде тех, кто решился открыто сказать, что не одобряет деятельность Путина на посту президента РФ (таких нынче 11%), и тех, кто находит курс страны неправильным (их 15%).

Похожим образом распределились ответы и на вопрос об отношении к «людям, которые вышли на улицу, чтобы почтить память Алексея Навального и возложить цветы к памятникам жертв политических репрессий». Главный ответ у всех — относимся «нейтрально, безразлично», а далее в разных группах перевес то относящихся положительно (молодежь, студенты), то относящихся отрицательно (пенсионеры). Но, отметим особо, что в целом, как показал опрос, отношение российской публики к вышедшим на улицы почтить па-

мять о Навальном (а также выразить свое мнение о тех, от кого зависела его судьба) преимущественно положительное.

11% опрошенных говорят, что Навальный сыграл положительную роль в истории нашей страны, 19% — что отрицательную. 53% предпочитают сказать, что не сыграл никакой особой роли. Но мы уверены: с тем, что Навальный — уникальная фигура российской истории, уникальный феномен массового сознания, теперь спорить не будет никто из читающих эти строки.

Масштаб фигуры таков, что слова и образы, которые его кончина вызвала у говоривших о ней, возвышаются над повседневностью, приобретают эпический масштаб. Это важно. Заметим: эти образы произвольно берутся людьми из арсенала основополагающих мифов нашей культуры. В самом деле: безоружный бросал вызов властителю, он безвинно был многожды осужден и предан в руки врагов своих, но чудом выходил из узилищ, воскресал из мертвых, а когда был все же замучен, тело не отдавали матери оплакать. Для сакрализации фигуры этого более чем достаточно. И то, каким оказался никем не придуманный и не организованный ритуал всенародного и повсеместного прощания, это подтверждает. К лику мучеников его причислила вдруг сложившаяся — на момент — его паства.

Она разоидется, распадется, цветы поскорее разберут. Но память о событии и, значит, о мученике останется.

Но память — не такая, как про других. Он был не такой. Это видят все. Да, когда он ушел, его провожали как мученика, а может, и как праведника. Но при жизни он играл и другую, не менее важную для людей роль. Она проявилась при жизни — о чем мы будем говорить ниже, — она проступила и за его смертью. Она создала феномен Навального.

Феноменально уже то, что после его смерти память о нем будут поддерживать не одни его сторонники, но и его враги, те, кто делал и делал на траурном шествии фотографии участников. В этой форме еще долго после его смерти будет существовать его культ, где жрецами будут его ненавистники. И, того не желая, это они создадут ему памятник, книгу памяти, в которой останутся лица пришедших отдать ему последний долг почтения. Ее когда-нибудь издадут, люди увидят там лица своих родителей, поклонятся им, как те поклонились Навальному.

Чтобы понять взаимоотношения Навального с российским массовым сознанием, есть смысл вспомнить, что среди типовых фигур главных мифов есть одна, которую антропологи называли словом «трикстер».

Это сложная фигура в мифе. Трикстер не принадлежит ни верхним, ни нижним силам, он не принадлежит ни стороне добра, ни стороне зла. Он движется между ними, что порождает и трагические, и комические коллизии. Одно из дел трикстера — демонстрация непрочности норм, властей или авторитетов. Он показывает это тем, что нормы он обходит или нарушает, сильных мира сего надувает или высмеивает. Это весело. Но по роли за это непременно следует наказание или казнь. Однако как фольклорный персонаж трикстер всегда чудесным образом оживает и возвращается.

Трикстер выполняет важнейшую социальную функцию проверки социальных конструкций на прочность: те, что не выдержали — обречены! И потому он очень нужен обществу. Потому же мифологические, фольклорные герои-трикстеры чрезвычайно популярны. Они популярны у древних народов и у нынешних, у людей, продолжающих жить в традиционных общественных условиях, и у перешедших к современной городской жизни¹. Разумеется, эти герои меняют свой облик. Из персонажей сказок превращаются в героев сериалов или героев анекдотов.

Многие политики, чувствующие запросы масс, в разных странах в разных ситуациях примеряют на себя такую роль или используют ее приемы, уловки. И это часто приносит им успех. Часть успеха связана просто с маской трикстера, но главная его часть связана с тем, что политик в этой роли берет атаковать уже зашатавшиеся или уже надоевшие нормы и институты. Ему требуется отвага трикстера и его готовность тысячу раз погибнуть. На интересе общества к таким персонажам в значительной мере держалась популярность героев вроде Махно или Котовского, сомнительных с точки зрения любой «настоящей» власти.

Новейшим примером является, конечно, Пригожин. Взавши на себя роль шута и демона разом, он, как положено шуту, резал правду. Он договорился в своих эфирах до того, что среди военных публично не решался сказать никто. Понимал ли он, что, берясь за эту роль, он обречен?

¹ Один из известных примеров — Дон Кихот. Не как герой Сервантеса, а как образ массовой культуры. Он совершает поступки один нелепее другого. Впору над ним смеяться. Но он при этом остается для нас идеалом чести, верности, отваги. И идея, что он готов бросить вызов великанам, принимается всерьез. Видимо, поэтому Навального иные величали Дон Кихотом.

Между ролью клоуна и ролью трикстера немало общего. Недаром трикстер № 1 нашей политической сцены В. Жириновский в народе часто именовался «клоун». Жириновский, сколь бы ни было сомнительным его появление в нашей политической истории, должность трикстера справлял с успехом много лет. Успехом надо считать не только устойчивость его рейтинга на протяжении столь долгого срока. Главный успех — он научил российскую политэлику трикстерским приемам. Показное бесстыдство, готовность прилюдно, публично сказать или сделать то, что публичной фигуре делать нельзя, было подхвачено как прием несколькими депутатами, оно более чем успешно эксплуатируется несколькими телеведущими.

Публика аплодирует трикстеру, принимает, кажется, его шутки, глумление над чем-то до того священным и неприкасаемым (ср. поношение Жириновским коммунистов, КПСС и т.п.). Но посмеяться «над» не означает отказаться «от».

Крайне интересен вопрос о трикстерстве и центральной власти. Идея, что шут становится королем, присутствует в фольклоре. Но как в жизни: это возможно? Возможно, но лишь на краткий миг и лишь в чрезвычайных обстоятельствах карнавала. Или революции. Или коллективного безумия. Известно, что в 1993 году, реагируя на результаты голосования, Ю. Карякин от имени тех, кому дороги праведники Солженицын и Сахаров, заявил стране, проголосовавшей в испугавших их количествах за партию Жириновского: «Россия, одумайся, ты одурела!»

Это скандальное голосование анализировал тогда среди прочих и автор этих строк. Выяснилось, что многие россияне голосовали «по приколу», делая свое собственное голосование трикстерским поступком. Но, заметим здесь, никто не подозревает, что у нас с таким мотивом могут голосовать за Главного кандидата. Шут по-настоящему не может быть правителем.

А как же Зеленский? Да, В. Зеленский, комик, т.е. клоун по профессии, был избран в президенты, как приходилось слы-

Феномен Навального

шать, в том числе людьми, голосовавшими не всерьез. (Мол, такое было время!) Но он сразу сбросил эту маску. А с началом СВО доказал всему миру, что он не шут и он не шутит.

Повторим, настоящий трикстер настоящим властителем не бывает. Властитель может пробовать его приемы, но тщетно. Не один раз приходилось отмечать, что попытки В. Путина демонстрировать типично трикстерские жесты и действия в виде полетов к небесам или ныряний в бездны публикой практически не воспринимались. Не царское это дело¹.

безусловно и всегда на стороне добра. Своих героев числила праведниками.

А у Навального была сомнительная, с их точки зрения, репутация. Он знался с националистами. Правда, потом он пошел к либеральному берегу самым решительным и прямым образом: не у кого-нибудь, а у Адама Михника брал уроки демократии.

Но записным «демократом» даже в российском урезанном смысле не стал. (Как не был и записным «националистом». Он был, как полагается по этой роли, и там и тут, или ни там ни тут.)

Трикстер вообще-то бессмертен. Точнее, он может многократно быть убиваем, но так или иначе возвращается

В сказанном о трикстере, надеется автор, читатель уже нашел те моменты, которые формировали образ Навального в массовом сознании.

В самом деле, он потому оказался не принят российской либеральной публикой, что она считала себя находящейся

¹ Гораздо более сложен также не раз затрагивавшийся нами вопрос о, наоборот, крайне успешном использовании Путиным риторических и символических средств, принесенных им от «шпаны», к которой он, по его признанию, принадлежал. При всем сходстве с трикстерской уловкой, это прием совсем иного рода. Трикстер своим прикосновением (глумлением) объявляет относительной любую считавшуюся абсолютной истину или ценность. Путин же понятия чести и верности, существовавшие у дворовых команд, предъявил обществу как самые настоящие и абсолютные. «Своих не бросаем!»

Именно эта непривязанность к тому, что слишком давно стало прочным и теперь лишь кажется прочным, есть свойство трикстера, свойство политика, идущего впереди других.

Что вело Навального? Что помогло брошенной им на ходу паре слов про «партию жуликов и воров» стать на годы политическим мемом на устах у всех, включая избирателей этой партии? Что позволяло ему лишь свистнуть, и вот поднялась та молодежь, которую все — кто с удручением, кто с облегчением — считали аполитичной? А она приняла его как своего, назвала Лёхой, Лёшкой...

Можно сказать про чутье, про талант истинного политика, прирожденного лидера. Но что он чуял? Что прозревал? Наш ответ таков. Его индивидуальные, действительно незаурядные способности позволяли ему заглянуть в глубины

массового сознания. Там он увидел то, что и должен был увидеть — архетипы.

Трикстер — архетипическая фигура. Поняв, приняв эту роль, Навальный перестал ошибаться в своих главных публичных поступках. Роль его вела. Она стала его программой.

Надо только оговориться. В этой роли не сказано заранее, что есть добро и что есть зло. Этот выбор — выбор личности, выбор гражданина. Алексей его сделал. А вот как идти, прокладывая новые пути к добру, — эти наития ему подсказывала роль.

Специалисты не могут сказать, в чем состояла настоящая, истинная политическая программа и цель Навального. Те, кто говорил, что Навальный — главный конкурент Путина на выборах, думали, что он соберет много голосов, но сами сомневались в том, что российский избиратель в самом деле хочет видеть Навального главой своего государства или хочет на месте главы видеть такого человека, как Навальный.

В этом смысле, мы полагаем, он был противником, но не был соперником Путина, он не был его конкурентом, хотя бросал ему вызов. Более того, он бросал вызов тому типу власти, который установился у нас. И делал это двумя средствами: поднимая людей и опуская эту власть. Опуская ее разоблачениями и осмеяниями.

То, что делал Навальный — и это отличает его от всех политиков, — он делал легко. Зачастую — со смехом. Как он давился от смеха, разыгрывая по телефону — кого? Того, кого считал своим отравителем. Он шутил с судьей через решетки и глухие стекла своей клетки. Эти шутки и стали его последним словом на суде.

Трикстер вообще-то бессмертен. Точнее, он может многократно быть убиваем, но так или иначе возвращается. Навальный погиб (хотя не все верят в это) накануне выборов президента. Уже из этого многие делали вывод, что его смерть и выборы — события, связанные между собой. Мы знаем мнения о том, что «его бы всенародно поддержали», знаем мнения о том, что, стань он президентом, он сделался бы «вторым Путиным», знаем многие иные. Нам неизвестно, да и не нужно знать, метил ли Навальный в президенты. Он сделал больше: бросил вызов не президенту, а самой его власти.

Сделал тоже по-трикстерски, влегкую, со смехом. Но и заплатив жизнью, а потом — воскреснув. И заплатив еще раз. И пока не воскреснув.

Его индивидуальные, действительно незаурядные способности позволяли ему заглянуть в глубины массового сознания

Сергей Залыгин

и его «Новый мир»

ЗАМЕТКИ
НЕГЛАВНОГО
РЕДАКТОРА

Окончание,
начало в № 8

Новосибирский государственный краеведческий музей

Портрет писателя
Сергея Залыгина. 2007 г.
Художник —
Михаил ОМБЫШ-КУЗНЕЦОВ

Виктор Ярошенко

Однажды мне пришлось вступить в прямой спор с С.П. по поводу статьи Игоря Шафаревича. Я пришел к нему в кабинет после долгой и безнадежной беседы с автором, которому наивно пытался доказать всю спорность его национал-патриотической позиции. Потом пошел к Залыгину и сказал, что статья не наша, «не новомировская». Это было очень радикальное заявление, такими не бросаются. Сказал, что от нас отшатнутся авторы, а читатели войдут в интеллектуальное смущение.

Сергей Павлович, старый невозмутимый Крокодил, как мы его за глаза называли («лежит, лежит себе в тине, будто спит, а потом раз — и перекусил зазевавшегося теленка»), рассердился.

Блеснули глаза из-под очков:

— Вы мне хотите объяснить, что я должен и что не должен публиковать в СВОЕМ журнале?

Я пытался высказаться в том смысле, что скорее в НАШЕМ, но он не принял нашего:

— Может, вы потрудитесь мне список авторов принести, кого я не должен публиковать? Вот когда у вас будет свой журнал, Виктор Афанасьевич, чего я искренне вам желаю, вы сможете печатать в нем то, что захотите. И не печатать то, что вам претит.

Я часто вспоминаю этот разговор и думаю, что он ведь был прав. «НМ» был ЕГО журнал, а не наш общий на паях. Он не желал быть избранным «трудовым коллективом» главным редактором и долго не хотел уходить из-под Союза писателей на неведомый путь «независимого журнала» (хотя на самом деле назначал его, конечно, не секретариат Союза писателей, а секретариат ЦК КПСС, сам Горбачев). Он, как тысячи советских «красных директоров», не хотел быть избранным коллективом. Это было страшное понижение статуса, чреватое бедами не только для него, но и для вверенного ему Дела! Но при этом он не был «красным редактором». Он скорее был рус-

ский земский деятель, что для него много значило.

Мы публиковали одну за другой вещи Солженицына, выбрасывали в свет, как аргументы, разоблачения механизма номенклатуры и партийного аппарата — Восленского, Авторханова, страшную повесть Василия Белова «Год великого перелома».

Интересная была жизнь в редакции, если забыть про жизнь страны, а они, эти жизни, неостановимо расходились самым прозаическим образом, до читателя журнал добирался через полгода: на такие тиражи не хватало типографской бумаги. (Может, думаю теперь, не только в бумаге было дело?)

Тираж журнала рос и рос, достиг 2 700 000 экземпляров. Огромная цифра, но в трехсотмиллионной стране и это — капля в море. Сознание общества меняли уже не журналы, а удручающие подробности жизни и отчасти телевизор.

Меж тем страна жила своей «взвиренной» (В. Розанов) жизнью. В марте 1989-го прошли выборы, открылся в мае Съезд народных депутатов, страна, открыв рот, смотрела трансляции, в которых еще вчера мифический «злодей» Сахаров спорил с Горбачевым. Какие уж тут исторические публикации! Все жизненно важное происходило в прямом эфире.

Потом конфликт Горбачева и Ельцина, когда вся страна опять спорила — прав Борис или не прав. Потом новые, через год, в марте 90-го, выборы на Съезд российских депутатов (и в союзных республиках тоже) и в мае открытие этого съезда. И все как бы и не всерьез, депутаты друг друга таскают за грудки, шутейно как-то, хотя до гибели страны несколько шагов осталось.

Залыгин с болью говорил это на редколлегиях, вечерами иногда записывал горькие мысли в тетрадь: «Не люблю политику. Не разбираюсь в ней. Не политик. Политика — это партийность, а партийность с ее программами, уставами, дисциплинами (не дисциплиной, а дисциплинами, самыми разными для разных категорий партийцев) всегда мне была чужда...»

Я день за днем до ночи торчал в Кремле, аккредитовавшись на съезды, союзные и российские. Жалею, что почему-то не поездил тогда по республикам, мог ведь!

Нас, журналистов, захлестывала кремлевская, околодепутатская жизнь, а поез-

жай в милый сердцу Калязин, там увидишь, как она, жизнь, идет: как и шла.

Что-то подобное чувствовал, видимо, и Сергей Павлович. Однажды в съездском буфете в очереди за кофе (тогда журналисты и депутаты кормились и общались в буфетах, столовых, курилках запросто) встретил депутата Залыгина. Он без удовольствия поздоровался со мною:

— А вы что тут... делаете? — он явно хотел сказать: болтаетесь.

— Я, Сергей Павлович, наблюдаю. Я завотделом публицистики, мое место сейчас здесь.

— Ваше место в редакции, это мое место здесь, — сказал Крокодил.

О том, что тогда происходило в Кремле и имело прямое отношение к будущему страны, я написал в огромной статье-дневнике «Энергия распада». Она заняла пятьдесят полос. Редколлегия и С.П. поддержали, журнал опубликовал ее в третьем номере за 1991 год. Прошу прощения читателя за самоцитирование, но этот фрагмент характеризует настроение умов в редакции в то время. Статья писалась в ноябре-декабре 1990-го. «...Прощай, Самарканд, прощай, Бухара! Верещагин в пороховом дыму писал историю их завоеваний. Россия вслед за Англией приняла участие в разделе мира, и Афганистан, как и в прошлом веке, стал рубежом двух эпох и двух миров. Пешая прогулка генерала Громова через амударьинский мост в Термезе 15 февраля 1989 года, которой окончилась афганская война, сдается мне, не конец, а начало нашего большого и многотрудного, может быть, даже десятилетнего, но неизбежного похода — домой. С оружием сюда пришли русские. Пролитывали кровь чужую и свою, болели, лечили, строили, копали каналы, приближая аральскую катастрофу, строили города, поколения людей отдали этой древней земле свою жизнь, ненависть и любовь. Революция принесла в нашу совместную историю новую ожесточенность. Мы не сделали счастливыми ни себя, ни их.

Прощай, Кавказ. Навек мы пришли сюда (еще Пушкин, Лермонтов и Толстой), но век прошел и еще один на исходе. Впереди одиссея, долгий путь домой».

Сергей Залыгин

и его «Новый мир»

Что есть журнал? Садясь за эти заметки, я перелистал комплекты старых журналов за годы перестройки, и особенно — за те годы, в которые я отвечал за отдел публицистики.

Сегодня даже царапает этот императивный, настойчивый, чтобы не сказать агрессивный, тон нашей тогдашней журнальной музыки. Теперь, через тридцать пять лет, когда мы оказались там, где оказались, потеряв чувство будущего, эта музыка кажется слишком громкой, наигранно бравурной и наивной. Но, с другой стороны, в ней была легкость и надежда. Разумеется, это относится далеко не ко всем текстам, которые мы тогда публиковали. С.П. Залыгин требовал от нас делать номер журнала не на потребу дня, а для истории, как некий концерт авторов, который исполнен однажды и останется как свидетельство времени и целостное произведение.

20 сентября 1989-го состоялась памятная редколлегия, на которой я выступил с первым отчетом. Нашел ежедневник той поры с записями о той редколлегии. Надо записывать, я ведь все это начисто забыл!

Тезисы моего выступления к отчету: «Я работаю в «НМ» уже почти год. Год назад мне казалось, как ни странно звучит, у меня было более ясное представление о задачах и целях журнала и отдела, чем теперь. Что такое журнал? Для кого он? Являемся ли мы, вместе с нашими авторами, какой-то неформальной реальностью, идейной и культурной? Что отличает нас и выделяет из других журналов?»

Какова позиция «Нового мира» по важнейшим вопросам?»

В конце своего выступления я предлагал сформулировать нашу позицию и опубликовать в журнале. Наивный человек! Любая сформулированная позиция устаревала тогда через неделю, много — через месяц.

Обсуждение было бурное, такого не помнили старожилы в тихой атмосфере уважаемого толстого журнала. Говорили разное. Что журнал принад-

лежит русской литературе, советской литературе, Союзу писателей, наконец. Что надо понять: литература не делается людьми одного направления. Что «НМ» публиковал людей, которые ругали нашего главного редактора. Что читатели считают: вы не политизированы, и мы вам верим. Я записал слова Ирины Бенционовны Роднянской: «Мы участвуем в исторической попытке реализовать

Залыгин тоже был взволнован. Надо прямо смотреть в глаза действительности, говорил он, я чувствую: еще десять шагов — и катастрофа неисправима. За последние три месяца я сам напращивался к разным членам Политбюро — помогите сориентироваться! Не помогли. Но как-то ориентироваться надо. На нас лежит эта задача в каждом номере, и мы человечеству безразличны. Они пони-

«Новый мир» перестроечных лет был журналом именно залыгинским, управляемым им «самовластно и единовластно», он был отражением и выражением его личной, вполне, конечно, противоречивой, но глубоко гуманистической и антикоммунистической позиции

идею культурного консенсуса вечных ценностей. Политическая жизнь — против нас. Мыслящая интеллигенция будет сплачиваться — вот притягательность этой, может быть, не до конца сформулированной позиции. Мы инстинктивно почувствуем свою общую линию».

мают: наша катастрофа будет и их катастрофой. И выход: космополитизм в самом лучшем смысле этого слова. Давайте подумаем вместе по поводу действительности, чтобы ее перенести в журнал!

Агрессивное съездовское большинство — оно откуда? Эти еще хорошие

люди их выбрали. Междусобойчик, хотя и многомиллионный, — это еще не все... И в конце он сказал:

— Господи, проходил бы съезд на том уровне, на каком мы сегодня разговариваем!

Дискуссия редколлегией не закончилась, она продолжалась тогда в редакции и вылилась в целую серию очень важных для того времени публикаций. А еще через семь лет редакция поставила все эти вопросы в анкету перед своими читателями. Но это была уже другая эпоха...

С тех пор прошло почти тридцать лет. Я долго вел собственный журнал

— Погодите, — сказал бы мне С.П., пригласив в кабинет на долгий разговор (как он любил делать, один на один). Он бы подготовился к разговору и запасся аргументами. Послушав про «Вестник Европы» (который я стану издавать через двадцать лет после того, как покинул «Новый мир»), он мог бы спросить:

— А как же Пушкин? Его «Современник»? Там никакой программной статьи, насколько я помню, не было!

И правда.

В самом первом номере «Современника» была опубликована как авторская, но анонимная, дерзкая статья Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году». Она была воспринята современниками как программная и вызвала некоторое волнение в журнальном мире. Это вынудило Пушкина в третьем томе журнала заявить: «Издатель «Современника» не печатал никакой программы своего журнала, полагая, что слова литературный журнал уж заключают в себе достаточное объяснение».

Еще В.Б. Шкловский предлагал издать журнал как «литературную форму». Современное литературоведение уже давно относит журналистику, эссеистику и даже письма, дневники и документы к литературе. Считается, что «любой текст, входящий в журнальное целое, приобретает характер журнальной статьи». С этой точки зрения было бы любопытно взглянуть на перестроечные публикации «Нового мира». Безусловно, так оно и было. «Архипелаг», или Хайек, или Оруэлл

становились острейшей журнальной публицистикой, частью «метатекста», как и страницы публикуемой прозы Астафьева, Можяева, Белова, самого Залыгина. Читатель ведь так журнал и воспринимал — как целостное произведение, продолжающееся из месяца в месяц.

Тут было бы уместно привести один пассаж из той, скандальной статьи Гоголя «О движении журнальной литературы»: «Никто тогда не позаботился о весьма важном вопросе: должен ли журнал иметь один определенный тон, одно уполномоченное мнение, или быть складочным местом всех мнений и толков». «Новый мир» Залыгина «складочным местом» не был, конечно. Так что в этом смысле — «НМ был журнал с программой. Она была в голове главного редактора.

Залыгин: «...Если бы я не имел в виду публиковать «Доктора Живаго», запретного Домбровского, Платонова, Набокова, Бунина, а Солженицына — прежде всего, я и на «Новый мир» не пошел бы. И уже сам факт назначения меня на этот пост я расценивал как уступку властей предрешающих этой тенденции, поскольку я ее не только не скрывал, но и подчеркивал: это моя цель».

«Новый мир» перестроечных лет был журналом именно залыгинским, управляемым им «самовластно и единовластно», он был отражением и выражением его личной, вполне, конечно, противоречивой, но глубоко гуманистической и антикоммунистической позиции. Когда появилась малейшая возможность, этого он уже не скрывал.

Все мы работали на доброе имя журнала, сложившееся задолго до нас.

С.П. раз в год писал свои пространственные статьи-эссе. Они шли по отделу публицистики, и мы редактировали их. Они не давали ответов, а состояли в основном из мучивших его вопросов. И в каждый номер он писал предисловия и послесловия и комментарии к материалам, не только важнейшим, но даже и проходным, если они его чем-то заделали. Он предуведомлял публикации ныне допущенных к читателю русских писателей и философов, как и впервые публикуемых новых авторов «дикой прозы», например, Леонида Габышева, чью вещь считал наиважнейшей, голосом из народа, — в романе «Одлян, или Воздух свободы» этот писатель рассказал о колонии для несовершеннолетних, а жизнь закончил трагически, в психоневрологическом диспансере. В редакцию роман принес Андрей Битов.

Архив

Сергей Залыгин

«Вестник Европы», и тема эта меня до сих пор волнует.

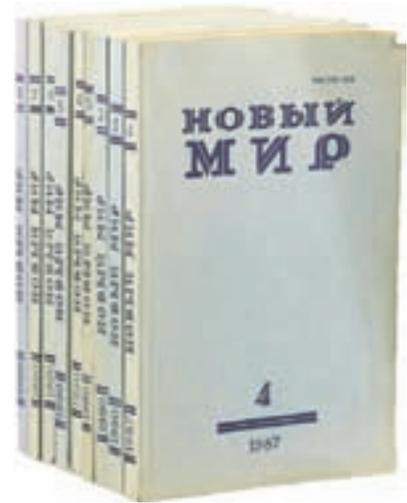
Если бы можно было продолжить тот разговор! Я бы напомнил, что Николай Карамзин поместил издательский манифест-программу в первом номере «Вестника Европы» (1802 год).

Сергей Залыгин

и его «Новый мир»

19 89-й заканчивался плохо. 14 декабря 1989 года умер Андрей Дмитриевич

Сахаров, демократическая Москва вышла проститься с ним. И мы там были, у Дома молодежи, в многочасовой очереди на декабрьском ветру. «НМ» опубликовал от имени редакции некролог. Написал его академик С.П. Залыгин.

Журнал только что закончил историческую битву за «Архипелаг ГУЛАГ» и выиграл ее. Залыгин объявил в первом номере 1990-й «Годом Солженицына». Алла Латынина писала в программной для журнала статье: «Круг подлинных идей Солженицына, явленных в его книгах, неминуемо будет получать все большее распространение. Иные опасаются сегодня, что эти идеи могут укрепить экстремистские тенденции. Напрасно. Именно голос Солженицына, трезвый, примиряющий голос, предлагающий задуматься над мирными выходами для страны, над бесплодием всякой национальной ненависти, над продуктивностью пути медленных и терпеливых реформ, может сыграть благотворную роль в нашем раздираемом социальными и национальными противоречиями обществе».

Статья социолога Игоря Клямкина «Почему трудно говорить правду. Выбранные места из истории одной болезни» увидела свет во втором номере за 1989 год. Опубликованная в одной журнальной книжке с «1984» Джорджа Оруэлла, она имела большой резонанс, сравнимый даже, может быть, с оруэлловским.

Статью предваряло набранное курсивом многословное предисловие без подписи. По стилю угадывается рука С.П. Залыгина: «И только одно обстоятельство, один вопрос омрачает эту переоценку: да где же она была-то, правда, когда вчера было днем сегодняшним?»

И в конце: «Попытка сама по себе, конечно же, не безупречна, и не во всем

редакция согласна с автором, но дело не в этом, дело в том, что такие попытки обязательно должны быть свободны как от редакторского, так и от любого другого диктата и насилия».

Наши авторы, каждый по-своему, пытались доискиваться до оснований сложившегося за 70 лет положения вещей. Прозвучало страшное слово «оккупация». И. Клямкин писал: «...Стоило бы, наверное, задуматься, почему трещина конфликта прорезала прежде всего сферу идеологии, почему не затронула (пока) экономику и политику. Не потому ли, что «руководящая роль» прежде всего до сих пор и заключалась в идеологической оккупации и экономики, и всего остального».

Читателю предлагалось подумать об отечественной истории как об оккупации страны одной политической группой, прямо и открыто провозгласившей своим инструментом внеправовой классовый террор, ныне трактуемый как геноцид.

А вот 1990 год, десятый номер. Отбросив невозмутимую академичность, журнал как в набат бил раскаленными текстами Василия Илларионовича Селюнина: «Чтобы овладеть ситуацией, в запасе у нас разве что месяцы... Продажа сахара, маргарина, картофеля, фруктов, фотоаппаратов, мотоциклов, легковых автомобилей, лесоматериалов сократилась в прошлом году настолько, что потерю выручки не удалось перекрыть даже ростом цен. Чего действительно на прилавках прибавилось, так это водки... На карту поставлено все. Костлявая рука товарного голода вполне способна задушить перестройку, а с нею и наши надежды на лучшую долю».

И дальше, как приговор системе: «Нам предстоит изменить способ производства и социальный строй, не более, не менее. Это не объявлено, но это следует из тех теорий, которых придерживаются реформаторы... Потеряв темп, мы все равно начнем радикальную перестройку, другого шанса на спасение у нас просто нет, однако вынуждены будем перестраиваться в обстановке хозяйственного хаоса. Могли и не сделали — история не простит нам такого разгильдяйства».

Статья социолога, профессора Владимира Шубкина тоже была о корневых идеологических причинах нашего исторического фиаско. Статья большая, с рядом нетривиальных и сегодня мыслей, коротко ее не перескажешь. Одна только цитата: «Претензия быть одновременно кесарем и Богом, обеспечить полное господство над человеком могла реализоваться лишь через утверждение тоталитарного государства. Для этого надо было уничтожить религию, Бога... Без этого нельзя было сохранить власть. Это было нужно и для «формирования нового человека», который признавал бы эту власть не только законной, но и своей. Как тут не вспомнить оруэлловское Министерство Любви, задача которого не просто заставить покаяться в ошибочности своих политических взглядов, но полюбить всем сердцем систему и Большого Брата. Из террора, насилия, массовых репрессий и выросло такое государство. Оно начало с конструирования системы, основанной на страхе и мифах. Те, кто их не признавал, подлежали уничтожению». Это из июньской книжки журнала за 1991 год.

Читаешь и удивляешься: как далеко ушли мы от того времени гласности, почти что свободы! Гласность уже сломала какие-то позвонки Левиафана. Он потерял резвость и напор, но еще была цензура, хотя и пребывавшая в смятении; была еще власть одной непререкаемой партии. Но крамольные мысли произносились уже вслух, их печатали, а читать в советских изданиях — это совсем другое, чем услышать под одеялом по вражескому радио. Их начинало слышать общество, не понимая, что его ждет завтра.

Странно и удивительно читать сейчас сплошняком, том за томом, выцветшие уже голубенькие номера «Нового мира»

«Нового мира» за 1990 г. в качестве № 5, 6, 7 и 8 за 1991 г.».

Тот год был последним с высоким тиражом, потом началось его стремительное падение. 8-й номер 91-го года отпечатан уже тиражом в 896 тысяч копий. Огромная цифра, но в три раза меньше, чем год назад. Опубликовали мощный роман Виктора Астафьева «Проклятые и убитые». Вся редколлегия поддержала публикацию. Ветераны Великой Отечественной завалили журнал письмами благодарности за правду о войне.

«НМ» продолжил обещанные публикации Солженицына («В круте первом», «Раковый корпус», «Бодался теленок с дубом», «Красное колесо»), но это уже было далеко от нерва общественного интереса.

К публикации Залыгин написал довольно туманную врезку «От редакции»: «Новый мир», будучи журналом прежде всего литературным, не может ставить перед собой задачу не только систематически, но и периодически, через год, полтора, два, публиковать обзоры (статьи, впечатления, дневники, заметки) такого рода, но в то же время он этой задаче и не чужд, мы будем признательны тем авторам, которые возьмут на себя труд выступить на наших страницах в том же плане, безусловно, интересном и необходимом для современного читателя».

Историограф я оказался не самый лучший. Но перечитывая сейчас тридцатилетней давности текст, вижу, что нечто важное отметил: «И все-таки, что бы ни говорили, в 1991–1992 годах произошла настоящая революция, передача власти не от одного поколения к следующему, а через поколение, лишившая власти и наследства поколение шестидесятников, тех, кто дышал ей в затылок. Вот в чем революция, в чем дерзость ельцинского маневра. В этом его и рискованность, потому что теперь, чтобы закрепить победу, нужно в свое время передать эстафету власти еще более молодым, тем, кто только и способен вытащить Россию из исторического тупика, куда ее загнала одряхлевшая диктатура».

« Крамольные мысли произносились уже вслух, их печатали, а читать в советских изданиях — это совсем другое, чем услышать под одеялом по вражескому радио. Их начинало слышать общество, не понимая, что его ждет завтра

конца восьмидесятых — начала девяностых. Прозрение, начало понимания, что с нами было, и, совсем пока редко, попытки осмысленного взгляда в будущее.

Господи, думаю, какое внутреннее чувство свободного полета и бесстрашность мы тогда уже обрели, если писали и публиковали такие тексты. И постепенно теряли высоту в холодеющих потоках воздуха.

В августе 1991 года, когда страна пережила и полный слом всей советской политической машины, читателям «НМ» доставляли не вышедшие в 90-м прошлогодние номера.

Пришлось печатать предупреждение: «УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ! По независящим от редакции журнала «Новый мир» и издательства «Известия» обстоятельствам не выпущены последние четыре номера журнала за прошлый год. Поэтому мы печатаем № 9, 10, 11 и 12

В голодном и тревожном декабре 91-го читать про «Апрель 17-го» поучительно, но засесть за чтение — психологически трудно.

В октябре 91-го я ушел из «Нового мира».

Тем временем мой друг Егор Гайдар неожиданно стал первым вице-премьером России. Я, как мог, помогал правительству реформ. Весь 92-й год я летал и ездил с Егором по стране, ходил, как на работу, на съезды народных депутатов и разных партий, участвовал в круглых столах с забастовочными комитетами, переговорах с ушедшими в свободное плавание независимыми уже республиками... 14 декабря 1992 года Гайдар был отправлен в отставку, премьером назначен Виктор Черномырдин.

А в мартовском номере за 1993 год «НМ» опубликовал мою большую статью «Попытка Гайдара. Помесячные записки историографа правительства реформ».

Сергей Павлович Залыгин был писателем очень русский, а русского писателя, как правило, автодиакта, глубокого гуманитарного образования не получившего, заносит в философию. Вот и Залыгин был хоть и полномасштабный академик, но такой домашний философ. Мысли к нему приходили неожиданные, иногда он их записывал в тетрадку: «14.VIII.1989. И еще повторяю: во времена-то партийной диктатуры я не был ни антикоммунистом, ни антипартийцем, ничего не слышал ни о Мандельштаме, ни о Пильняке... Конечно, когда в 1986 году я дал согласие пойти на «Новый мир», я этого не знал, не предвидел, задача была другая — пробить государственную цензуру, открыть русскому и русскоязычному читателю все те литературные (причем в самом широком смысле этого слова) богатства, которые скрывал тоталитаризм от народа».

Сергей Павлович Залыгин был главным редактором «Нового мира» 12 лет. Он ушел в отставку, подписав в печать апрельский номер 1998 года. Умер 19 апреля 2000 года в возрасте 86 лет.

Виктор Ярошенко

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ «ГОРБИ»

Китай и недовольный Мао. НАТО и Варшавский договор. Югославия и примирение с маршалом Тито. Госдоговор с Австрией.

Первое издание «разрядки»... Таковы были первые шаги по сближению СССР с остальным миром после смерти Сталина.

Почему их сделал именно Никита Хрущев и чего он смог добиться — рассказывает

российский и американский профессор-международник, политолог **Нина ХРУЩЕВА**, написавшая биографию своего легендарного прадеда «Никита Хрущев: вождь вне системы». Печатаем главу из будущей книги.

НОВИЧОК В МЕЖДУНАРОДНЫХ ДЕЛАХ
ВЫХОДИТ НА МИРОВУЮ АРЕНУ

Первые заграничные

Никиты Хрущева

Нина Хрущева

«Сталин при любых разговорах о взаимоотношениях СССР и капиталистического мира все время внушал нам, что мы котьята, телята, ничего не смыслим, нас иностранцы обведут вокруг пальца. <...> Ни разу он не высказал никакой уверенности в том, что мы сможем достойно представлять свое социалистическое государство, защищать его интересы на международной арене <...> не нанося нам ущерба, строить на равноправной основе отношения между государствами так, чтобы укреплялся мир. <...> Выезд Дуньки в Европу оказался успешным, с демонстрацией того, что мы ориентируемся в международных делах и без сталинских указаний».

Н.С. Хрущев. «Воспоминания»

Пока Маленков оставался на хозяйстве в Москве, в сентябре 1954 года Хрущев возглавил партийную делегацию на празднование пятой годовщины образования социалистической Китайской Народной Республики.

Новичок в международных делах, он хотел заново обаять китайцев. Нужно было заверить Мао Цзэдуна, столпа постсталинского мира, в дружбе СССР. И в Пекин отправились многочисленные кремлевцы — от патриархов Булганина и Микояна до «молодежи» — Екатерины Фурцевой, первого секретаря МГК, и начальника комсомола Александра Шелепина.

После смерти Сталина задача Хрущева была убедить китайских товарищей, что новый Кремль будет не менее преданным партнером. Он так старался, что перед визитом поставил себя в трудное положение, пообещав Чжоу Эньлаю, премьеру Государственного административного совета КНР, что советская сторона выполнит все предыдущие обязательства. Искусный переговорщик Чжоу — образованный и с опытом жизни в Европе и Японии — заставил того поверить, что сталинский СССР дал Китаю колоссальные обещания, и если «коллективное

руководство» хочет, чтобы его воспринимали серьезно, оно обязано все-все исполнить.

Хрущев стремился заключить соглашение к поездке, обещая КНР строительство заводов и возврат крепости Порт-Артур на Желтом море, военную базу, использование которой СССР и Китай делили между собой.

В новой, более коллегиальной теперь атмосфере Ворошилов возражал: такая щедрость «ослабит позиции Кремля». Хрущев задиристо спрашивал: «Клим, ты что задумал? Все уже согласовали, а ты сейчас, прямо перед отъездом в Пекин, заупрямился и выступаешь против». Клим не менее задиристо отвечал: «Прежде всего, позвольте мне поблагодарить партию и ее Центральный комитет за то, что людей больше не арестовывают и не бросают в тюрьмы за несогласные взгляды, и что теперь можно говорить то, что думаешь».

ровать то, что хотел Берия и предполагал Маленков. Из первых же визитов видно, что в международных отношениях Хрущев продолжил начинания своих соперников и даже от Сталина не во всем отказался. В переписке с американским журналистом Кингсбэри Смитом Сталин допускал, что «правительство СССР могло бы сотрудничать с Соединенными Штатами Америки в проведении мероприятий, которые направлены на осуществление пакта мира и ведут к постепенному разоружению».

После обмена депешами Белый дом воспринял его «мирные инициативы» с «большим скептицизмом о мотивах советского лидера», и потепление не состоялось. В апреле 1949 года НАТО стало официальным военным блоком. Уинстон Черчилль уже произнес свою «фултонскую речь», призвав капиталистические страны объединиться против угрозы же-

Gamma-Keystone

Хрущев и Мао Цзэдун

Проявив недюжинное красноречие, Хрущев убедил Ворошилова, что соглашение необходимо для улучшения советско-китайских отношений. Когда отношения с Пекином вконец испортились в конце 1950-х, он с горечью думал об этих потраченных усилиях. А ведь из тех разочарований мог бы извлечь урок — никогда не торопить события.

С Мао было трудно даже при наличии соглашения. Он «ходил спокойно, медлительно, вроде как медведь», читая московским гостям бесконечные лекции, показывая, что «никого не считает равным себе и сможет дружить только с теми, кто будет признавать его превосходство». Поездка все-таки удалась: все прошло без конфронтации.

Теперь можно было устремлять взгляд в Европу; улучшить или переформули-

лезного занавеса от СССР. И теперь для Хрущева на первом месте стояло ослабление напряженности в Европе.

Его главной международной задачей стало разрешение австрийского вопроса. Раньше Москва утверждала, что его нельзя решить без общего урегулирования с Германией. Но в январе 1955 года Советский Союз согласился на вывод оккупационных войск из Австрии взамен на гарантии нейтралитета страны. 15 мая был заключен австрийский государственный договор.

Первые заграницы

Никиты Хрущева

Молотов противился: оккупированную Австрию лучше использовать как буфер. Но Хрущев проявил себя как первоклассный пропагандист-международник, посчитав, что выгода от управления советской зоной не оправдывает огромных затрат. Вывод советских войск из Австрии ничего не стоил Москве в стратегическом плане, зато вбивал нейтральный клин между Германией и Италией — членами НАТО. Осенью, после консультации с маршалом Жуковым, он вывел советские войска и с территории Финляндии, объясняя это решение доброй волей и добрососедством.

На пенсии Хрущев вспоминал, как в начале 1950-х Сталин не раз поднимал австрийский вопрос: «Зря мы не подписали мирный договор», — и гордился тем, что подписал: «Мы, руководители советского государства, были очень довольны, что именно по нашей инициативе достигнута договоренность великих держав по столь сложному и важному вопросу. <...> Если образно говорить, то мы в своей международной политике сменили детские штанишки на брюки взрослых людей. Наш успешный дебют был признан не только в СССР, но и за рубежом, что тоже имело большое значение».

Он был прав. Директор Центра Бруно Крайского за Международный диалог в Вене Гертруда Ауер говорила мне, как австрийский канцлер Крайский неоднократно замечал, что процветанием, спокойствием и свободой страна обязана Никите Сергеевичу, которого он вспоминал как «товарища с великолепным чувством юмора». Хрущев потом очень хорошо ладил с австрийцами, неоднократно бывал в Вене, даже встречался там с Джоном Кеннеди в 1961 году.

Наряду с Австрией обсуждали Японию, неплохо бы и с ней договор заключить. Осенью 1956 года в Москве была подписана советско-японская декларация, она еще не была мирным договором, но уже прекращала состояние войны между двумя государствами, так и не оформленное после победы.

Через несколько лет на пути к окончательному миру встал вопрос Курильских островов и территорий, но пока отношения развивались.

Вдруг на одном из больших обедов — были Булганин, Микоян и другие — прабабушка (Нина Петровна Хрущева. — Ред.) предложила: «А если я поеду туда, мы поедим с женской миссией мира, мы — все жены». Жены за границу не ездили. Это было наследием Сталина — он считал жен не заслуживающими доверия — особенно после самоубийства Надежды. Вообще, поездки с супругами отвергались как буржуазная роскошь, недостойная коммунистического аскетизма, а отправить жен одних вообще было чем-то неслыханным.

«Ворошилов даже жевать перестал, а Булганин рюмку отставил от удивления», — вспоминала этот разговор тетя Рада. Прадедусе идея очень понравилась, но от нее пришлось отказаться: «Молотова инфаркт хватит, мы его на Австрию, одни мужчины, еле уломали. Я уже давно добиваюсь от него ответа, почему же Сталин не заключил официальный мир с Японией. Ни разу он не смог нам внятно объяснить». (Здесь и далее курсивом автор выделяет свои личные воспоминания в тексте научной биографии. — Ред.)

Государственный договор с Австрией должен был показать Федеративной Республике Германия преимущества нейтралитета. Кремль несколько лет пытался предотвратить перевооружение ФРГ, и в начале 1954 года даже предложил создать единую, разоруженную и нейтральную, Германию. Идея была похожей на ту, из-за которой напали на Берия в 1953-м, но теперь все было представлено как часть политики раз-

рядки, а не как поспешная капитуляция перед капитализмом.

Не получилось. В начале мая 1955 года союзники признали суверенитет западных немцев, а ФРГ, в свою очередь, ратифицировала Парижские соглашения предыдущего года и вступила в НАТО. Москва сразу же подписала договор с Австрией и аннулировала военные договоры о дружбе с Францией и Великобританией. Через неделю СССР и соцстраны образовали Организацию Варшавского договора.

Тем не менее «мирное сосуществование» шло полным ходом. Уже осенью канцлер ФРГ Конрад Аденауэр приехал в Москву для обсуждения нормализации отношений. Выгоды от экономических, даже политических связей с Бонном были важнее идеологических стычек. В результате обе стороны установили первые дипломатические и торговые связи, а 10 000 репатриированных немецких военнопленных досрочно вернулись на родину.

ФРГ предлагала огромную финансовую помощь Восточной Германии в обмен на воссоединение — по сути, Аденауэр предложил выкупить ГДР у Кремля. На это мог пойти расчетливый Берия, но не романтик коммунизма Хрущев. Он рассматривал ситуацию с точки зрения теории домино: «Если бы мы поддались на подобные уговоры или угрозы, это стало бы политическим и стратегическим отступлением, отказом от ГДР, от ее пути социалистического развития. Это вдохновило бы агрессивные силы Западной Германии на еще больший нажим, чтобы потом отодвинуть польскую границу восточнее. <...> Это могло послужить началом цепной реакции. На это мы никак не могли пойти».

Все эти процессы в конце концов произошли через 35 лет, в 1989 году, в результате падения тогда еще даже не возведенной Берлинской стены. Произойди это раньше, сколько жизней можно было спасти, сколько ошибок избежать. И все же Хрущев не был не прав — со времен разрушения «железного занавеса» у Запада действительно появились новые возможности оказывать на Россию все большее давление.

Аденауэр был глубоким антисоветчиком — особенно он возмущался атеизмом первого секретаря — а Хрущев видел в нем враждебного «представителя крупного капитала», «мелочного человека», способного на «грубую лезть». Это

и сначала студентка Лена тихо забирала вино на вечеринки в институт, а потом мама Юля, поступив в университет на факультет журналистики, таскала из кладовки бутылки на свои тусовки. Советская молодежь в иностранных винах не разбиралась, и она брала то, что выглядело попроще, в основном рислинг. Наверное, он был хорошим и дорогим, но кислым, и молодые журналисты сыпали туда сахар ложками. Когда Аджубей случайно их застукал, он устроил Лене и Юле взбучку — не за то, что крали, а за то, что портили изысканный букет. Юным Хрущевым влетело и за порчу забора.

Александр Галич и Геннадий Шпаликов еще только напишут свое знаменитое:

кровительственного ока Нины Петровны. «Стукачи» обходили территорию и иногда замечали дырки в ограде; их заделывали, но молодые Хрущевы потом отрывали доски в других местах. Я пишу это, чтобы при виде сегодняшних новоогаревских и других заграждений — трехметровых, опоясывающих политических начальников и финансовых олигархов двойным (в основном зеленым, сделанным в Китае) сплошным полотном, — люди не думали, что так было всегда. Сталинским соколам было далеко до наших современников.

Одним из главных пунктов в кремлевской повестке была Югославия. Робкие попытки связей между двумя странами были восстановлены еще Берией в 1953 году, тогда несанкционированные и вызвавшие возмущение коллег. Но в 1955-м Хрущев хотел уже большего, чем просто вежливую дипломатию, — он хотел создать формальное партнерство между Союзом коммунистов Югославии (СКЮ) и КПСС. Во-первых, Тито ему нравился. Во-вторых, независимость Тито мешала Москве претендовать на лидерство в мировом социализме. Если Кремль будет исповедовать политику «невмешательства» и позволит всем коммунистическим партиям развиваться по-своему, то сближение с Тито только усилит социалистический блок, рассуждал он.

С начала февраля 1954 года Хрущев пытался урегулировать югославский вопрос, но Молотов и его Министерство иностранных дел были против: Югославия — это «буржуазное» государство, маскирующееся социалистической фразеологией.

Хрущев уже готов был оставить попытки, но Тито вдруг захотел урегулирования. Первый секретарь второй раз вынес вопрос на президиум, который обсуждал Югославию еще шесть раз. Сулова попросили переделать доклад, и вторая версия допускала, что разрыв отношений 1948 года был «ошибкой», так как только укрепил позиции Тито.

С советской стороны в разрыве обвинили Берия, с югославской — Джиласа, которого Тито исключил из своего руководства за требования большей демократии. Новый документ предлагал КПСС начать переговоры с СКЮ, по поводу чего яростно протестовал Молотов: для поддержания международных контактов нужно использовать государственные, а не партийные каналы.

Getty Images

Хрущев и Иосип Броз Тито

не мешало им поддерживать отношения. Немец коллекционировал алкоголь, и Хрущев, всегда готовый похвастаться достижениями социализма, слал ему ящики с грузинской, крымской и молдавской продукцией. В ответ он получал рислинг, мускат и изысканное ледяное вино.

Когда дома не было гостей, эти бутылки стояли нетронутыми. Никто эти дегустаторские подарки не отслеживал,

*Мы поехали за город,
А за городом дожди,
А за городом заборы,
За заборами — вожди.*

Все правда, забор на даче первого секретаря в Огарево был внушительный — двухметровый — и, как следует из песни: «Там глядят из-за забора на прохожих стукачи». Но охранников было немного, и через выломанные доски можно было, не светясь на проходной, ускользнуть с вином от по-

Первые заграницы

Никиты Хрущева

Возвращение Югославии в социалистический «демократический лагерь» станет «серьезной победой международного коммунистического движения» — так новую политику объяснили другим соцстранам. И 22 июня Президиум в письме к Тито пригласил его к переговорам, свалив все предыдущие проблемы на Берию и Джиласа.

Реакция маршала была сдержанной — инициатива в принципе приветствуется. Под напором нетерпеливого Хрущева Президиум послал новое письмо. Тито ответил только 11 августа: он согласился с возможностями улучшить отношения; межпартийные контакты посчитал преждевременными; про Берию сказал, что не знает о его плохом отношении к Белграду, а Джилас тут вообще ни при чем.

Хрущев не сдавался. Чтобы задобрить несговорчивого маршала, даже ликвидировал созданные после 1948 года «Союз югославских патриотов за освобождение Югославии от фашистского ига клики Тито-Ранковича и империалистического рабства» и газету «За социалистическую Югославию». Хрущев отправил третье письмо «товарищу Тито», уже от себя. Он заверил маршала в политике «невмешательства во внутренние дела других стран» и призвал возобновить контакты ради дела социализма.

23 ноября ЦК СКЮ письменно согласился на переговоры, но «тяни-толкай» между двумя сторонами длился еще полгода, с периодическими выплесками гнева от советского министра иностранных дел. «К фашистам едете на поклон!» — возмущался Молотов — югославские коммунисты отвергли марксизм-ленинизм.

Президиум не разделял гнев министра. Кремлевцы не преминули припомнить ему Договор о ненападении 1939 года; его попытки задобрить Гитлера и Риббентропа. «Это забыл. Что лучше?» — саркастически спрашивал Хрущев. «Тито или Риббентроп, или Гитлер?» — вторил ему Булганин. Спор продолжался и на за-

седаниях Президиума 23 и 25 мая, пока шла выработка окончательного текста выступления Хрущева в Белграде.

Эта речь по прибытии в аэропорт 26 мая началась с «искренних извинений». Первый секретарь, в нескладном парусиновом костюме, призвал к «взаимопониманию на основе марксизма-ленинизма» и снова попытался свалить все на Берию. Тито, в белой импозантной форме маршала, недовольно фыркнул, остановив переводчика. «Мы все понимаем по-русски», — отрезал он и раздраженно сел в машину. Хрущев в тот раз стерпел, хотя в будущем он станет менее сдержан в ответ на несогласия и оскорбления.

Гостей отвезли в Белый дворец, резиденцию маршала в Белграде, построенную перед войной для последних югославских королей. Она поражала роскошью — мебелью в наполеоновском стиле, пышными персидскими коврами, сверкающими итальянскими люстрами. В то время социализм советских начальников был в общем скромным. Сталин был аскетом, и его соратники жили с учетной мебелью и одинаковыми сервизами, распределяемыми государством. Ели и пили они, не как обычные люди, и жили в просторе и с удобствами, но сама обстановка была без претензий. Роскошь началась позже. Тито же обосновался во дворце, как коммунистический король. Советская делегация только ахала, а Молотов бы точно упал в обморок от буржуазности.

Хрущеву Югославия показалась нищей. В их деревнях, которые он попросил показать, «бедность бросалась в глаза. Мы сами были не богаты, но югославы были еще беднее». Пока он разъезжал по окрестностям, Булганин и другие отдыха-

ли в столице. В резиденциях, где проходили встречи, великолепие било через край.

Когда 27 мая начались переговоры, Хрущев делал упор на недавнее сталинское прошлое, сокрушался о «потере многих честных товарищей», обещал «освободить тысячи людей и вернуть их в партию». В этих выступлениях формировалось и его собственное отношение к Сталину.

Тито кивал, но прощать Кремль за Сталина не спешил. Визит нового руководства в Югославию был их почти первым дипломатическим выходом в западный мир. Журналисты, приглашенные на предотъездный прием в советском посольстве, писали о Хрущеве: этот упитанный лысеющий экстраверт в мешковатом черном костюме нелепо смотрится на фоне элегантных кителей и смокингов хозяев; он излучает энергию, но не интеллект; громкий шут, который долго не протянет. Распространенная ошибка многих, недооценивавших Хрущева.

Поездка все же была полезной. Тито согласился начать обсуждение партийных вопросов. На заседании Президиума 6 июня Хрущев отчитался о контактах, для развития которых потребуется «решимость и терпение».

Молотов по-прежнему сомневался. 9 июля на пленуме ЦК опять обсуждали Югославию. За министром иностранных дел признали право не соглашаться с другими членами Президиума, но разговор шел на повышенных тонах. Хрущев сказал, что, когда в 1948 году югославы обвиняли в «национализме» от имени Политбюро, его мнения никто не спросил, а если бы Сталина правильно информировали о ситуации в Югославии,

«он бы глубже рассмотрел этот вопрос и не допустил разрыва». Именно Берия и Абакумов сфабриковали в Венгрии процесс над Ласло Райком, которого в 1949 году обвинили в шпионаже в пользу Америки и Тито.

Молотов настаивал, что виноваты югославы: на их VI съезде Союза коммунистов в 1952 году они назвали СССР «новой агрессивной силой, претендующей на мировую гегемонию и представляющей собой угрозу миру во всем мире». Хрущев парировал, что это было в разгар Корейской войны, которую начал Советский Союз. «Кому была нужна эта война?» — добавил он.

Спорил с Молотовым и Михаил Суслов — он был признанным консер-

Молотову пришлось признать свои ошибки. Партийная дисциплина взяла верх.

Этот пленум был знаменателен тем, что бывшие старшие соратники активно превозносили лидерство Хрущева. «Приятнее всего то, что товарищ Хрущев вместе с нами растет и овладевает руководством нашим сложным государством и партийным организмом», — декларировал его бывший благодетель Каганович.

Никита Сергеевич пока реагировал на комплименты скромно, но с очевидным удовлетворением.

Дихотомия была создана: глядящий в светлое будущее Хрущев и замшелый про-сталинский Молотов, отрицающий руководящую роль партии. Чтобы еще боль-

партии при Сталине. Наоборот, старались обелить Сталина, насколько это было возможно. <...> А все наши невзгоды валили на Ежова, а главным образом — на Берия. <...> Я впервые услышал откровенную характеристику Сталина именно от югославов. <...> Подспудно я сам это понимал, но настолько еще был подавлен авторитетом Сталина, что был не в состоянии назвать вещи своими именами. У меня существовала раздвоенность сознания».

Обсуждение Югославии на июльском пленуме 1955 года было и обсуждением Сталина, что, естественно, потрясало его старейшего соратника «Молотштейна». Этот пленум объявил о созыве XX съезда в феврале следующего года.

Потепление с Югославией и австрийский договор ослабили международную напряженность. Понижение градуса дебатов о Германии открыло путь к встрече в верхах бывших союзников во Второй мировой войне.

Женевский саммит летом 1955 года между лидерами СССР, США, Франции и Великобритании стал важнейшим международным мероприятием Хрущева. Позже он писал: «Мы живем на одной планете, и нерешенные вопросы беспокоят каждого. Надо примериться, как жить, как строить свои взаимоотношения. Я считаю, что в Женеве состоялась очень полезная встреча».

Минимальный заграничный опыт прадедушки вселял неуверенность: все ли он правильно сделает, и в одежде, и в манерах. В поездки с ним уже тогда ездила кастелянша Мария Соловей, следила за гардеробом, но советов по манерам, естественно, не давала. Прабабушка перед отъездом деликатно наставляла: «Сначала осмотрись». Никита Сергеевич, хоть и сомневался в себе, задиристо отвечал: «Буду как есть. В их пингвиньи фраки наряжаться не буду. Хотят иметь дело с государством рабочих и крестьян, пусть с рабочим и крестьянином и имеют дело».

Хрущев хотел произвести наилучшее впечатление на своих западных коллег, но в Женеву неопытная советская делегация прибыла скромно, на двухмоторном «Илюшине». У других стран были впечатляющие четыре мотора. Особенно кремлевцев поразил борт президента США Дуайта Эйзенхауэра. А после церемонии приветствия за его автомобилем бежали «здоровые парни» в черном.

Архив

Микоян, Хрущев и Иосип Броз Тито

ватором (говорят, Сталин готовил его в преемники; впрочем, с годами количество таких претендентов растет), но пока следовал хрущевской партийной линии и казался даже полезным своей бескомпромиссностью. Микоян аргументированно говорил о привязанности Молотова к старым «ярлыкам». Расширив географию, он привел пример Индии: это больше не «буржуазно-помещичье государство»; там ликвидирован феодализм и проводится аграрная реформа. Как всегда, Анастас Иванович говорил так, как будто никакого отношения к предыдущим сталинским перегибам не имел и просто рассуждал с позиций логики и здравого смысла.

ше ограничить его влияние на внешнюю политику, дипломатический корпус начал наполняться членами ЦК: в мае 1955 года послом в Польшу был назначен бывший министр культуры Пономаренко, сменились послы в Чехословакии и Румынии. Угрозы власти Молотов не представлял, но его верность сталинской ортодоксии, и не только в международных отношениях, мешала Хрущеву освободиться от старых догм.

В мемуарах он писал: «Мы тогда еще не раскрыли злоупотреблений Сталина. XX съезд КПСС был впереди. А в 1955 г. мы просто не созрели для того, чтобы выговорить слова, правильно характеризующие положение дел, создавшееся в

Первые заграницы

Никиты Хрущева

Э то действие с охранниками показалось нашим партийным чиновникам эффективным, но излишне театральным. По протоколу только Булганин, глава государства, был приглашен на обход швейцарского почетного караула. Николай Александрович пошел, а стоящему рядом Хрущеву высокий офицер преградил дорогу — вдруг он тоже захочет. Тот обиделся, хотя идти не собирался.

Аджубей потом рассказывал, что к концу жизни у Никиты Сергеевича накопилось множество историй о том, как «западные коллеги», иногда даже сами того не замечая, просто не могли относиться к лидерам СССР на равных. Впрочем, эта проблема преследует представителей Кремля до сих пор. Русские действительно часто дают повод, но так или иначе равенства в отношениях нет. Владимир Путин объяснял такой западный подход к России полвека спустя: «Хотят Россию как-то ущипнуть, если она не следует командам, как себя вести. Русские немножко дикие, они только с дерева слезли, и, может быть, их надо немного причесать и бороды подстричь. <...> Это цивилизующая функция. Но это прием влияния, а это неправильный путь. Правильно было бы найти общие точки соприкосновения, имея в виду интересы другой стороны».

Владимир Владимирович может быть удивлен — в октябре 2022 года он прямо сказал, что «ни в коем случае» на месте Хрущева себя не представляет — но Никита Сергеевич как раз исходил из поиска общих точек соприкосновения.

Изначально на женевской встрече настаивали США, Великобритания и Франция. Антикоммунистический мир хотел прощупать постсталинскую обстановку. Советская сторона приехала подготовленной: она рисовала свою политику большими мазками, предлагая ликвидацию всех военных блоков, призывала к договору о всеобщей безопасности в Европе и выводе оттуда «иностранцев» — американских — войск, требовала решения германского вопроса. Запад такие

всеобъемлющие предложения всерьез не принимал, и ФРГ все равно уже была частью североатлантического альянса, но Хрущев остался доволен: их делегация наглядно показала, что в Европе теперь новый, почти симметричный, баланс сил, и с ним надо считаться.

Эйзенхауэр, в свою очередь, предложил план «Открытого неба» — следующий шаг на пути к разрядке. Каждой стороне разрешалось летать над чужой территорией для снимков ее военных объектов. Хрущев воспринял это как попытку узаконить воздушный шпионаж США в Советском Союзе — технические возможности США были, бесспорно, выше советских.

Во время встречи Хрущев еще раз предложил разобраться с НАТО и вообще принять туда СССР, раз уж Запад настаивает, что это всего лишь оборонительный союз. Американский президент был обескуражен такой прямоотой. «А вы разве просили?» — растерянно спросил он. Хрущев был доволен, что разоблачил западное лицемерие.

Первый секретарь был лично расположен к Эйзенхауэру — оба были лысыми генералами, воевавшими против Гитлера. В делегации был и маршал Жуков, которого Эйзенхауэр очень уважал после их военных встреч. Присутствие Жукова должно было смягчить «буржуазную» сторону в переговорах. Впрочем, по мнению Хрущева, американский президент был слишком «мягким», «зависимым от своих советников», в особенности от госсекретаря Джона Фостера Даллеса с его «слепой ненавистью к коммунизму». Его он считал настоящим архитектором политики США, «ястребом», который никаких

«поблажек» СССР не давал, а Эйзенхауэр был «послушным школьником, следовавшим примеру своего учителя».

Хрущев, как все кремлевские вожди, недооценивал, даже не понимал процессов демократии. Генерал Эйзенхауэр, искренне настроенный на мир и выступавший против усиления военно-промышленного комплекса, слушал Даллеса не потому, что не знал, что делать, а потому, что в США полагается опираться на мнения советников в последовательной системе «сдержек и противовесов» — решения принимает президент, а их потом оценивает парламентское большинство.

На встречах Никите Сергеевичу очень приглянулся «обтекаемый» премьер-министр Франции Эдгар Фор, которого он в шутку прозвал «Эдгаром Ивановичем». Но французские правительства меняются так быстро, размышлял первый секретарь, не стоит уделять им большого внимания. Возможно, он переоценил свою теплоту с французами. Министр иностранных дел Антуан Пине потом описал его как «маленького человека с толстыми конечностями», который все время встречал и перетягивал одеяло на себя.

Непосредственный Хрущев считал, что это нужно для пользы дела: Булганин был скучным докладчиком, а Молотов, несмотря на опыт, все время оглядывался на мнение уже мертвого Сталина. Хотя от непосредственности первого секретаря даже во время happy hour — «часа счастья», неформальных встреч за бокалом горячительного, — возникали конфузы. У русских нет таланта к small talk — ничего не значащему обмену любезностями и разговорам о погоде — и один раз, к всеобщему потрясению, Хрущев рассказал

о скрещивании зебры с овцой. Это было шуткой, но юмор не оценили.

Больше всех он шокировал церемонных англичан. С премьер-министром Великобритании, рафинированным и остроумным аристократом Энтони Иденом — «прогрессивным среди консерваторов человеком», — у пролетария Хрущева складывались вполне дружеские отношения. Сложнее было с министром иностранных дел Гарольдом Макмилланом. В отличие от более родовитого Идена, который свои симпатии и антипатии держал при себе, Макмиллан, наполовину американец, всячески выражал презрение. Как многие выходцы из Нового света, превозносящие связь со

напряженности в Европе было налицо. Был даже разговор о визите Булганина и Хрущева в Вашингтон. Пригласили их и в Англию, что Хрущев считал огромным дипломатическим успехом, результатом открытой политики нового СССР.

Кремль получил то, за чем и ехал, — делегация продемонстрировала свою приверженность мирному сосуществованию. Когда президент США Рональд Рейган встречался на берегу Женевского озера с генеральным секретарем Михаилом Горбачевым в 1985-м, их последующие соглашения о ликвидации ракет средней и меньшей дальности и другие договоры по ядерному разоружению стали «духом Женевы». Но первый «дух Женевы» —

не обращал внимания, и, приехав в Москву, первый секретарь поручил отказаться от бронированных ЗИС-115 — кремлевских «гробов на колесах». Стекла дверей там были такими тяжелыми, что только гидравлические домкраты могли их поднять. По мнению Никиты Сергеевича, новым руководителям СССР не пристало прятаться от собственного народа в таких «членовозах». Госавтомобилями стали ЗИС-110 — они же обычные советские такси, когда-то скопированные с предвоенного американского «Паккарда». Более того, сам он использовал их открытый вариант.

Хрущев давно шел к такой открытости. Даже во время ближайшей дружбы с Маленковым они не соглашались по поводу привилегий. «Не то чтобы папа их не хотел, он хотел, но не все время и не во всем», — объясняла мама Юля. Например, Георгий Максимилианович настаивал на охране, «как у Сталина», чтобы руководство ездило в бронированных машинах в сопровождении милиции, и ругал Хрущева, что тот не ездит в броне, нарушает протокол. И Ворошилов был недоволен, а до этого в Киеве Каганович на него Сталину «стучал». Рада добавляла, что сам Маленков был скромным человеком, но, кажется, думал, что так во власти полагается, поэтому строил особняки и высылал отдыхающих из «Нижней Ореанды» для своего отдыха. «Папа тоже особняки и дачи строил. И в Ореанде у подножия горы Могоби воздвигли очень комфортабельную дачу номер 1, где мы жили, но ее строительство началось еще при Маленкове, когда папа ему сказал, что негоже санатории закрывать». Разница между ними была в том, что Хрущев не хотел от людей отстраняться. Пляж там был огорожен обычным дощатым забором; люди через него проникали, передавали ему просьбы какие-то, камни в бумагу заворачивали и кидали. Это потом, к началу 1960-х, у него характер испортился и забронзовел, но поначалу все было демократично, рассказывала Рада.

В Женеве любителя природы Никиту Сергеевича впечатлили парки и озера. И, конечно, швейцарские часы. Прадедушка восторгался, если техника была «сделана по высшему классу». Аджубей вспоминал, как однажды «заезжий американец» подарил ему электронные часы, которые он сразу же отдал на Московский второй часовой завод «Слава» — для создания новых моделей.

Осенью Булганин и Хрущев завершили череду поездок того года, посетив Индию, Бирму и Афганистан, открывая возможности новых отношений.

Gamma-Keystone

Хрущев и Эйзенхауэр

старым, он трепетно относился к своему классовому превосходству, и этого не скрывал.

Высокомерный британский дипломат откровенно и недипломатично в частных беседах задавался вопросом: «Как может этот толстый, вульгарный человек с его свинными глазами и непрекращающимся потоком речи быть царем — претендентом на власть всех этих миллионов людей?» Эти оценки потом передали Хрущеву, и он дома обижался на «буржуазное лицемерие» — улыбаются с ножом в спину; восхвалял преимущества марксистского мышления — говорим, что думаем, прямо, без экивоков.

Конкретных результатов у встреч не было — их и не ждали, — но снижение

это 1955-й, когда представители четырех стран встретились и договорились встречаться дальше. Тогда советская сторона показала, что в Кремле больше не вожди, а люди, готовые к диалогу.

Хрущев сделал еще одно важное открытие: Сталин настаивал на близости новой войны, но «никакой предвоенной ситуации в то время не существовало, а наши противники боялись нас так же, как мы их. Поэтому они тоже бряцали оружием». Именно тогда он задумался об образе нового, не утраивающего, а открытого Союза.

В перерывах между заседаниями и happy hour Хрущев выгнал советскую делегацию осмотреть Женеву в машине с открытым верхом. Кто-то приветственно махал, кто-то

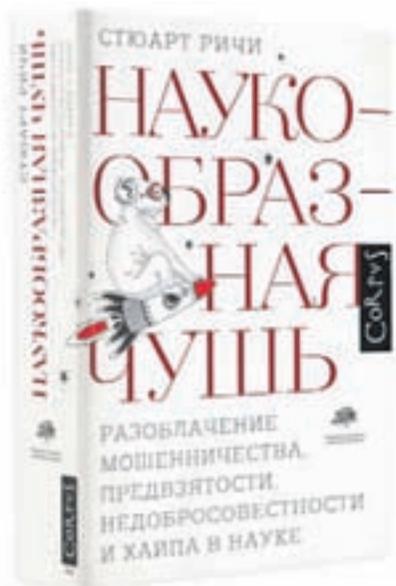
Шоки и шорохи

Насилие над фактами, разумом, ситуацией разлито не только в воздухе последнего времени, но и в книгах, пользующихся особым вниманием читателей. Возможно, потому,

что они помогают распознать наукообразную чушь и преодолеть реальный ужас, пережив художественный.

Клариса ПУЛЬСОН отобрала произведения талантливых писателей, которые помогут сделать это наверняка и с блеском.

Стюарт Ричи.
Наукообразная чушь.
Разоблачение мошенничества, предвзятости, недобросовестности и хайпа в науке.
Перевод с английского
Алены Якименко. —
М.: Corpus, 2024.

татам, выяснилось, что первоисточник — пойманный за руку мошенник. Скорее всего, именно после этого болезненного облома Стюарт Ричи взялся за расследование. Книга получилась страстная, даже пристрастная, непосвященных может шокировать.

Люди науки не безмолвствуют, пытаются противостоять. Знаете ли вы, например, что для пойманных на фальсификации ученых заведена специальная доска позора? Ее обновлением занимаются авторы блога Retraction Watch, которые анализируют статьи, отозванные из ведущих журналов. На момент написания книги (она

увидела свет три года назад) первую строчку со значительным отрывом занимал анестезиолог Еситака Фудзии, который выдумал данные для несуществовавших испытаний лекарства и чье количество отозванных публикаций достигает невероятного числа — ста восьмидесяти трех.

За прошедшее время у японского доктора медицины появился «удачливый» соперник. По подсчетам того же Retraction

Про британских ученых мы теперь все знаем. Если они что скажут — не верим, сомневаемся. Но есть ведь еще австралийские ученые, канадские, японские — как с ними? А как быть со всевозможными экспертами, которые с умным видом дают сомнительные рекомендации? Или не сомнительные?... Насколько эти люди компетентны? Вопросы неспроста, как выясняется, не только для большинства из нас, людей от науки далеких, но и для всего научного сообщества.

Автор книги, профессиональный психолог, разбирается в причинах появления и распространения наукообразной чуши в современном мире. Он сам — пострадавший. Пытался повторить известный громкий эксперимент, повторил. Однако, когда подготовил публикацию по резуль-

Соцсети

Watch, главным из ныне живущих мошенников от науки является коллега Фудзии — немецкий анестезиолог Иоахим Больдт. Из-за выявленных и подтвержденных фальсификаций журналы отозвали сто девяносто четыре статьи за его авторством. Интересно, как у обоих «докторов» с клятвой Гиппократа?..

Разоблачение громкой истории о том, что вакцины вызывают аутизм, может стать сюжетом научного триллера о нечистоплотных «специалистах»: The Lancet, один из самых уважаемых медицинских журналов, в 1998 году опубликовал печально известную статью Эндрю Уэйкфилда. Он поделился результатами обследования группы из двенадцати детей и пришел к выводу, что комбинированная вакцина от кори, паротита и краснухи способна спровоцировать «аутистический энтероколит» у детей с ослабленным иммунитетом. Только через шесть лет после публикации журналисты провели расследование и выяснили следующее: «Во-первых, один адвокат платил ему солидные деньги, поскольку собирался от лица родителей детей с аутизмом подать в суд на производителей вакцины. Более того, Уэйкфилд именно через связанную с этим адвокатом антивакцинаторскую группу и находил пациентов для своего исследования. Во-вторых, за год до публикации результатов он подал заявку на патентование своей собственной вакцины от кори, и поэтому ему выгодно было, запугав людей, отвлечь их от комбинированной вакцины». Трагичность ситуации в том, что редакция уважаемого журнала отозвала статью лишь в 2010 году. Сфальсифицированное исследование на тему, касающуюся десятков тысяч человеческих жизней, двенадцать лет провело в мире официальной науки.

Помните сенсацию «Теория Эйнштейна опровергнута: скорость света может быть превышена»? Осторожные комментарии самих исследователей ЦЕРН, как водится, проигнорировали, зато громкие заголовки обошли все мировые СМИ. Тщательная проверка установила истинную причину «сенсации»: из-за плохо подключенного оптоволоконного кабеля данные о скорости движения частиц регистрировались неверно. Это разве новость, про такое писать неинтересно.

И это только три ярких истории из нескольких десятков, раскопанных Ричи.

Наукообразная чушь как явление, кроме всего прочего — откровенное насилие над фактами, зачастую в корыстных интересах.

Очень полезная книга для того, чтобы трезво относиться к сенсациям, экспертным мнениям и прочим спекуляциям. Фейки — они и в науке фейки.

РИА Новости

Яна Вагнер.
Тоннель.

Роман. — М.: РЕШ, 2024.

Вам недостаточно триллеров в новостях? Вам мало ужастиков в блогах? Вам скучно листать телеграм?

Вы с друзьями говорите только о погоде, видах на урожай и куда бы слетать летом, если авиабилеты постоянно дорожают?

Добро пожаловать в «Тоннель»!

Яна Вагнер вас напугает, сделает душно, безвыходно, больно, противно, вынудит примерить на себя темное и стыдное. Так обещано. Разбираемся, что в реальности с книгой, которую заранее назвали событием года.

«Тоннель» в буквальном смысле герметичный триллер. Заветное слово «гермодвери» повторяется многократно, чтоб сомнений в отсутствии выхода точно не осталось.

Начало июля, знойный воскресный вечер. На дорогах пробки: люди после выходных возвращаются в город, остаются преодолеть трехкилометровый тоннель под Москвой-рекой. Вот тут-то и срабатывают те самые гермодвери, не пропускающие воду и всякие гадости. Полтысячи человек заперты в тесном душном пространстве. Если там, снаружи, атомная война или химическая атака — спасены, на какое-то время. Но вполне возможно, это происки, злой умысел, ди-

версия, провокация, значит — ловушка. Что произошло на самом деле, не знает никто. Ау, спасатели, дайте ответ! Не дают ответа...

В тоннеле, как в любом «ковчеге», по авторскому замыслу, собралось каждой «твари по паре», как на линейке в пионерском лагере. Люди при деньгах на дорогих машинах — тут! Силловые структуры — в наличии! Госслужащие — само собой. Уголовные элементы — а как же! Недовольные мамы, капризные дочери, сыновья с аутизмом — а то!

Есть священник, есть профессор, дальнийбойщик, представители разных конфессий. Есть даже «первое лицо» в сильно нездоровом состоянии с персональным туалетом под сиденьем, помощницей, телохранителем, но почему-то без доктора и должного сопровождения. Да, совсем забыла, шепот психопатов в обязательном порядке.

Что будет происходить дальше, понятно: видели и читали множество раз. Значит, важно не что, а как. И тут возникают проблемы.

Первая и главная: нарушен главный закон банального сюжета («Тоннель» в этом смысле более чем банален) — он должен вызывать абсолютное доверие. Особенно это важно для антиутопии. Доверия в данном случае не возникает.

Шоки и шорохи

Все допущения, нарушения формальной логики должны быть убедительны в рамках условий игры. Тут вопросы на каждом шагу. Начиная с очевидного: как «первое лицо» может попасть в такой переплет? Ответ в книге — водитель выбирал оптимальный маршрут — не работает. Вы серьезно?! Ну смешно же. По мере развития заявленная схема рассыпается под лавиной нестыковок.

Мнения о громкой новинке, которую уже объявили самой значимой книжной премьерой весны, разделились. Поклонники, как водится, в восторге, разочарованных тоже достаточно, претензии все те же — не верю!

Сверхзадача, должна же быть у романа-катастрофы сверхзадача, «тоннель — модель нашего общества», где каждый организуется, кооперируется и выживает как может, чаще всего за счет других, тоже не сильно оригинальна. Новых ракурсов не предлагается.

Что в книге точно есть — гнетущая атмосфера. Ради этого читать, если ее кому-то не хватает в окружающей нас реальности, стоит. Угнетет с гарантией.

Стилистически «Тоннель» больше всего похож на прогнанный через автоматический переводчик английский — именно английский текст, доведенный до ума грамотным редактором.

Возможно, экранизация будет удачнее, сценаристы доработают. Вспомните «Эпидемию».

Лиз Ньюджент.

Странная Салли Даймонд.

Роман. Перевод с английского Таусии Масленниковой. — М.: АСТ, 2023.

Мы уже привыкли, что разного рода страшные маньяки толпами бродят по страницам современных романов, кочуют из сериала в сериал. Это стало модной, вполне коммерческой темой: публике нервы пощекотать, чтобы страшно,

ужасно, отвратительно. Психологи уверяют: таким образом зрители и читатели освобождаются от напряжения. «Типа, даже полезно». Ладно, окей, пусть так. В этом смысле книга Лиз Ньюджент, возможно, ожиданий не оправдает. Она другая

Соцсети

и про другое. Уж не знаю, сознательно ли писательница пошла другим путем. Получилось.

...От домушников иногда случается польза. Один такой забрался в большой дом на отшибе, хозяин жил один, уехал в город, путь свободен. Неожиданно он услышал женские вопли из сарая, испугался и сбежал от греха. Через несколько дней — все-таки вор, а не душегуб — анонимно позвонил в полицию. В сарае рядом с домом полиция обнаружила изможденную женщину с маленькой девочкой. Почти сразу выяснилось, что она — та самая десятилетняя девочка, которую вся Ирландия искала пятнадцать лет назад.

Похититель, державший ее все это время в заточении, несмотря на все усилия полиции, бесследно исчез.

Громкая история, совсем не типичная для этих мест. Женщина была в ужасном состоянии, кричала при виде мужчин, дочку от себя не отпускала, при виде родителей впадала в истерику. Несчастную оставили в клинике: ей и

ребенку требовалась постоянная интенсивная терапия. Случай уникальный, неизвестно, будет ли положительный результат. С пациентами начала работать семейная пара врачей — он психиатр, она психолог, они переехали больницу, чтобы быть рядом. Через год доктора решили разделить мать и дочь, иначе у девочки прогресса не будет, мать разлуки не выдержала, покончила с собой. Публике объявили, что ребенка удочерили в Англию,

сменили имя. И к лучшему — о таком опыте лучше забыть.

Спустя много лет история снова стала национальной сенсацией. Оказывается, девочку увезли недалеко, ее родителями стали те самые врачи. Ей теперь сорок два года, и она — странная.

Тайное стало явным, когда Салли Даймонд, так все эти годы ее звали, попыталась сжечь тело приемного отца в печи, куда они обычно отправляли мусор. Как такое могло прийти в голову?!

Папа, объяснила Салли, незадолго до смерти дал четкое указание: «Когда я умру, вынеси меня вместе с мусором. Я уже буду мертвый, так что разницы не почувствую». Салли не понимает, почему все так возмущаются, почему считают ее поступок ненормальным, даже обвиняют в убийстве. Впрочем, обвинение быстро сняли, но вопросы остались, а главное — появились новые, в том числе и у нее самой.

Салли точно странная — чтобы ее понять, надо понять, что с ней произошло. Придется вернуться в страшное прошлое и разобраться с опасным настоящим.

Расчлененки и смакования физических ужасов не будет, почти не будет, только самое необходимое для развития сюжета. Будет напряженный психологический, точнее, психиатрический триллер о том, как навязанная несвобода, даже неосознаваемая несвобода, и ложные установки разрушают жизни людей. Благодный финал сомнителен, исцеления и даже катарсиса не предвидится. Разве что мерцающий свет сомнительного покоя где-то в смутной дали.

**Энтони
Маккартен.
Zero. Обнуление.
Роман. Перевод с английского
Александра Филонова. —
М.: ЭКСМО, 2023.**

Антиутопия о ближайшем будущем, которое наступает... или уже наступило?..

Что частной жизни давно не существует — мы давно догадываемся. Хитроумные устройства узнают нас по отпечаткам пальцев, голосу, сетчатке, а скоро, наверное, появятся замки, которые будут пускать домой по экспресс-тесту ДНК. На земле — камеры, в небе спутники, Большой Брат бдит круглосуточно. Что уж говорить о всевозможных гаджетах

Соцсети

и соцсетях, которые — с нашей помощью — показывают не только, где мы, с кем мы, сколько шагов сделали, но и с легкостью прочитывают алгоритмы всех наших действий. Идея книги не сказать чтобы сильно нова, помним и «Врага общества», и «Бегущего по лезвию». В «Zero» интрига отчасти похожа, но есть масса оригинальных «фишек», которые делают книгу остроактуальной.

Сай Бакстер (эдакий собирательный Стив, Марк и Билл) — типичный прыщавый ботан из бедной семьи, запустил свой первый стартап в материнском гараже — и стал воплощением американской мечты. Комплексы, неврастения, мания величия прилагаются. Сейчас он хочет продать правительству новейшие разработки, которые навсегда решат проблему терроризма и преступности.

Рассказать мало, чиновникам и политикам надо показать, как ЭТО работает, поэтому компания Бакстера предлагает проверить эффективность системы на практике.

Для чистоты эксперимента выбрано пять чистых и пять нечистых. Нечистые — профи: айтишники, военные, те, кто разбирается, имеет опыт и владеет навыками. Чистые — чайники, которые совсем не в теме, — старик, полицейская средних лет, неудачливый предприниматель, библиотекарьша. Задача — продержаться 30 дней и не попасться Большому Брату. Цена вопроса — три американских «лимона». Когда будет дана отмашка, «нулям» — так экспериментаторы нарекли «игроков» — дается фора в два часа на полное исчезновение.

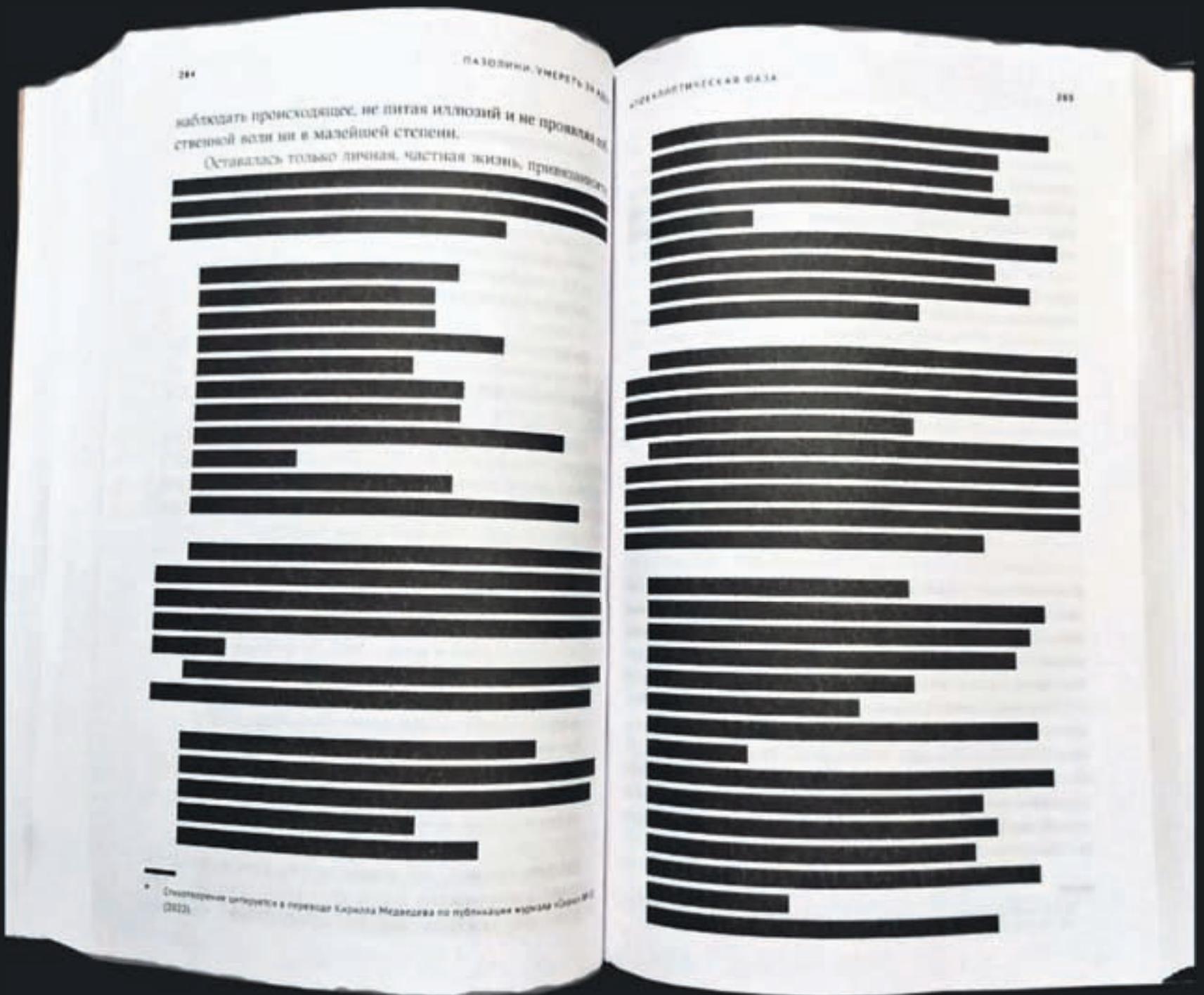
Им надо раствориться в пространстве, чтобы не отследили ни по физическому, ни по цифровому следу. Всех тестируемых довольно быстро отловили. Обломались на библиотекарьше — типичном «синем чулке», заведомом аутсайдере, чьи действия не поддаются формальной логике. Организаторы не знают, что для нее на кону стоят не деньги. Точнее, больше, чем деньги. Когда человек высоко мотивирован лично — система может дать сбой.

История придумана и сделана виртуозно, проработаны все детали, герои, антураж. Маккартен, дважды лауреат премии BAFTA, свое дело знает. Правда, финал слишком благополучен, зато читателю приятно.

Общее впечатление от книги — тревожное. Самая важная мысль: мы живем в эпоху полной утраты конфиденциальности, мы — готовы?

О смартфон мой, враг мой!

Клариса Пульсон

Цензура книг времен СВО и скреп

Роберто Карнеро «Пазолини. Умереть за идеи». М.: АСТ. 2024

Что в следующем номере?

- КАК ЗАПАДНЫЕ САНКЦИИ ВЛИЯЮТ НА РОССИЙСКУЮ ЭКОНОМИКУ
- О «НАНСЕНОВСКИХ» ПАСПОРТАХ И СУДЬБЕ ЭМИГРАНТОВ ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ
- КАК «ОШИБКИ» ЦЕНЗОРОВ ГЛАВЛИТА ШЛИ НА ПОЛЬЗУ СОВЕТСКИМ ЧИТАТЕЛЯМ

ГОРБИ
GORBY